

Сергей Коняшин

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Роман

Новороссийск

2020

УДК 82-311.6
ББК 84(44Рос)
К65

Коняшин, С. С.
К65 Последний рубеж : роман / С. С. Коняшин. – Новороссийск :
ООО «Новороссийская Типография», 2020. – 364 с. :
ил. В. В. Зиппа

ISBN 978-5-4477-3137-3

Сентябрь 1942 года. Войска гитлеровской Германии и её союзников неудержимо рвутся к кавказским нефтепромыслам. Турецкая армия уже готова в случае их успеха нанести решающий удар по СССР. Кажется, что ни одна сила во всём мире не способна остановить нацистскую машину смерти...

Но такая сила возникает на руинах Новороссийска, почти полностью стёртого с лица земли в результате ожесточённых боёв Красной армии против многократно превосходящих войск фашистских оккупантов. Для защитников и жителей города разрушенные врагами улицы становятся последним рубежом, на котором предстоит сделать единственно правильный выбор – победить любой ценой или потерять всё.

Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся военной литературой и историей легендарного новороссийского противостояния 1942-1943 годов, коренным образом переломившего ход битвы за Кавказ в пользу СССР и, как следствие, предрешившего итог всей Великой Отечественной войны.

16+ В соответствии с ФЗ №436.

УДК 82-311.6
ББК 84(44Рос)

© С. С. Коняшин, 2020
© Иллюстрации В.В. Зиппа, 2020
© Оформление ООО «Новороссийская Типография», 2020

*Светлой памяти Константина
Ивановича Подымы, вдохновившего
меня на написание этой книги,
вечной памяти защитников
нашего города, разгромивших врага
в тяжелейших боях на берегах
Цемесской бухты,
всем новороссийцам в год
75-летия Великой Победы
посвящается...*

Дорогие друзья!

В знаменательный год 75-летнего юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне администрация ЧОУ «Гимназия №1» решила сделать нашему городу памятный подарок. Объединенными усилиями преподавателей, учащихся и их родителей мы переиздали эту книгу – роман «Последний рубеж», посвященный героическим страницам истории нашей малой родины.

Его автор – наш с вами земляк Сергей Коняшин, российский тележурналист и дипломат, специализирующийся на странах Ближнего Востока и Северной Африки. В 2000 году он с золотой медалью окончил гимназию №20, после чего учился и занимался научной деятельностью в МГИМО МИД России, работал тележурналистом на военном канале «Звезда» и федеральном «Первом канале», служил в посольствах России в Йемене и Судане. В настоящее время он является российским консулом в Алжире.

Из под его пера вышли сборники стихотворений «Опустошение» (2004 г.) и «Предисловие» (2014 г.), научные монографии «Информационное телевидение в политическом процессе постсоветской России» (2015 г.) и «Социальные стереотипы в информационно-новостном управлении общественным мнением (на примере телевизионных СМИ)» (2016 г.). Кроме того, он перевел с арабского языка повесть «Мятежницы» йеменского писателя Ш.Х. Атыфы (2017 г.).

Военный роман «Последний рубеж» – дебютный опыт Сергея Коняшина в прозаическом жанре. Надеюсь, вы получите от его прочтения такое же большое удо-

вольствие, какое получила я, ознакомившись в прошлом году с его первым изданием. Уверена, что вас заинтеригуют неожиданные повороты сюжета, а художественная образность языка автора доставит вам истинное удовольствие от чтения.

Однако произведение ценно, на мой взгляд, даже не этим. Главное в нем – ощущение сопричастности с происходящим, погружение в мир и чувства главных героев. Горечь от потерь и жажда жизни, безысходное отчаяние и вера в победу, стремление к мести и чувство долга – все это тугим узлом переплетается в сознании читателя, заставляет задуматься, что такое война и почему она больше никогда не должна повторяться.

Мы с вами, наследники бессмертной памяти о подвиге воинов-малоземельцев, прекрасно знаем, как легендарное новороссийское противостояние 1942-1943 гг. коренным образом переломило ход битвы за Кавказ в пользу Советского Союза и, как следствие, предредило итог всей Второй мировой войны.

К началу описываемых в «Последнем рубеже» событий в сентябре 1942 г. гитлеровская Германия уже заняла почти всю Европу, проводила агрессивные наступательные операции в Северной Африке, выбила советские войска из Украины, Крыма и Тамани. Войска вермахта продолжали стремительно и неудержимо рваться к чеченским и азербайджанским нефтепромыслам. В Закавказье их уже ожидала готовая в любой момент присоединиться к действиям «стран оси» турецкая армия. Казалось, ни одна сила во всем мире не способна более остановить нацистскую машину смерти...

Но это сила нашлась. Здесь – на берегах Цемесской бухты, на нашей с вами земле. В лице подростка-пионе-

ра, до последней капли крови защищавшего родительский дом на Октябрьской площади. В лице девушки из Станички, отомстившей фашистам за убийство брата. В лице краснофлотца, давшего себе клятву ни при каких обстоятельствах не отступить дальше родного города. В лице тысяч других людей, для которых разрушенные войной новороссийские улицы стали тем самым последним рубежом, на котором нужно сделать единственно правильный выбор – победить любой ценой или потерять все. Сделать этот выбор главным героям помогают издревле присущие русскому народу черты характера – бескорыстие, терпение, стремление к справедливости, сострадание, честность, неприятие лжи, жертвенность.

Остановленная защитниками Балки Адамовича, а затем отброшенная назад дерзким морским десантом Ц.Л.Куникова, объединенная военная машина Третьего рейха и его многочисленных союзников, как известно, больше никогда не оправилась от этого удара. Наши войска, перешедшие в решительное наступление прямо с Малой земли, освободили затем не одну европейскую страну. Благодарная память об их подвиге будет вечно согревать сердца жителей нашего города, заслуженно удостоенного редкого почетного звания «город-герой».

Обо всем этом и не только – «Последний рубеж», книга, которую вы сейчас держите в руках. Хочу выразить глубокую признательность всем, кто помогал нам в ее издании. Ведь оно мыслилось в первую очередь как благотворительный военно-патриотический проект.

В частности, благодарю заместителя директора по учебно-воспитательной работе ЧОУ «Гимназия №1», руководителя клуба по обсуждению книг «Читаем вместе» Елену Владиленовну Брянцеву, приложившую боль-

шие усилия к популяризации этого произведения среди молодежи, а также ученицу 11-В класса Веру Зиппа, подготовившую замечательные иллюстрации профессионального уровня, которые мы не задумываясь включили во второе издание романа.

Марина Владимировна и Герман Иванович Качан оказали весомую финансовую поддержку, без которой выход книги из печати не был бы возможен.

Отдельную признательность хотелось бы выразить сотрудникам ООО «Новороссийская типография», вложивших в подготовку макета весь свой профессионализм и старание, а также лично ее директору Вячеславу Анатольевичу Шевченко, изыскавшему возможности предоставить льготные условия для реализации нашего проекта на высоком качественном уровне.

С уважением,

*Н.А. Меркулова,
Директор филиала
ЧОУ «Гимназия №1»*

Автор выражает благодарность
ЧОУ «Гимназия №1»
г.Новороссийска и лично
директору филиала
Меркуловой Натальи Алексеевне
за существенную помощь в издании
этой книги.

От автора, или Коротко о том, как и почему был написан этот роман

Константин Иванович, хитро усмехнувшись, сказал мне:

– А ты возьми и сам напиши!

Это был ответ на мой шуточный риторический вопрос, почему так немного написано произведений об одной из самых героических страниц Великой Отечественной войны – боях на Малой земле.

– Постараюсь, – легкомысленно подыграл тогда я ему и тут же забыл об этом отступлении от нашего разговора о литературе военных лет.

Мне нравилось навещать Константина Ивановича в его маленькой квартире в районе Речного вокзала в Москве, заполненной до отказа редчайшими книгами. Большинству из них не находилось места в забитых до предела шкафах, и они были сложены высокими стопками прямо на полу.

Мы подружились с ним очень быстро, сразу после моего поступления в МГИМО и переезда из Новороссийска в столичное студенческое общежитие. Прекрасный кинодраматург, тонко чувствующий ткань видеоматериала, Константин Иванович здорово помог мне с дипломной работой по курсу тележурналистики, признанной по результатам экзаменов одной из лучших на потоке. Первоклассный поэт, виртуозно владевший искусством рифмы и ритма, он научил меня не бояться джунглей творчества и смело садиться за белый лист бумаги. Скрупулёзный исследователь, обладавший энциклопедическими знаниями, Константин Иванович поделился со мной умением видеть великое в простом, ценить каждую пядь родной земли, скрывающей бесконечно трудную, но славную историю. Наконец, просто добрый и отзывчивый человек, отдавший не один год своей непростой жизни делу помощи попавшим в трудную ситуацию детям, он подал мне незабываемый пример светлого подвижничества и бескорыстной заботы о людях.

Именно таким – с одной стороны, простодушным и в чём-то даже наивным романтиком, с другой – недостижимым идеалом глубочайшего ума, природного таланта и добродетельной смелости – Константин Иванович навсегда остался в моей памяти. Тогда, накануне моей первой заграничной командировки в Йемен, я, конечно, не мог знать, что наша неторопливая беседа за чашкой чая с куском абрикосового торта станет, к моему горькому сожалению, последней...

Перед нашим прощанием Константин Иванович попросил меня подождать на кухне и удалился в комнату. Через четверть часа он вернулся с двумя пакетами, туго набитыми книгами, и, сияя от удовольствия, вручил их мне.

– Что это? – не сразу понял я, с ужасом прикидывая, сколько пакеты могут весить.

– Как что? – деланно удивился Константин Иванович. – Справочная литература для твоего будущего романа.

– Какого романа? – спросил я, совершенно сбитый с толку.

– Который ты мне обещал написать, сидя вот здесь, – тонкой, уже дрожавшей от продолжительной болезни рукой Константин Иванович показал на стул, с которого я только что встал.

– Ах да, – спохватился я. – Только не написать, а постараться написать...

– Ну ладно, ладно! – нетерпеливо перебил он. – Тут только самое основное. Если потребуется что-то ещё, скажи. У меня всё есть.

– Хорошо, – просопел я, с трудом выволакивая в коридор увесистые пакеты...

Константина Ивановича я не обманул и по приезде в Йемен действительно попытался начать работу над романом. Однако тысяча мелких дел на совершенно новой и не очень ещё понятной мне дипломатической службе решительно отодвинули любые попытки литературного творчества на одно из последних мест.

Трагическое известие застало меня менее чем за полгода до окончания командировки. Мучительно тяжело было возвращаться в Россию, осознавая, что никогда больше не доведётся навестить Константина Ивановича, попить с ним чая на его крошечной кухне, так же, как и комната, плотно заполненной книгами, и до поздней ночи говорить обо всём и прежде всего о горячо любимом нами небольшом черноморском

городе, изогнутом подковой вдоль берегов Цемесской бухты.

В Центральном аппарате МИД я провёл неполный год, после чего вновь был откомандирован за границу, на этот раз в Судан. Перебирая в Хартуме архивные файлы на старом ноутбуке, я случайно наткнулся на давние робкие и незатейливые наброски этого романа и уже хотел нажать на клавишу «Удалить», когда вспомнил вдруг наставления Константина Ивановича. Поразмыслив несколько секунд и ухватившись за первое пришедшее на ум оправдание: «Ведь я действительно обещал только постараться, а не написать», вновь хотел нажать на клавишу «Delete». Однако внутренний голос, воспитанный в духе непримиримости к фальши за долгие годы общения с Константином Ивановичем, справедливо заметил: «Но ты же никогда не пытался по-настоящему», и палец с клавиши пришлось убрать.

Выкраивая время в выходные и по вечерам, в праздники и поездках, я внимательно перечитывал доставшиеся мне книги об истории обороны Новороссийска – кое-что из советской военной классики, что-то из немецкой – и сел, наконец, писать. К концу 2016 года роман был в общих чертах завершен, но я долго не решался выносить его на суд широкой публики.

Искушённые историки, да и не только они, безусловно, укажут на фактические несоответствия в описаниях обороны Новороссийска во второй половине 1942 года и десантной операции в посёлке Станичка (ныне – Малая земля) в начале 1943 года. Предвосхищая эти замечания, хочу подчеркнуть, что осмысленные и неизбежные в рамках творческого процесса изменения в описании отдельных событий или временных отрезков, не

умаляющие величия боевого подвига защитников нашего города, вряд ли способны оскорбить чью-либо память. Легендарные события тех лет довольно подробно задокументированы и добросовестно изложены в любом хоть сколько-нибудь методическом описании Великой Отечественной войны, и каждый может позволить себе ознакомиться с ними.

Главное же назначение своего романа – как в первую очередь художественного произведения – я вижу в том, чтобы ещё раз напомнить и как можно более правдиво показать читателю, насколько отвратительна и страшна в своей первобытной жестокости любая война, как неотвратимо и равнодушно отбирает она у каждого человека самое дорогое вне зависимости от его личных заслуг и качеств.

Давайте всегда будем помнить об этом, чтобы ничего подобного больше не могло повториться на нашей земле! И сохранение благодарной памяти – лучший тому залог!

Пролог

Двадцать вторую годовщину освобождения от фашистов Новороссийск, официально пока не город-герой, встречал шумными народными гуляньями. Тогда ещё не был воздвигнут на Малой земле величественный мемориал-музей в виде носа десантного катера, с которого навстречу испепеляющему огню пяти отборных немецких дивизий прыгают первые бойцы дерзкого куниковского десанта, и будто каплями крови, брызнувшей на изумрудную траву, вся она была покрыта крупными алыми маками.

Легендарный плацдарм, почти весь окружённый новыми микрорайонами полностью восстановленного

и сильно расширившегося после войны Новороссийска, оставался практически нетронутым памятником тем грозным боевым годам. Неровная ухабистая земля на месте полностью уничтоженного в результате жесточайших боёв пригородного посёлка Станичка до сих пор напряжённо бутрилась высокими брустверами, зияла глубокими воронками и была густо исполосована длинными порезами окопных траншей. На ней всё ещё чернели обугленные и помятые остовы взорванных танков, фрагменты разбитых орудий, опрокинутые надолбы и руины разрушенных домов.

Уроженец далёкого Русского Севера Андрей Прозоров, получивший по окончании Ленинградского Нахимовского военно-морского училища распределение на Черноморский флот, медленно бродил среди заросших высокой травой грозных свидетельств той свирепой битвы, что гулким эхом прогремела на весь мир более двух десятков лет назад на этом крошечном участке береговой линии.

С удивлением осматривая крошечный без естественных укрытий и источников пресной воды плацдарм, который в далёком 1943 году насквозь простреливался от края до края, над каждым клочком которого часами висела гитлеровская авиация, несколько раз в день перепавшая выжженную землю огнём и металлом, он с трудом представлял себе, как его отец мог воевать здесь – на этой пустынной почти плоской местности, где к тому времени уже не оставалось ни единого деревца, ни одного целого строения. Тяжёлые немецкие и румынские орудия засыпали тысячами снарядов этот стонущий от разрывов и утопающий в огне берег. Вражеские катера и подводные лодки непрерывно долбили торпедами в

наспех сооружённые причалы и береговые обрывы, обваливая их на головы раненых бойцов, ожидавших эвакуации на узких каменистых пляжах. Но, несмотря ни на что, отчаянно дравшиеся на этой земле люди выстояли и победили!

Андрей дошёл до края плацдарма и увидел группу отставных морских пехотинцев. Один из них сидел на обгоревшем корпусе немецкого танка и, виртуозно растягивая меха старенькой гармошки, громким бесшабашным голосом пел бодрую боевую песню:

*Штормовое море за бортом ревёт.
На жестокий бой нас Родина зовёт.*

Привлечённый песней, Андрей подошёл ближе. Окружавшие гармониста однополчане бойко подпевали:

*В раскалённый берег бил крутой прибой.
Над ночной Станичкой разгорался бой.
Орудийный грохот воздух разрывал.
Куников с отрядом берег штурмовал.*

Чья-то тёплая ладошка осторожно тронула Андрея за руку. Он оглянулся, посмотрел вниз и увидел возле себя маленькую, жадно грызущую огромное яблоко девочку.

– Дядя, купи колечко, – широко улыбаясь, предложила она, протягивая ему зажатое в худых перепачканных землёй пальцах тонкое медное кольцо.

– Как интересно! Давай-ка посмотрим, что тут у тебя, – подыгрывая девочке, заговорил Прозоров весёлым, нарочито громким голосом.

Он взял из её руки старое, немного погнутое кольцо, очистил от налипшей влажной земли и внимательно рассмотрел. На внешней стороне ясно читались слова тонкой гравировки «Полине от Андрея».

«Надо же какое совпадение! – удивился он. – Готовый подарок младшей сестрёнке!»

– Где же ты взяла такую красоту? – спросил Андрей.

– Мы с Димкой вон там откопали, – быстро ответила пристально наблюдавшая за ним девочка, показывая грязным пальцем на противоположный конец Малой земли.

– Ну, хорошо, беру, – как бы сомневаясь, согласился Прозоров. – Сколько?

– Четыре листочка... – тихо ответила юная продавщица, словно не веря, что так просто нашла покупателя для своей простенькой находки.

– Ну, четыре так четыре, – сказал Андрей, начиная срывать листья с ближайшего дерева.

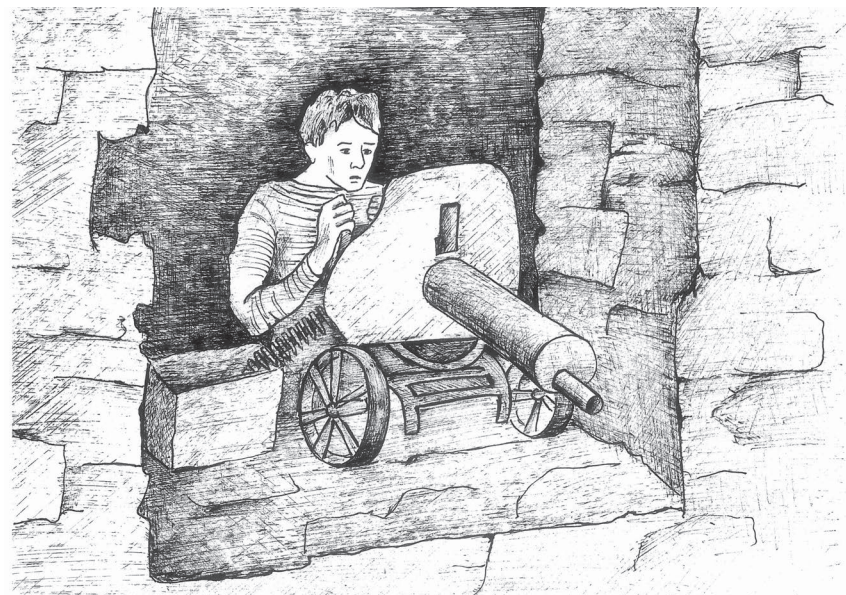
– Не таких! – закричала девочка. – Димка эти не берёт. Каштановые нужно.

– Как скажешь... – повиновался моряк.

Он направился к стоявшему поодаль каштану, оторвал от него четыре самых широких и плотных листа, до каких смог дотянуться, и отдал их девочке.

– Носите на здоровье! – радостно проверещала она и, крепко сжимая в ладошке сложенные стопкой тёмно-зелёные листья, побежала прочь.

Андрей ещё раз посмотрел на кольцо и, стерев с него остатки грязи, положил в карман.

Глава I

Гренадер 17-й армии вермахта Вильгельм Шульц уверенно шагал по вздыбленной от взрывов брусчатке улицы Рубина. Стреляные гильзы, сплошь устилавшие дорогу, со скрежетом разлетались в стороны из-под подошв его тяжёлых сапог и звонко цокали о разбитые бордюры. Вся улица была усыпана ещё горячими осколками и обугленными обломками разрушенных домов. На обочинах догорали огромные тополя и акации, выкошенные немецкой артиллерией. Вокруг лежали окровавленные, обгоревшие и разорванные трупы. От тяжёлого смрада, расползавшегося в неимоверной сентябрьской жаре, перехватывало дыхание, кружилась голова.

Вильгельм прищурил глаза, ослеплённые палящим черноморским солнцем, и положил уставшие руки на поцарапанный в недавних жестоких боях автомат, болтавшийся у него на шее. «Захватить этот порт оказалось проще простого», – размышлял с усмешкой на лице гренадер, равнодушно осматривая свежие руины. «Пожалуй, прочесть в измятых картах его длинное непонятное название было сложнее», – продолжал ухмыляться Шульц.

Вместо полноценной армии на берегу Цемесской бухты немецкие войска встретили немногочисленные разрозненные группы матросов с недавно потопленных кораблей и сборище плохо обученных партизанских отрядов, одетых в лохмотья и вооружённых трофейным оружием. «Ещё немного, – мечтал Шульц, – и из-за скалистых вершин Кавказа покажутся, наконец, эти чёртовы нефтяные вышки, о которых столько раз твердили им чопорные немецкие генералы, и он победителем поедет домой. И тогда уже пусть турки, итальянцы или хотя бы румыны, наступающие по соседней улице, вбивают последние гвозди в крышку гроба для этой огромной дикой страны». Больше всего ему сейчас хотелось дойти, наконец, до Каботажной пристани у морского вокзала, откуда на нескольких уцелевших кораблях русские эвакуировали из Новороссийска тяжелораненых бойцов, женщин и детей, вывозили из обречённого города остатки вооружения, продовольствия и боеприпасов. Уничтожением этих морских транспортов должно было завершиться их сегодняшнее задание.

Надсадный грохот оглушительной пулемётной очереди оборвал мечты гренадера. Несколько его друзей, шедших впереди, свалились замертво как подкошенные.

«Пулемётчик в башне!» – раздалось рядом.

Шульц стремглав бросился с дороги за угол разрушенного дома. Единственное, что он слышал в эти секунды, – хищный лязг пуль, бьющих прямо под его ногами в круглые серые камни, которыми была вымощена мостовая, а затем оглушительный хруст свинца в бетонной стене, за которую он спрятался.

Вильгельм облегчённо выдохнул. Конечно, не в первый раз смерть прошла так близко, но, пожалуй, впервые застала его с висящим на шее и разряженным оружием. «Взводный же вроде ясно сказал: “Путь свободен”. Откуда мог взяться этот пулемётчик?» Шульц сменил магазин на автомате и выглянул из-за угла. В окне на втором этаже старинной башни из серого крымского известняка маячил тонкий силуэт. «Похоже, совсем мальчишка...» Однако не успел гренадер прицелиться, как из башни в его сторону вновь яростно огрызнулся пулемёт «максим».

Солдат отпрянул за угол и испуганно уставился в стену, находящуюся позади дома, из которой пулемётная очередь кучно высекла несколько высоко взлетевших фонтанов кирпичной пыли. Промедли он хоть мгновение, и его голова оказалась бы между пулемётной очередью, выпущенной из ствола максима, и этими раскрошенными в красную пыль кирпичами. «Если там действительно мальчишка, – подумал Шульц, – он весьма умело для своих лет управляет с пулемётом».

За углом соседнего дома миномётный расчёт из троих человек спешно готовил к бою орудие. Однако стоило одному из солдат по неосторожности подняться из-за укрытия, чтобы установить ствол на сошки, на его ките тут же появились глубокие рваные прострелы, и

кровь брызнула на раскалённый бордюр. Миномётчик вскрикнул и медленно завалился на бок. Ствол выпал из рук и выкатился на тротуар, хорошо простреливаемый из башни.

– Прикрой! – крикнул Шульцу командир миномётного расчёта.

Вильгельм высунулся из-за угла и, практически не целясь, выпустил почти всю обойму в окно на втором этаже. Миномётчик выбежал на тротуар, подобрал ствол и едва успел обратно за угол. Как только в проёме окна погасли последние искры, выбитые пулями Шульца из стен и щитка пулемёта, максим застрочил опять. На этот раз в сточную канаву скатился с простреленной головой младший сержант из второго взвода, неудачно спрятавшийся за акациями на противоположной стороне дороги.

В тот же миг тяжело ударил всё-таки собранный за соседним домом пятидесятимиллиметровый миномёт. С наглым свистом снаряд вонзился в край окна. Оглушительный взрыв выворотил из башни кусок стены, поднял густое облако пыли. Повалили клубы чёрного дыма. Когда пепельное марево рассеялось, Шульц разглядел в развороченном окне пулемёт с погнутым щитком, опрокинутый на широкий внешний подоконник и покрытый толстым слоем обломков. В ту же секунду из-за ветвистых акаций с противоположной стороны улицы к башне бросились несколько солдат, вероятно, рассчитывая, что пулемётчик убит или оглушён.

Вильгельм передернул затвор оружия и на всякий случай взял на прицел взорванное окно с перевёрнутым пулемётом. Когда солдаты были уже в нескольких десятках метров от башни, её дверь неожиданно распахнулась.

На пороге стоял смуглый босой мальчишка в рваных шортах и обгоревшей тельняшке с немецкой гранатой в руке. Его голова была сильно рассечена, русые волосы и перепачканное ружейным маслом лицо сильно залиты кровью. Коротким отточенным движением он метнул в подбегавших солдат гранату. «Грамотно – по навесной траектории, – успел отметить Шульц, – чтобы к моменту взрыва она была на излёте и её нельзя было отбросить обратно». Гренадер перевёл прицел на мальчишку, нажал на спусковой крючок, но тот уже исчез за дверью, и пули лишь высекли из неё ворох щепок.

Раздался взрыв. Высокий фонтан земли и травы с хлестким ударом вскинулся в воздух. Вильгельму показалось, что ещё не успели разорванные тела его товарищей упасть на землю, как мальчишка поставил обратно опрокинутый пулемёт и вновь длинной очередью пропорол улицу. Солдат, пробежавший в этот момент мимо укрытия Шульца, уклоняясь от пуль, с разбега кувыркнулся к нему за угол.

– Видел, что этот сопляк творит? – выпалил он, приклоняясь спиной к стене и удобнее перехватывая автомат. – На что рассчитывает, непонятно.

– Не говори! – со злостью ответил Вильгельм, перекрикивая звуки выстрелов. – Дали бы пинка под зад, и катись куда хочешь. Но нет же! Видимо, тоже решил гнить здесь среди прочего русского отребья.

Больше двух часов Витя Новицкий в одиночку сдерживал на улице Рубина натиск немецкой роты. Уставшие руки из последних сил давили на тугую гашетку пулемёта. Кровь из разбитой головы вязкими струями стекала на лицо и за шиворот грязной, мокрой

от пота тельняшки. По углам комнаты, уткнувшись окровавленными лицами в кирпичное крошево, лежали последние матросы миноносца «Бдительный», убитые снарядом немецкого танка несколько часов назад. Взрыв был такой силы, что винтовка Мосина, вылетевшая в окно, на полствола воткнулась в ближайшую акацию. Витя в это время был в подвале – побежал за гранатами. Он услышал, что наверху прогремел оглушительный взрыв, после которого наступила зловещая гробовая тишина. Матросы больше не стреляли и не перекрикивались между собой. Только снаружи иногда раздавались короткие автоматные очереди и одиночные винтовочные выстрелы, скупно разбавленные резкими сухими командами на немецком языке.

Витя взял ящик с гранатами, втащил его по лестнице в комнату и осмотрелся. Стены были очень сильно – до фиолетовой черноты – обожжены взрывом и забрызганы кровью. Жутко воняло сгоревшим порохом. Оба его старших боевых товарища – последние советские бойцы с Октябрьской площади – с разбитыми головами лежали в углах комнаты, присыпанные пылью, щепками, обломками кирпичей, осколками стекла и снарядов. Под ними быстро растекались лужи крови.

Окно, в проёме которого остывал пулемёт, выходило на угол улицы Рубина и переулка Декабристов. Витя осторожно выглянул наружу. Мимо башни, набирая скорость, с кряхтящим скрипом протарахтел немецкий танк с чёрной квадратной башней. Вслед за ним, выползая из траншей и разрушенных домов, из-за углов и деревьев, неторопливо и поначалу не очень твёрдо шли вперёд многочисленные тёмно-зелёные силуэты. Но с каждым шагом, ободрённые наступившей тишиной, фрицы дви-

гались всё быстрее и увереннее, смыкая на марше неровные ряды и начиная выстраиваться повзводно.

Витя беспомощно сполз вниз по стене, встал на разбитые колени и крепко вцепился исцарапанными пальцами в русые волосы. По грязной щеке прочертила тонкую полосу слеза...

«Вот и всё, – подумал он, – сейчас немцы дойдут до Каботажной пристани, взорвут корабли, на которые так спешили сегодня утром его мать и старшая сестра, и расстреляют многотысячную толпу, в которой те будут стоять, ожидая своей очереди на посадку. А в этой башне, где вся их семья жила до войны, разместится немецкий штаб – прямо в этой комнате, где отец, погибший два месяца назад во время очередной бомбёжки в порту, учил его читать и писать. Немецкие офицеры будут рисовать здесь карты дальнейшего наступления и строить победные планы. А потом где-нибудь далеко на Кавказе фашист застрелит из чёрного автомата его старшего брата Андрея, призванного на фронт в первый день войны сразу после выпускного».

Витя вспомнил, как он и старший брат в последний раз обнялись чуть больше года назад у этого окна, в котором сейчас стоял раскалённый, помятый и поцарапанный, больше никому не нужный пулемёт.

«Ради чего я, четырнадцатилетний мальчишка, полгода назад сбегал воевать в Крым, соврав командиру боевого катера, что родители разрешили? Ради чего я долгих четыре месяца в грязи и в поту учился бросать гранаты и заправлять патронные ленты в пулемёты? Зачем пробирался в немецкий тыл под видом попрошайки, разведывал обстановку и докладывал о ситуации советским офицерам? Зачем во время ожесточённых боёв метался

между взрывами на передовой, собирая патроны и гранаты, чтобы красноармейцы, оставшиеся без боеприпасов, могли продержаться на решающем рубеже ещё несколько часов? Затем, чтобы остаться теперь круглым сиротой и чистить сапоги оккупантам в своём родном городе?»

Как он ненавидел фашистов с их наглой походкой, засученными рукавами и автоматами наперевес!

«Нет, надо дать матери с сестрой ещё хоть несколько минут. Может, именно этих минут им не хватает сейчас, чтобы успеть на последний корабль и спастись, уйти в Геленджик».

Витя вскочил, бросился к пулемёту и, не раздумывая, нажал на остывавшую гашетку. После длинной оглушительной очереди несколько фрицев уткнулись головами в блеснувших на солнце касках в землю и растянулись поперёк тротуара. Остальные рассыпались по подворотням и залегли.

«Лишь бы не танк!» – подумал мальчишка и припугнул коротким выстрелом гитлеровца, высунувшегося из-за угла дома его школьного друга Вальки Свицерского, жившего напротив.

Два часа Вите удавалось сдерживать натиск немцев. Израненный и уставший, он продолжал отстреливаться из последних сил, когда с улицы послышался быстро нарастающий лязг железных гусениц по мостовой.

«Похоже, конец!» – криво улыбнулся Витька и несколькими плотными очередями перепачкал улицу Рубина. Изрядно побитая к этому времени немецкая рота в очередной раз отхлынула в переулок.

Через минуту под окнами появился танк. Его угловатая башня медленно заскользила по кругу, плавно раз-

ворачивая короткий ствол в Витькину сторону. «Тот же самый... – подумал он. – Похоже, вернулся». Значит, ему всё-таки удалось на пару часов задержать продвижение фашистов.

Из-за угла дома Свицерского выскочил немецкий солдат и бросился к танку, по всей видимости, намереваясь спрятаться за бронёй, чтобы подобраться ближе к башне. Витька легко поймал его на прицел и подстрелил. Фашист сложился пополам, а затем, схватившись руками за живот и бок, рухнул на мостовую, громко крича и размахивая ногами. Только автомат, слетевший с его шеи, крутясь и дребезжа на горячей брусчатке, проехал ещё несколько метров до расколотого взрывом бордюра.

– Шу-ульц! – заорал из-за укрытия другой немецкий солдат и выскочил на дорогу. Он схватил раненого за шиворот и медленно поволол обратно за угол.

«Хорошая мишень... – подумал Витька. – Пристрелить бы обоих, если бы не танк». Он схватил в каждую руку по гранате, зубами вырвал кольца и швырнул обе под правую гусеницу.

Два мощных взрыва в нескольких метрах от башни колко брызнули горячей землёй и металлическими осколками в разрушенное окно – да так, что он сам едва успел пригнуться, и сорвали гусеницу с колёс. Танк резко повело по кругу. Многотонный железный корпус с чавканьем размазал по дороге нескольких фашистов, представших за его бронёй. Но экипажу всё-таки удалось справиться с управлением и остановить грузную черную машину в тот момент, когда ее ствол смотрел в сторону башни. Громко ударил выстрел. Танк легко качнулся назад, лязгнув оголёнными колёсами по камням.

Витька зажмурил глаза, но почувствовал только, как башню сильно трянуло снизу. Видимо, снаряд вколотился в стену на уровне первого этажа. Поредевшие тёмно-зелёные группы, прикрытые танком, вновь медленно, но упорно пошли вперёд. Мальчишка облегчённо вздохнул и снова начал поливать улицу свинцом.

Только он не знал, что два фашиста уже поднимались по лестнице его неприступной крепости. Взрыв танкового снаряда проломил наскоро заколоченное матросами окно на первом этаже, и немцы, увидев это, незаметно залезли внутрь. Гулко скрипнули деревянные ступеньки под их сапогами, с грохотом соскользнула с ржавых петель высаженная дверь.

Витя испуганно обернулся и, увидев врагов, бросился к ящику с гранатами. Но не успел. Один из гитлеровцев сбил его с ног, а второй – с размаху ударил прикладом по голове. Потеряв сознание, мальчишка свалился на пол. Немцы швырнули его на подоконник и несколько раз облили керосином с головы до ног. От резкого запаха Витя стал медленно приходить в себя.

Мимо окна санитары пронесли на носилках белого как мел, истекающего кровью Шульца.

– Эй, Вильгельм! – окликнул его из башни один из солдат. – Хочешь взглянуть, как мы расправимся с сопляком, который прострелил твою жирную бочину?

Превозмогая боль, Шульц взглянул на сослуживцев, стоявших в окне башни, сильно побитой пулями, минами и танковыми снарядами. Мальчишка тем временем открыл глаза и попытался подняться. Один из немцев спешно выплеснул на него остатки керосина, другой – зажёл спичку и бросил её Вите на живот. Тот вспыхнул как лучина, с оглушительным криком вско-

чил на ноги и, оступившись на краю окна, выпал на улицу.

Гитлеровцы уселись на разбитый подоконник и закурили, с интересом наблюдая за горящим у основания башни русским подростком. Тот истошно кричал, размахивал руками и катался по земле в тщетных попытках сбить пламя.

На улице резко скрипнул тормозами песочного цвета «кюбельваген», изрядно побитый пулями и осколками в утренних боях на ближних подступах к городу. Из него, не дожидаясь полной остановки, выскочил командир полка оберст-лейтенант Альфред Шэффер.

– Эй, вы двое, – небрежно крикнул он на ходу сидящим на подоконнике, – быстро вниз!

И, не поворачиваясь к подскочившему к нему командиру батальона майору Хайнцу Краузе, стальным голосом спросил:

– Сколько погибших?

– Семнадцать, господин оберст-лейтенант, – виновато промямлил тот. – Ещё восемь тяжело ранены. Мы решили, что путь свободен и...

– И, как всегда, облажались Я знаю, – в спокойном бешенстве проговорил командир полка. – Вы что, два часа не могли справиться с малолетним сопляком? Да ещё столько людей положили! Я не потерплю подобного бардака, господин Краузе.

– Это он? – спросил Шэффер, подходя к обугленному трупу.

Чёрные волдыри ожогов покрывали почти всё тело подростка. Только нога с торчащими из-под кожи костями, сломанная от падения со второго этажа, и прядь русых волос на самой макушке остались нетронутыми

огнём. Мальчишка лежал на животе, уткнувшись обгоревшим и окровавленным лицом в сухую горячую землю, усыпанную гильзами из его пулемёта.

– Да, он самый, – сухо сказал Краузе.

– Вытащите это маленькое дерьмо на середину улицы! Пусть все видят, чем заканчивается сопротивление войскам вермахта. Рядом прибейте плакат, что каждого, кто будет замечен при попытке его похоронить, расстреляют на месте. Пусть русские свиньи знают, что их ждёт...

Глава II

Массивные силуэты пассажирских транспортов «Суджук» и «Маркотх» были едва видны из-за многотысячной толпы на Каботажной пристани. Обезумевшие от страха люди, навьюченные сумками и чемоданами, яростно напирали друг на друга, толкаясь и истошно крича. Местами среди всеобщего гама и ругани вспыхивали драки. Кто-то задыхался, терял сознание и падал в чудовищной давке. Таких затапывали насмерть.

Возле узких трапов на судна и без того плотная толпа смыкалась ещё сильнее. Под её натиском стоявшие на самом краю пристани срывались в море и беспомощ-

но проваливались в высокие серо-зелёные волны. Кому удалось не захлебнуться и не покалечиться между бетонной стенкой причала и крутым, густо заросшим бурными водорослями бортом, выползали на набережную с разбитыми головами и порезанными о ржавую арматуру руками, чтобы попытаться вновь протиснуться к судну.

Полина Щербакова крепко сжимала ладонь двенадцатилетнего брата Вани, чтобы он не потерялся в беснующейся толпе.

– Быстрее, Полина! – начала подгонять её мать, бредущая сзади с огромным холщовым мешком за спиной. – Уже совсем близко стреляют.

– Раздавят нас здесь, мам, – сказала ей девушка.

– Иди живее! – приказала мать. – Не свои, так немцы раздавят.

Полина пропустила брата вперёд и, положив руки ему на плечи, начала активнее проталкиваться с ним к месту посадки.

На «Маркотхе» надсадно взывала сирена, загудели машины. Из-под кормы сначала мягко и медленно, а затем всё жёстче и стремительнее поползли бурлящие потоки воды, разбиваемые бежевыми струями морской пены. Капитан с мостика грозно проорал в громкоговоритель:

– Назад, товарищи! Судно переполнено. Всем места не хватит. Не задерживайте нас! Чем скорее мы уйдём, тем раньше вернёмся за остальными.

Услышав эти слова, толпа с удвоенной силой ринулась вперёд. Самые отчаянные пытались запрыгнуть на перегруженный борт прямо с берега, но ухватиться за леера и канаты удавалось не всем. Многие, стукнувшись о покатый фальшборт, соскальзывали и падали в море.

Видя, что его призывы бесполезны, капитан в ярости прокричал матросам, стоящим на полубаке: «Руби носовые!»

После нескольких крепких ударов топорами концы корабельных канатов беспомощно провисли в широкие волны. Сотни людей оглушительно взвыли от отчаяния. Втащить трап даже не пытались – на палубе не было места, а на нём самом, тесно прижавшись друг к другу, всё ещё стояли люди. Никто не сошёл с шаткого мостка, даже когда стало ясно, что корабль отходит. Пропасть между причалом и бортом «Маркотха» резко расширилась. Конец трапа соскользнул с берега и со скрипом провалился вниз, подняв высокий фонтан брызг и стряхнув в бугристые волны кричащих от испуга людей. Те, которые стояли ближе к борту, успели зацепиться за леера. Другие беспомощно барахтались в воде, выкрикивая проклятия и умоляя, чтобы их забрали. Спустя секунду ещё около сотни человек полетели в воду с пристани под напором обезумевшей толпы, увидевшей, что судно отходит, и резко подавшейся вперёд. Кто-то пытался плыть следом в надежде, что его заметят и подберут, но, отстав, поворачивал назад.

– Один корабль уходит! – крикнула Полина. – Остался последний.

Она и мать стали ещё напористее работать локтями в оживившейся толпе.

– Смотри, Новицкие... – приостановившись и кивнув головой в сторону, сказала Полина матери. – Тётя Таня с Нинкой.

– Давай к ним... – подтолкнула её мать. – Вместе нам будет легче.

Те уже сами заметили Щербаковых и начали двигаться в их сторону. Поскольку две семьи были зна-

комы уже довольно давно, дети знали друг друга с младенчества. Андрей, старший брат Нины и Вити, был хорошим другом Полины, и девушки часто встречались и проводили вместе время. Мать Полины и Вани Анна Васильевна работала хирургом в Городской больнице номер один Новороссийска, а отца арестовали в тридцать шестом году, и дети его почти не помнили. Татьяна Петровна – мать Андрея, Нины и Вити – преподавала математику в школе номер семь, а их отец – Дмитрий Николаевич – недавно перешёл на руководящую должность в Управление морского порта.

Квартиру в старинной трёхэтажной башне на Октябрьской площади Новицкие получили незадолго до войны, а Щербаковы всю жизнь прожили в одноэтажном доме в посёлке Станичка на западной окраине Новороссийска. Совсем непохожие друг на друга семьи дружили давно и увлечённо. Вместе справляли праздники, ходили в кино и горные походы. Вкус ароматных шашлыков на вершине Сахарной головы, ночные купания в Абрау-Дюрсо, надрывные плачи шакалов в чёрных скалах под Геленджиком, багровые разливы закатов над Навагирским хребтом и бриллиантовые россыпи звёзд, которые можно было рассматривать ночью, высунув голову из палатки, прочно связывали их.

Потом началась война. Андрея забрали на фронт сразу после выпускного, а остальные остались дожидаться победы в Новороссийске. Только её всё не было, а сегодня, 8 сентября 1942 года, рано утром по городу разнеслась весть, что фашисты уже прошли Глебовку и скоро появятся на центральных улицах Новороссийска...

– Таня, Нина, вот вы где! – издалека закричала Анна Васильевна. – Идите к нам! Последний корабль остался! Пойдёмте вместе!

– Забери Нину, Ань, – попросила Татьяна Петровна, протискиваясь к подружке. – Уходите без меня! Мне надо вернуться.

В её заплаканных глазах стояли слёзы.

– Куда ты?! А Витька ваш где? – начала торопливо расспрашивать Анна Васильевна.

– Дома он остался. Сказал: «Не жди меня, мамочка, уходите с Нинкой, я только матросам помогу и догоню вас». Я слышу, немцы уже совсем близко стреляют. А его всё нет и нет. Постою ещё, подожду.

Повернувшись к дочери, она добавила:

– Иди с тётей Аней. Если мы с Витей не успеем на корабль, постарайся найти Андрея в Геленджике, он вроде там сейчас. Скажи, что мама с Витькой остались в городе, у них всё хорошо. Пусть не волнуется.

В этот момент внезапно оживившаяся толпа резко оттеснила говоривших женщин в сторону и быстро потащила девушек и Ваню в сторону пристани.

– Дети, не ждите меня! – прокричала им вслед Анна Васильевна. – Если сможете попасть на корабль, спасайтесь сами! Держитесь вместе! Смотрите, чтобы Ваню не раздавили...

Последние слова исчезли в нарастающем гаме, и Полина, как ни высматривала мать поверх голов, не могла увидеть её.

– Ладно, пошли вперёд! – наконец крикнула она вцепившимся в неё с обеих сторон Нине и Ване. – Надеюсь, она сможет подойти к кораблю в другом месте.

Втроём они устремились к трапу «Суджука», с трудом пробираясь среди напирających со всех сторон людей.

– Тётя Таня сказала, что Андрей в Геленджике? – в какой-то момент спросила Полина у Нины.

– Да, в триста пятом батальоне, – перекрикивая гул сотен голосов, ответила подруга, шедшая сзади. – Вчера письмо получили.

Искры радости загорелись в Полининых глазах. Она украдкой прикоснулась к висящему у неё на шее на толстой белой нитке тонкому медному колечку, которое подарил ей перед расставанием Андрей, и бросила взгляд в сторону «Суджука». Его облупленный борт казался теперь не таким далёким и недостижимым, как до встречи с Новицкими.

– Надо спешить! – выпалила она. – Иначе точно места не хватит. Корабль уже и так почти полный.

Но с каждым шагом толпа смыкалась плотнее. Полина понимала всё яснее, что им не удастся попасть на транспорт. Слёзы выступили на её глазах.

– Ничего не получится! – с досадой прокричала она Нине. – Нам здесь не сесть!

– Полина, Нина, – вдруг заговорил Ваня, – помните, как мы лазили с Андреем по канатам? Смотрите...

Девушки взглянули туда, куда показывал мальчик. С кормы «Суджука» на пристань был переброшен толстый канат. По нему отчаянно карабкались несколько человек. Кто-то срывался в море, но кому-то удавалось зацепиться за борт. К тому же на юте пока ещё не было такой сильной давки, как на носу.

– Другого выхода нет, – сказала Нина. – Пойдёмте попробуем.

Ваня первым протиснулся к огромному поржавевшему палу, на который был накручен толстый морской канат.

– Главное – не бойтесь! – ободрил он девушек. – Надо зацепиться руками и ногами, повиснуть вниз

головой, – он запрыгнул на канат, как, видимо, учил его Андрей, – и в таком положении подниматься вверх.

Ваня начал ловкими рывками продвигаться к борту. Полина и Нина последовали за ним. У лееров их встретили матросы и помогли взобраться на палубу.

– Отчаянные вы девицы! – усмехнулись они. – Сюда так не каждый мужик залезает...

Анна Васильевна догнала Татьяну Петровну в том месте, где заканчивалась толпа.

– Таня, подожди! – крикнула она. – Ты с ума сошла?! Туда же нельзя возвращаться.

– Витька в башне остался. Нужно его забрать, – ответила та, ни на секунду не замедляя шаг.

В этот момент несколько тёмно-зелёных фигур появились из-за угла крайнего дома на улице Рубина и уверенно пошли прямо в сторону женщин. Увидев их, Татьяна и Анна застыли в растерянности посреди опустевшей рыночной площади. Первой взяла себя в руки Щербакова.

– Уходим, быстро! – твёрдо проговорила она и попыталась взять Татьяну за руку.

Новицкая оттолкнула подругу и с яростным криком «Витя, сынок!» бросилась вперёд. Шедший впереди гитлеровец выпустил короткую очередь из автомата. Женщина схватилась за живот и упала на землю. Убедившись, что опасности она не представляет, солдаты быстро прошагали мимо.

– Мой Витька! Что же с ним?.. – истекая кровью и быстро бледнея, повторяла Новицкая в лицо склонившейся над ней Анны Васильевны.

Вслед за солдатами из-за угла, дребезжа гусеницами по горячему асфальту, выкатился танк. Набирая ско-

рость, он двинулся по набережной прямо на сидевших посреди дороги женщин.

– О боже! – вскрикнула Щербакова. – Таня, надо вставать! Живо!

Но та уже не могла самостоятельно подняться. Оставалось лишь схватить подругу за руки и попытаться оттащить на обочину.

Анна Васильевна не успела. Обдав спёртым запахом сгоревшего топлива и раздавив гусеницами ноги Татьяны, танк остановился прямо перед Каботажной пристанью, заполненной людьми, и выстрелил. Набережная содрогнулась от оглушительного взрыва. Столб огня, пыли и кусков вывороченного асфальта с грохотом поднялся в самом центре людского столпотворения. Разорванные тела и обезображенные трупы повалились в стороны.

Из всех переулков, выходящих на набережную, как и с улицы Рубина, выбегали немецкие отряды и выкатывались, лязгая гусеницами, всё новые танки. Началась паника. Люди стали разбегаться, но повсюду натыкались на плотный огонь. Не давая никому уйти и едва успевая менять магазины в автоматах и патронные ленты в пулемётах, гитлеровцы принялись расстреливать мирных жителей.

Экипаж «Суджука» поспешно обрубил концы, и транспорт отчалил. Однако к тому времени, когда набережная была усыпана трупами, судно успело отойти от пристани всего на несколько кабельтовых. Давя окровавленными гусеницами тела убитых, танки начали стремительно преследовать корабль по берегу.

Едва транспорт развернулся между молами и лег на ровный курс к Дообскому маяку, к выходу из Цемесской

бухты, грянули выстрелы. Два снаряда плюхнулись в воду, а последний – попал в цель. Взрывом разворотило палубу, убитые и раненые попадали за борт.

Экипаж начал неуверенно и безрезультатно отбиваться из нескольких автоматов ППШ и единственного пулемёта ДШК на корме. Танки же пристреливались всё лучше и лучше. Помятые железные борта сотрясли ещё несколько мощных взрывов, и судно стало медленно крениться на правый борт.

Почувствовав, что палуба под ногами заходила ходуном, Полина испуганно вцепилась одной рукой в леер, другой – в Ванино плечо. Но брат вырвался и крикнул:

– Не держись ни за что, судно тонет! Прыгай в воду! Быстрее!

И, никого не дожидаясь, вскарабкался на сильно поднявшийся над поверхностью моря левый борт и бросился с него вниз головой в волны.

Вынырнув и выплунув воду, он опять закричал:

– Прыгай за мной! Утонешь!

Нина подскочила к Полине и, схватив её за руку, скомандовала:

– Давай за ним!

А потом добавила:

– Здесь нельзя оставаться! Корабль перевернётся, и нас засосёт в воронку вслед за ним!

Полина, почти не умеющая плавать, не могла набраться смелости отпустить надёжный и спасительный, как ей казалось, поручень. Тем временем в воду прыгало всё больше людей. Пересилив себя, Полина отпустила леер и полезла за Ниной на уже почти вертикально вздыбленный левый борт. Едва они оказались на нём, как в корму ударил очередной снаряд.

Взрыв выбросил в море их обеих и ещё нескольких человек.

«Суджук», распоротый взрывами, изрешечённый вдоль и поперёк, опрокинулся вверх килем. Надстройки, ударившие по волнам, выбросили в воздух широкий фонтан брызг. Неровно покачиваясь, массивный железный корпус начал стремительно уходить на дно, выдавливая изнутри крупные пузыри воздуха.

Оказавшись глубоко под водой и открыв глаза, чтобы осмотреться, Полина увидела, как толщу морской воды внезапно проткнули пучки длинных молочных полос. Это немцы начали стрелять из автоматов с берега. Одна из таких полос воткнулась в голову Нины, и вокруг неё тут же расплылось густое багровое пятно, взбурлённое вырвавшимся из груди воздухом. Оставляя за собой струящийся кверху красный след, Нина пошла ко дну.

Полина вынырнула, резким движением головы смахнула с глаз мокрую чёлку и огляделась: спасшиеся с «Суджука» люди пытались вплавь добраться до берега. Немецкие солдаты стояли цепью по колено в воде и расстреливали всех, кто подплывал к ним на расстояние прицельного выстрела. Море у городского пляжа было багровым от растёкшейся крови, но обезумевшие люди продолжали один за другим плыть к берегу.

Оглушённая взрывом, растерявшаяся Полина, поддавшись общему движению, как и все, поплыла к пляжу, надеясь спастись, хотя не видела ни одного человека, кому бы удалось живым выйти из воды. Вдруг она почувствовала, что кто-то её крепко схватил за ногу.

Это был Ваня.

– Назад! – прокричал он, захлёбываясь на высоких волнах. – Туда нельзя!

– А куда можно? – спросила Полина, пытаясь освободить ногу.

– От них, в другую сторону! – не отпускал её Ваня. – У берега нас убьют.

– В открытое море? – не понимала Полина. – Мы же там утонем.

– Надо уплыть как можно дальше отсюда, переждать и вернуться.

– Не смогу! – отбиваясь, кричала Полина. – Я утону! Отпусти меня!

Но Ваня, изловчившись, схватил её за волосы и потянул за собой. Полина закричала от боли и несколько раз попыталась ударить брата, но он, несмотря на её отчаянное сопротивление, продолжал тащить её прочь. Уставшая и подавленная, она наконец подчинилась.

Когда они доплыли почти до центра бухты, Полина заметила неподалёку ещё нескольких человек, поступивших так же, и мысленно поблагодарила Бога, судьбу и своего младшего брата.

– Сейчас медленно поплывём в сторону Станички, – сказал Ваня.

– Это же далеко! – с ужасом возразила сестра.

– По-другому нельзя. Здесь нас везде убьют. Если устанешь, ложись на спину и глубоко дыши. Так можно отдохнуть. Мы с ребятами всегда так делаем, когда плаваем далеко.

– Хорошо, – сказала Полина, – попробую.

Расстреляв последних людей с «Суджука», подплывших к берегу, фашисты рота за ротой разбрелись расквартировываться в захваченном городе.

Над морем начало смеркаться. Воздух заметно посвежел. Полина сильно устала и замёрзла. Ей всё слож-

нее становилось держаться на усиливающихся волнах, кроме того, она уже наглоталась горько-солёной воды.

– Пора, – наконец сказал Ваня, – вроде все ушли. Надо выбраться на берег около леса. Там будет проще спрятаться.

Собрав последние силы, Полина попыталась оттолкнуться от свинцовой воды уставшими ногами, но они уже едва слушались. Сильно заболела спина, повреждённая в самом начале войны осколками авиабомбы. Ваня тоже очень устал. Помогая друг другу, они с большим трудом доплыли до берега. Около получаса, пока совсем не стемнело, брат с сестрой пролежали не двигаясь на остывающем вечернем берегу. Передохнув и собравшись с силами, стали пробираться через лес домой, в Станичку. Несколько раз они видели, как за чёрными силуэтами деревьев по дороге проносились мимо них немецкие мотоциклисты, проезжали по направлению к Станичке фашистские машины и танки. Отовсюду раздавались непонятные команды и звучали военные марши. Где-то разговаривали на своём гавкающем языке и громко смеялись немецкие солдаты.

«То, что ещё сегодня утром казалось далёким кошмарным сном, уже произошло в действительности...» – подумала Полина. Новороссийск захвачен фашистами. Они теперь – по другую сторону фронта. Как бы стремительно в последнее время ни приближалась к ним линия наступления немецких войск, всё время казалось, что она остановится раньше, чем дойдёт до дверей их дома. Вопреки всякой логике, Полина верила в это. Верила, что никогда не заглянет за ту линию, – просто потому, что не хотела заглядывать за неё. Она и сейчас, несмотря на горькую очевидность происходящего, отказывалась

осознавать, что вместе со всей своей семьёй уже стала пленницей оккупантов.

У калитки их встретила мать и тут же заплакала.

– Слава богу, вы живы, мои родные! – говорила она, по очереди обнимая детей.

– Ваня спасся сам и спас меня, – тоже не сдерживая рыданий, сказала Полина, нежно глядя брата по ещё мокрым волосам.

После короткой паузы она отстранённым, как будто не своим, голосом добавила:

– Нину застрелили в море.

– И Татьяну Петровну танк раздавил... – с горечью прошептала Анна Васильевна.

Ваня не проронил ни слова. Ещё долго после того как мать и сестра зашли в дом, он сидел на берегу и неотрывно смотрел в сторону города, окутанного пламенем пожаров и густыми шлейфами чёрного дыма...

Глава III

Вечернее небо над Мефодиевкой, восточным пригородом Новороссийска, было плотно заложено густыми матовыми облаками. Затаившаяся за ними жёлтая луна скупно освещала обезлюдевшие улицы. Доносились орудийный гул и треск пулемётных очередей.

Капитан первого ранга Георгий Холостяков с группой автоматчиков на двух автомобилях пробирался к линии фронта узкими переулками. Пару часов назад ему, командиру местной военно-морской базы, позвонил генерал-майор Григорий Петрович Котов, командовавший Новороссийским оборонительным районом.

– Плохи дела, каперанг... – проговорил он мрачным упавшим голосом. – Немцы уже заняли вокзал и идут в восточную часть города, как раз в вашу сторону. Отбросьте их там.

– Извините, товарищ генерал-майор... – не в правилах Холостякова было возражать вышестоящим командирам, но ситуация требовала предельной ясности. – У меня больше нет ни одной роты. Единственная воинская часть здесь – штаб моей базы.

– Сейчас ни у кого нет людей, – с сожалением, граничащим с плохо скрываемым раздражением, процедил в трубку Котов.

Однако, тут же изменив тон, твёрдо скомандовал:

– Делайте, что хотите, Георгий Никитич, но заткните эту брешь чем угодно.

Положение действительно было критическим. Холостяков приказал собрать всё имевшееся в штабе оружие. Через несколько минут адъютант доложил, что удалось найти семь пистолетов, двадцать три автомата ППШ, немного гранат и несколько ящиков патронов. Холостяков отобрал среди личного состава двадцать два человека и приказал разобрать оружие. Один автомат и пистолет взял сам.

На «полуторке» и «эмке» собранный на скорую руку отряд двинулся в сторону Новороссийска через Мефодиевку, уже оставленную жителями. Холостяков слабо представлял себе, что именно теперь делать. Обстановка была очень неясной, а напрасно рисковать и уж тем более погибать не хотелось.

На Стандарте, промышленной окраине Новороссийска, командир приказал оставить автомобили и, развернувшись боевым порядком с охранением впереди и на

флангах, двинуться на контакт с противником. Короткими перебежками, прикрывая друг друга из-за рассечённых осколками деревьев и обрушившихся после частых бомбёжек домов, вчерашние тыловики неуклонно приближались к линии фронта. Никто из них до сих пор не мог поверить, что она так стремительно дошла до этого тихого приморского города через пол-Европы.

Эти улицы были хорошо знакомы Георгию Никитичу. В самом начале войны его перевели сюда из Севастополя на должность начальника штаба Новороссийской военно-морской базы. В её задачи входило морское снабжение советских войск под Одессой и в Крыму. Штаб располагался как раз на Стандарте, неподалёку от цементного завода «Октябрь». Тогда офицер Холостяков всерьёз обиделся на вышестоящих командиров, посчитав, что они ссылают его в тыл. Однако, заметив, как быстро и безнадёжно рушится на западном фронте вся советская оборона, он решительно взялся за подготовку своей тыловой базы к неумолимо надвигающимся боям. И оказался прав. В конце августа 1942 года после захвата немцами Одессы, Севастополя и Керчи война пришла и в Новороссийск. Штаб базы пришлось срочно перевести в село Кабардинка – на девятый километр к востоку от города.

Холостяков до сих пор не мог свыкнуться с мыслью, что по этим так хорошо знакомым ему улицам нельзя идти в полный рост и спокойно останавливаться, где захочешь. Все они были сплошь изрыты воронками и перегорожены завалами разрушенных домов. Даже на месте бывшего здания его штаба были руины после прямого попадания авиабомбы.

– Хальт! – внезапно донеслось из-за железнодорожной насыпи, и в ночном полумраке мелькнули едва различимые многочисленные тени.

Отряд Холостякова тут же открыл огонь. Немцы рассредоточились и залегли за железной дорогой. Только сейчас бойцам стало понятно, какую невыгодную позицию они заняли из-за своей поспешности. Позади них предательски тянулись лишь стены домов и высокий каменный забор, не оставлявшие никакой возможности для укрытия. Но отходить уже было поздно – немцы открыли ответный огонь из-за насыпи. Завязалась ожесточённая перестрелка. Клёкот пулемётных и автоматных очередей, разбавляемый одиночными pistolетными выстрелами, с дробным цоканьем разносился по улице.

Вдруг Георгий Никитич почувствовал тупой удар у пояса, где висел запасной диск ППШ, отлетел назад и ударился затылком о стену. В глазах у него всё поплыло...

В размытом мерцании теней он увидел прогрохотавший по железной дороге бронепоезд «Черноморец», уходящий из его родной белорусской Речицы за Днепр вслед за последним красноармейским эшеленом. Это был 1918 год. Он тогда вместе с другими ребятами лежал в канаве у железной дороги, с тревогой наблюдая, как последние красноармейцы, обречённо отстреливаясь, под натиском германских кайзеровских войск оставляли Белоруссию. Как ему хотелось тогда убежать вместе с ними! Удерживала лишь мысль об оставшихся в городе матери и младшем брате. Дома юный Георгий застал картину, которую потом вспоминал с отвращением. Несколько сидящих в комнате немецких солдат, громко чавкая, жадно доедали яичницу, задрав на стол ноги в грязных сапогах. На всю жизнь врезались в его память их сапожищи с короткими голенища-

ми и толстой подошвой, подбитой крупными медными гвоздями. В таких же сапогах фрицы явились в Россию и в 1941 году...

Через минуту еле слышимая немецкая речь стала громче. Сквозь едва приоткрытые веки Холостяков боковым зрением заметил, как несколько раз быстро промелькнули перед его глазами знакомые ему шляпки медных гвоздей на подошвах сапог немецких солдат. Он начал приходить в сознание и понял, что лежит навзничь посередине улицы. Склонившиеся над ним четверо фрицев внимательно рассматривали его петлицы и награды, должно быть, считая его убитым. ПППШ лежал на животе, палец хорошо чувствовал спусковой крючок.

«Пока не забрали автомат, надо действовать!» — решил Холостяков. Терять было нечего.

Он вскинул ПППШ и дал длинную очередь по фашистам. Трое тут же упали в разные стороны. Тело последнего Холостяков успел подхватить, вскочив на ноги, и, закрываясь им от кинжального огня немецкого отряда, стал быстро пятиться назад по улице.

Неожиданно из-за его спины в сторону гитлеровцев ударили трассера, пронзившие ночную черноту длинными сверкающими следами. Холостяков оттолкнул от себя изрешечённый труп и бросился в темноту к своим. Выслушав быстрый доклад, что в живых осталось всего девять человек, приказал отходить дворами. Было очевидно, что никакого серьёзного сопротивления нескольким фашистским полкам группа штабистов в захваченном городе оказать уже не могла.

Неприятельская пехота в сопровождении танков занимала квартал за кварталом. В дальних концах улиц

всё чаще мелькали немецкие бронемашины и солдаты. Георгий Никитич со своими людьми метался из одного переулка в другой, везде натываясь на наступавших немцев и едва успевая отстреливаться.

Единственную свою задачу он теперь видел в том, чтобы вернуться на девятый километр, доложить по закрытой связи обстановку старшим командирам и организовать ещё один рубеж обороны. Он пока не мог решить, где именно. Холостяков был до мозга костей морским человеком и отчаянным подводником. В сухопутных делах он понимал плохо, но естественным рубежом обороны, где немцам можно было поставить заслон после захвата ими Стандарта и Мефодиевки, казалась Балка Адамовича с расположенными возле неё цементными заводами. К ней он и начал пробираться с остатками своего отряда.

Видя, как быстро немцы занимают последние районы Новороссийска и разворачивают в них свои укрепления, ещё горестнее было осознавать собственную беспомощность. Растянувшись длинной цепочкой и почти не пригибаясь под часто вздымающимися то там, то тут взрывами, остатки отряда короткими перебежками прорывались к восточной окраине города. Смешанный треск очередей, визг пуль и звенящая россыпь падающих мин быстро заполняли улицы и переулки. Многие дома уже пылали, выталкивая из разбитых окон клубы дыма и снопы бушующих искр.

Оставленные ими автомобили оказались целы. Штабисты успели добраться до них в тот момент, когда в конце улицы уже появились немецкие танки и дали несколько залпов. Петляя между взрывами и обвалами рушащихся зданий, они вырвались на Сухумское шоссе и на предельной скорости помчались к цементному заводу

«Октябрь», чернеющему вдали огромной угловатой глыбой.

При подъезде к главному корпусу Холостяков услышал звук шагов и стук сапог по асфальту. Было ясно, что в их сторону движется большая воинская часть. Он приказал заглушить моторы и внимательно прислушался. Порыв ветра донёс до его ушей несколько русских слов. Отдалённые голоса становились всё громче, и уже не было никакого сомнения, что это свои. Георгий Никитич вышел на середину дороги и быстрым шагом направился в их сторону. Через мгновение из-за заводских строений навстречу ему вышли несколько русских солдат. Заметив его, тут же взяли на прицел и крикнули: «Стой! Кто идёт?»

Холостяков догадался, что его морскую форму в темноте можно спутать с немецкой, поэтому не задерживаясь представился. Он сразу понял, что имеет дело с передовым охранением крупной воинской части, развернувшейся походным строем на марше к линии фронта, и потому настроенной решительно.

К нему приблизился румяный голубоглазый старшина и доложил:

– Триста пятый отдельный батальон морской пехоты, – и, присмотревшись к его нашивкам, плохо различимым в темноте, добавил:

– Товарищ капитан первого ранга.

Георгий Никитич был наслышан о доблести этого батальона, который отличился в тяжелейших боях на Тамани и последним покинул обречённый полуостров.

– Командира ко мне! – приказал он, ожидая увидеть своего знакомого – коренастого, крепко сложенного майора Цезаря Куникова.

– Капитан Богословский, – доложил подбежавший рослый моряк с холодными голубыми глазами и пышной шевелюрой зачёсанных назад тёмных волос.

– А где Куников? – удивился Холостяков.

– В госпитале, ранен... – ответил капитан. – Я принял командование батальоном несколько часов назад для выполнения приказа заместителя командующего Новороссийским оборонительным районом Горшкова.

Расспросив капитана подробнее, Георгий Никитич выяснил, что батальону приказано занять оборону в Мефодиевке и держать её до прихода подкрепления из Поти и Батуми в Геленджик.

– В Мефодиевке уже немецкие танки... – сказал он. – Мы видели их своими глазами. Вашими силами их оттуда не выбить. К тому же вчера фашисты захватили порт. Вы просто попадёте в мешок. Думаю, вам лучше занять оборону на Балке Адамовича.

Богословский твёрдо посмотрел в глаза Холостякову. Он явно сомневался в его праве ставить другую боевую задачу.

– К сожалению, у меня не было приказа оборонять Балку Адамовича. Извините, каперанг. Нам нужно спешить.

– Постой! – окликнул Георгий Никитич уже развернувшегося Богословского. – Я не прощу себе, если отпущу вас на верную гибель. Где твоя служебная книжка?

Богословский расстегнул нагрудный карман гимнастёрки, вынул из него книжку и протянул начальнику штаба. Холостяков раскрыл её на пустой странице и, подсвечивая себе фонариком, крупными чёткими буквами написал: «Боевое распоряжение: занять оборону в районе цементных заводов с передним краем по Балке Ада-

мовича и удерживать рубеж до прихода подкрепления. Начальник гарнизона Холостяков, 9.IX.42.01.00».

Возвращая книжку капитану, пообещал:

– Как только прибуду в штаб, лично доложу о своём приказе всем вышестоящим командирам. За это не беспокойтесь! Занимайте оборону и стойте насмерть! Здесь вы будете нужнее, чем там.

Богословский внимательно прочитал запись и показал её стоявшему рядом батальонному комиссару. Они переглянулись и кивнули друг другу. Затем, не теряя времени, комбат громким чётким голосом начал отдавать своим людям приказы окапываться и занимать оборону у цементных заводов.

Едва Холостяков переступил порог штаба, из поцарапанной коробки телефонного аппарата застрекотал раздражённый, как ему показалось, звонок. Он снял трубку. Это был Котов.

– Слава богу, вы живы, Георгий Никитич! – не скрывая радости, сказал он. – Мне уже несколько раз докладывали, что вы то ли убиты, то ли в плену.

– Честно говоря, был близок и к тому, и к другому, но обошлось. Ситуация в городе действительно катастрофическая.

– Знаю, каперанг. Знаю... – тяжело вздохнул генерал-майор. – Как раз по этому поводу собираю у себя экстренное совещание. Хочу, чтобы и вы рассказали нам о своей вылазке в Новороссийск. Вы, можно сказать, только что из самого пекла, но, к сожалению, не могу позволить вам даже перевести дух – фашисты ждать не будут. Через полчаса вас заберёт моя машина. Будьте готовы!

Когда все участники совещания собрались, генерал-майор Котов – высокий, атлетического телосложения, с крупными чертами лица – предоставил Холостякову первое слово. Георгий Никитич вышел из-за стола, подошёл к висящей на стене карте и, блестящей указкой показывая по ней маршрут передвижения своей группы, подробно рассказал о событиях минувшего вечера. Как и обещал Богословскому, особенно заострил внимание на встрече с его 305-м батальоном возле цементных заводов.

– Всю полноту ответственности за их размещение на Балке Адамовича между цементными заводами «Октябрь» и «Пролетарий» несу я, – закончил Холостяков. – Об этом свидетельствует письменное распоряжение в служебной книжке капитана Богословского за моей подписью.

– Простите, каперанг, а чем вы руководствовались, принимая это решение? – вдруг спросил неизвестный ему офицер Особого отдела НКВД. – Разве вы имели право отменять приказ Горшкова?

– В первую очередь тем, товарищ полковник, что оперативная обстановка кардинально изменилась. Видел это собственными глазами. На той улице, где ещё две недели назад спокойно стоял штаб вверенной мне базы, я получил вот это.

Холостяков расстегнул портфель и вытащил из него диск ППШ, спасший ему жизнь. Из него торчали три немецкие пули, наглядно свидетельствующие о смертельной опасности. Положив диск на стол, чтобы все могли его рассмотреть, он продолжил.

– К тому времени, когда я встретил триста пятый батальон, Стандарт и Мефодиевка полностью были в

руках противника. Немцы ввели туда танки и создавали укрепления. Драться за эти районы уже не имело практического смысла. Восточнее же, – Холостяков с нажимом ткнул указкой в точку на карте, – расположена Балка Адамовича, удачно сочетающая в себе несколько преимуществ. Во-первых, горы здесь ближе всего примыкают к морю. Остаётся лишь незначительный просвет, который немцы не смогут атаковать всеми имеющимися у них силами одновременно. Следовательно, их численное преимущество не будет иметь решающего значения. Во-вторых, высокие толстые стены цементных заводов – хорошая крепость, обороняться в которой проще, чем на улицах захваченного врагом города.

– Вы так хорошо разбираетесь в тактике сухопутного боя? – не унимался особист. – Похвально для моряка...

– Каперанг принял единственно верное в тот момент решение, – прервал его Котов. – Я сам, старый пехотинец, поступил бы точно так же.

Он поблагодарил Холостякова за доклад, движением руки попросил его занять место за столом, а сам продолжил:

– Новороссийск, который мы сегодня потеряли, товарищи, оставался для немцев последней серьёзной преградой на их пути к Кавказу. Наши люди дрались отчаянно, но войск, чтобы создать здесь прочный фронт, не хватило. У противника остаётся огромный численный и огневой перевес. Пяти их дивизиям противостоят, по сути, всего две наши бригады морской пехоты да горстка разрозненных отрядов. Логика действий генерал-полковника Руоффа сейчас предельно проста – окончательно дожать нас здесь и прорваться на Сухумское шоссе.

Генерал-майор показал на карте дорогу, идущую вдоль берега моря из восточной части Новороссийска в Геленджик через Балку Адамовича.

– Мы должны остановить их здесь любой ценой. Позади нас до самой турецкой границы не осталось ни одного нашего боеспособного соединения. Немцы это знают. Если они пройдут здесь, то уже не остановятся нигде до самого Закавказья.

Указкой он медленно провёл по карте длинную линию от Новороссийска до южных регионов Грузии.

– Если ещё и Турция вступит в эту войну, нам придётся совсем туго. Вместе с немцами и румынами её войска легко парализуют бакинские и грозненские нефтепромыслы. Тогда наши танки встанут без топлива по всему фронту – от Мурманска до Сталинграда. И войне конец. Всем нам конец! – строго закончил генерал-майор.

В кабинете повисла долгая пауза...

Глава IV

Едва батальон Богословского успел занять позиции на обозначенном Холостяковым рубеже, на восточной окраине города длинной линией замелькали сдвоенные пучки света. Это были фары немецких грузовиков, медленно тянувшихся из Новороссийска дальше на восток.

Комбат внимательно наблюдал за бесконечными извилистыми потоками в бинокль, стоя в дверях железнодорожного товарного вагона, занятого им под штаб батальона. В ночной темноте невозможно было рассмотреть деталей, но накопленный в тяжелейших боях опыт подсказывал ему, что фашисты не собираются атаковать. Посчитав русскую оборону полностью уничтоженной,

они сели в грузовики и двинулись дальше. Для них, чувствующих себя завоевателями Европы и Северной Африки, стало привычным делом спокойно ехать вперёд, не встречая серьёзного сопротивления.

Однако капитана сейчас волновало не это. Не в правилах фрицев было воевать и перемещаться ночью. Безотказная военная машина Третьего рейха, работавшая как часы, была эффективна, но предсказуема. Активные действия фашисты начинали обычно утром. К вечеру, захватив намеченные рубежи, переходили к обороне. Ночью, выставив охранение и дозоры, отправлялись спать. На следующий день всё повторялось. Раньше восхода солнца Богословский не ждал их и в этот раз.

Что же заставило немцев изменить своим правилам? Они ведь только что взяли крупный город со множеством брошенных домов и военных объектов. Элементарная логика подсказывала остаться им в нём до утра: отдохнуть, подтянуть резервы, перегруппироваться и ударить, как обычно, на рассвете. Но фашисты почему-то прямо сейчас пошли дальше. Значит, их боевая задача ещё не выполнена? Следовательно, не Новороссийск нужен был им сегодня? Что же тогда?

«Шоссе!» – вдруг понял комбат. «Они всеми силами пытаются успеть занять шоссе, пока его не перекрыли наши части. Ту самую дорогу, на которой стоит сейчас мой батальон – последний на всём её протяжении».

Выдвигаясь несколько часов назад из Геленджика в сторону Новороссийска, комбат планировал противопоставить фашистам подвижный огневой рубеж, на котором его бойцы будут останавливать врага, наносить ему потери и, маневрируя, откатываться назад, чтобы через некоторое время вновь возникать перед ним в неожидан-

ном месте. Так, медленно пятясь по Сухумскому шоссе и изматывая противника в коротких схватках, Богословский рассчитывал задержать немцев до подхода подкрепления. Теперь же, после встречи с Холостяковым, получения нового приказа, увиденной своими глазами неестественной спешки фрицев, он понял, что сорвать планы гитлеровских генералов можно лишь прямо противоположным образом – стоять насмерть здесь и только здесь. Каждый метр этой дороги, доставшийся врагу, существенно упростит фашистам решение поставленной Руоффом задачи скорейшего разгрома малочисленной русской группировки на подступах к Кавказу.

– Командиров рот ко мне! Срочно! – скомандовал Богословский, резким движением отрывая бинокль от глаз.

– Ситуация изменилась, товарищи! – быстро сказал он, когда все собрались. – Забудьте про тактические отходы! Они будут лишь на руку фашистам. Ни шагу назад! Слышите? Доведите это до каждого бойца!

Повернувшись к командиру артиллерийской батареи, капитан приказал:

– Навести орудия на дорогу! Встретим их прямой наводкой.

Тот, громко выкрикнув «Есть!», выскочил из вагона и исчез в темноте.

– После того как мы разобьём их машины, немцы, скорее всего, отойдут, – продолжил комбат, – а потом навалятся на нас уже всей своей мощью. Это сражение будет тяжелее всех наших предыдущих, вместе взятых, но надо выстоять. Отступать нельзя! Каждой роте приказываю оборудовать пулемётные гнёзда и выставить снайперов. Вы, – Богословский посмотрел на командира

третьей роты, – посадите пулемётчика на башне цемзавода «Октябрь». Это единственная наша верхняя точка, её нужно использовать по максимуму. Пошлите туда Андрея Новицкого, он лучше всех управляется с пулемётом. Остальное – по ходу боя. Времени больше нет. Занять позиции!

Вслед за остальными комбат вышел из вагона и ещё раз взглянул в бинокль в сторону немцев. Грузовики заметно приблизились. Теперь уже различались лица солдат, сидевших в тускло освещённых кузовах на двух длинных скамейках спиной друг к другу. На них не было улыбок или самодовольной победной уверенности – только усталость и безразличие. Трясаясь на ухабах и толкая друг друга лежащими на коленях автоматами, одни из них дремали, прислонившись головой к плечу соседа, другие – с унылой тоской смотрели вдаль.

– Орудия готовы! – доложил артиллерист. – Прицелы выставлены!

Богословский подождал, пока колонна подползёт ближе, и, уже не заботясь о маскировке, громко прокричал: «Батарея! Огонь!»

Громкий грохот, яркие вспышки – на осветившихся заводских стенах скрученными узорами мелькнули чёрные, словно резные, тени деревьев. Секунду спустя гулко дрогнула земля. Из немецких машин, вмиг охваченных языками оранжевого огня, полетели куски искорёженного железа и горящие обломки. Из перевернувшихся грузовиков выскакивали уцелевшие фрицы, скатывались на обочину и начинали беспорядочно стрелять, но русские бойцы тут же встречали их пулями.

С чердака серой, сильно побитой осколками авиабомб заводской башни из-за щитка пулемёта следил за

завязывающимся боем сержант морской пехоты Андрей Новицкий. В наскоро выдолбленной в толстой стене амбразуре торчала готовая к стрельбе винтовка. Посчитав её сейчас более эффективной, Андрей с быстрым щелчком передёрнул затвор и прильнул к прицелу. Первого фрица он легко взял на мушку, и тот с простреленной головой скатился к морю по крутому каменному обрыву. Второго, спрятавшегося за машиной, ранил в ногу. Тот выпал из-за укрытия и тут же был застрелен кем-то другим.

Комбат, стоя возле своего штаба, внимательно наблюдал за происходящим и давал быстрые короткие указания. Капитан хорошо видел, как дрогнули первые ряды немцев и они, бросая оружие, побежали назад. В бинокль он разглядел разворачивающиеся в хвосте колонны машины – объезжая друг друга по обочинам, грузовики спешно уезжали обратно в город.

Неожиданно всё стихло. Казалось, тишина ударила по барабанным перепонкам сильнее взрыва. Богословский осмотрелся и понял, что разбежавшиеся немцы уже далеко и его солдаты перестали стрелять, поскольку больше не видели врага перед собой. На распаханной взрывами дороге догорали немецкие автомобили, два танка и вытекшее из них топливо. Вдруг отчетливо, словно подчёркивая надвинувшуюся ночную тишину, ахнул вдалеке одинокий винтовочный выстрел. В полуметре от головы комбата пуля со злобным треском пробила стенку вагона. Несколько секунд спустя во мгле сверкнула ещё одна вспышка. Капитан бросился на землю. Вторая пуля со звоном впечаталась в металлическую перегородку вагона в том месте, где секунду назад была его голова.

– Не поднимайтесь, товарищ комбат! Я его вижу... – услышал он тихий спокойный голос. Это был старшина первой статьи Филипп Рубахо, который лежал между рельсами под вагоном и, затаив дыхание, сосредоточенно глядел в оптический прицел винтовки.

В ночной черноте раздался ещё один хлопок, и в ту же секунду Рубахо тоже выстрелил. В тусклых полосках света, вырывающихся из простреленных стенок вагона, ещё кружились выбитые немецким снайпером щепки, как старшина доложил:

– Убит, товарищ комбат. Можно подниматься.

Богословский понял, что неправильно выбрал место для штаба. Даже с изгиба дороги, куда отступили немцы, его массивный вагон был виден как на ладони. Много ли толку в том, что открывается хороший обзор всего участка, если в любой момент тебя изрубят в капусту даже с дальних подступов?

Отсчёт времени пошёл на минуты – фашисты могли вернуться в любой момент. Комбат приказал переместить штаб в глубь обороны и пошёл по позициям. Он хотел лично проверить боеготовность солдат и отдать последние распоряжения. Осмотрев пулемётное гнездо Новицкого на башне цемзавода, капитан приказал бойцам принести туда несколько дополнительных ящиков патронов. Андрею он особенно доверял, ведь тот был коренным новороссийцем. На войну ушёл с первого её дня, оставив дома всю семью – родителей, младших брата и сестру. Воевал под Одессой и в Крыму, а теперь, получается, вернулся туда, откуда начал путь. Каждый резкий поворот подвижной головы, пристальный внимательный взгляд карих глаз, казалось, ясно говорили: «С самых первых дней войны я только отступал. Но здесь

так не будет! Свой родной город не отдам и буду драться за него до последней капли крови!» Богословский знал, что Новицкий не уйдёт со своего места, даже если под натиском фрицев погибнет или разбежится весь батальон. Именно поэтому он распорядился поставить его на самую важную и опасную точку.

Тупые удары выстрелов отдалённых немецких батарей заставили комбата прервать обход позиций и спешно вернуться на передовую. Снаряды дальнобойных орудий с утробным урчанием просверлили воздух и с раскатистым грохотом разорвались на ближних подступах. Земля туго качнулась и испуганно задрожала под первыми ударами.

Немцы оправились раньше, чем ожидал комбат. Перестроившись в боевой порядок, они вновь появились на шоссе. Теперь уже хорошо слышался жадный лязг танковых гусениц по асфальту. За бронёй, пригнувшись, быстро семенили бойцы бессмертного, как они считали, рейха.

Словно вымещая злобу из-за невозможности проехать по шоссе, фашисты начали хлестать по Балке Адамовича из орудий всех калибров. Кометой сверкнул в воздухе и с хрустом разломился над головами пристрелочный бризантный снаряд, его осколки жадно зачавкали по земле. Заурчали в ночной глубине немецкие шестиствольные миномёты. Рассекая темноту и закручиваясь раскалёнными спиралями, заблестели дымные хвосты реактивных мин.

С башни Андрей хорошо видел, как заплясали вокруг яркие всполохи. Из-за коротких, но частых вспышек окрестности стали видны, как днём. Всплески земли от взрывов сплошным частоколом вонзались в землю, и почти вся линия обороны батальона быстро исчезла под

высокими чёрными выбросами, подсвеченными изнутри ярко-красным пламенем. Оранжевые клубки огня зло расшвыривали измельчённый грунт и резко секли горячими нахлёстами.

По воспалённому лицу Новицкого потёк пот. Глаза заслезились от ослепляющих огненных ударов. В накалённом, пропитанном смертью воздухе со свистом разлетались искрящие, брызжущие жаром осколки. Взрывы безжалостно вспарывали землю, и вздыбившийся, разламывающийся на лету асфальт тяжёлыми кусками падал на головы ещё живых и мёртвых.

В заводской двор, куда выходила амбразура, с оглушительным грохотом шарахнул снаряд. Через узкую щель Андрея сильно обдало горячим воздухом от ударной волны. Новицкий почувствовал, как мощно задрожал под ним пол. Он смахнул с глаз ударивший в них песок и, взглядевшись, увидел первые ряды немцев. В своей зелёной униформе и в такого же цвета касках в резких огнях ночного боя они казались совершенно чёрными.

Приблизившись на расстояние уверенного выстрела, фашисты начали поливать русские позиции огнём из автоматов – от бедра, практически не целясь. Их лёгкое оружие, непрерывно грохоча, выплёвывало сотни трассирующих пуль, светящихся в ночной темноте красными пульсирующими веерами, скрещённо полосовавшими воздух.

Подпустив фрицев ближе, Андрей взял на прицел первую цепь и надавил на гашетку пулемёта. Длинная очередь выкосила центр немецкой фаланги. Фашисты, отброшенные пулями, упали на спины.

Бой разгорался с редкостным ожесточением. Воздух пропитывался запахом гари и наполнялся кипящим

свинцом. Осколки со свистом проносились над головами бойцов, кромсали деревья и обгрызали бетонные стены. Со зловещим шипением куски раскалённого металла вонзались в напряжённые человеческие тела или втыкались в землю, высоко подбрасывая в воздух расколотые камни.

Было ясно, что немцы решили одним сокрушающим ударом проломить русскую оборону и с ходу ворваться на Сухумское шоссе, где уже никто не остановил бы их стремительного продвижения к Кавказу. Отброшенные на Балке Адамовича, но хорошо осведомлённые о малочисленности противостоящих им войск, они отказывались верить в провал. Им по-прежнему казалось, что будет достаточно одного усилия, короткого быстрого броска вперед – и преграда рухнет сама собой.

Но 305-й батальон стоял крепко. Быстро и уверенно раздавались в спёртом от дыма воздухе команды Богословского, метко пробивали фашистские головы пули снайпера Рубахо, без передышки косил немецкие ряды раскалённый пулемёт Новицкого.

К утру решимость фашистов иссякла. Они отступили, смирившись с тем, что прорваться восточнее Новороссийска с наскока не удалось.

Богословский вновь обошёл позиции, распорядился собрать убитых, оказать помощь раненым. Он видел, как сильно утомлены люди, но ничего поделать не мог. Менее двух суток назад они ещё вели тяжёлые бои на Таманском полуострове. Когда, повинаясь приказу, отступили и пришли в Геленджик, им дали на отдых три дня, но через два часа подняли по тревоге и снова бросили в бой, который, как чувствовал капитан, только начинался.

Конечно, он не мог знать, что командующий войсками 17-й армии вермахта генерал-полковник Рихард Руофф на срочном совещании уже обозначил Сухумское шоссе главной осью наступления всех пяти немецких дивизий, стянутых к Новороссийску и собранных в единый кулак. Однако Богословский прекрасно понимал, что следующий удар, перегруппировавшись и восполнив потери, фрицы нанесут совсем скоро, и он будет сильнее предыдущего. А за ним последует ещё один, и ещё, и ещё... И все их надо отбить.

Пятый день, не считаясь с потерями, фашисты упрямо ломились вперёд, отказываясь свернуть с выбранного направления. Они не могли обойти город с севера – там преграждали путь высокие отроги Маркотхского хребта. Провести танки и остальную военную технику по горным тропам и крутым перевалам было невозможно, а пехоте с первых же дней боёв путь наглухо перекрыли партизанские отряды и немногочисленные, растянутые по горной цепи подразделения 47-й армии – пары винтовок или пулемёта было достаточно, чтобы надёжно запереть каждый узкий проход. Однако тем яростнее и злее становились последующие немецкие натиски на Балку Адамовича.

К исходу пятого дня кровопролитных боёв земля вокруг цемзаводов была испещрена чёрными оспинами рваных воронок. Трава и листья уцелевших деревьев уже не были ярко-зелёного цвета – на них толстым слоем осели пыль и копоть. От железнодорожного товарного вагона, недолго послужившего штабом батальону, остался лишь голый металлический остов, сплошь побитый пулями и осколками. Тысячи кусков раскалённого метал-

ла за несколько дней полностью содрали с него деревянную обшивку и раскрошили все болты в узких пазах.

А люди выстояли...

305-й отдельный батальон морской пехоты, не сделав ни шагу назад, продолжал держать смертельный рубеж. Потери были чудовищными. За задней стеной цемзавода «Октябрь» темнела рыхлая земля двух свежих братских могил. Рыть третью у уцелевших, истерзанных и истощённых людей уже не хватало сил – изуродованные трупы и фрагменты тел, которые удалось подобрать после недавних атак, грудой лежали неподалёку. В короткие моменты затишья Богословский приказывал своим людям только спать или готовить оружие к новому бою. Ни на что другое сил не оставалось.

В очередной раз – бесщётный за последние дни – вдали показались длинные ряды тёмно-зелёных силуэтов. Дрожащими чёрными пятнами поползли по дороге короткоствольные танки. Всполохи ракет и косматобрызжащие разрывы бризантных снарядов расцветили раскалённое небо. Над истерзанной землёй закружились метельные круговороты жаркого дыма. Воздух, сотрясаемый новым боем, заколыхался наливающейся смертельной опасностью. Гулко ударили орудия, часто и близко зашлёпали немецкие мины. Утреннюю свежесть порвали сотни выстрелов, над траншеями повис терпкий запах сгоревшего пороха и тола. В огненном урагане засверкали низкие трассирующие очереди ручных пулемётов и автоматов. Загромыхали гранаты, разбрасывая в стороны комья подпалённого грунта. Кто-то застонал и упал на дно окопа.

Новицкий в который уже раз перепахал очередью разбитый асфальт Сухумского шоссе, оставив на нём

несколько растянувшихся поперёк дороги фигур, и пережёс огонь на подбитые немецкие танки, за которыми пытались спрятаться фашисты. Упругие пулемётные очереди высекали из пылающих машин снопы искр, раскалённый ствол скрежетал и захлёбывался. Зрачки сквозь перекрестие прицела опаляли кроваво-знойные вылеты пламени, напряжённые плечи дрожали от непрерывной стрельбы, съезжала на затылок пропитавшаяся потом и кровью бескозырка.

Пытаясь подавить пулемёт, немцы сосредоточили огонь на башне. Миномётчики всаживали в толстую кирпичную кладку снаряд за снарядом, которые вздымали над заводскими стенами клубы красной пыли. Едва они рассеивались, пулемёт вновь оживал и продолжал яростно отплёвываться жарким огнём.

Из-за невосполнимых потерь комбат Богословский больше не пытался держать линию фронта непрерывной. Он приказал командирам рот загнуть фланги на тех пятачках, которые ещё можно было защитить оставшимися силами, и, если нельзя иначе, драться в окружении. В образовавшиеся бреши сразу же хлынули немецкие отряды. Они медленно, но уверенно пробирались по слабо простреливаемым теперь коридорам, возникшим в обороне, за спину русским бойцам. Земля Балки Адамовича, накрытая чёрным дымом, пылала испепеляющим огнём. Всё смелее ударяли по цемзаводу и окопам фашистские танки, поднимая над брустверами треугольные фонтаны земли. Вибрирующий звон осколков бритвенно разрезал воздух.

Распалённый грохотом боя и жаркой дрожью раскалённого пулемёта Андрей видел сквозь пляшущие отблески багровых вспышек, как длинные трассы выпу-

скаемых им очередей, мягко закругляясь под напором сильного ветра, вонзались в набегающие фигуры, и те, словно подрезанные, падали на землю. По щеке и подбородку Новицкого из оглохшего уха, колко его щекоचा, стекала выпуклая струйка крови. Он размазывал её по грязному от прилипшего песка лицу, но она вновь выступала на подсыхающей тёмно-красной корке.

Двоим немецким автоматчикам удалось зайти с тыльной стороны заводской башни и, взорвав дверь, проникнуть внутрь. Убрать русского пулемётчика теперь стало вопросом времени, и они быстро побежали по крутой винтовой лестнице вверх. Не слыша в горячке боя их шагов, Новицкий продолжал посылать очередь за очередью в нескончаемые потоки набегающих врагов.

Выбитая фрицами дверь с грохотом вывалилась из проёма. Андрей быстро оглянулся, натолкнулся взглядом на двоих ворвавшихся фашистов, но не успел поднять лежавшую на полу винтовку – те уже вскинули свои автоматы... Длинная очередь прогремела на тесном чердаке, остервенело разрывая барабанные перепонки. Немцы неожиданно для Андрея повалились вперёд и рухнули замертво. Позади Новицкого с дымящимся ППШ наперевес стоял Эндель Мэри, его однополчанин и хороший друг.

– Спасибо... – не веря неожиданному спасению, проговорил Андрей.

– Давай вниз, братишка! Ты там нужнее! – крикнул Эндель и тут же исчез в темноте проёма.

Новицкий мельком взглянул через амбразуру: оборона батальона была прорвана на всех участках. Фрицы уже спрыгивали в окопы, завязывались ожесточённые рукопашные бои. На каждого бойца наседали по несколь-

ко фашистов, а из Новороссийска по Сухумскому шоссе бесконечно тянулись новые немецкие отряды.

Вражеские танки всё ближе подползали к нашим позициям. Андрей уже отчётливо видел широкие кресты на массивных тупых башнях, пулемёты, плещущие непрерывным огнём, и длинные оружейные стволы, проворно выталкивающие лохматое пламя. Из окопов хлопали противотанковые ружья. Фиолетовые огоньки лопались на броне танков, не останавливая их, и чёрные машины медленно наползали на траншеи, хищно вертя дрожащими башнями, со скрежетом давя блиндажи, обваливая и разутюживая гусеницами брустверы. Вслед за ними, перешагивая через тела убитых и поливая очередями в разные стороны, уверенно шла по скользкой, матово блестящей грязи вязких багровых от крови луж немецкая пехота. Истребив практически весь батальон за пять дней непрерывных боёв, фашисты уже были в шаге от заветной цели. Набегая под прикрытием танков и миномётов бесконечными рядами, они врываются в опустевшие окопы и добивали оставшихся в живых морских пехотинцев.

Новицкий поднял с пола оба немецких автомата и выскочил вслед за другом на улицу. В ближайшем окопе он увидел крупную фигуру комбата, который бок о бок с последними солдатами второй роты молча дрался против наседавших врагов. Его перепачканная, как и у остальных бойцов, окопной глиной военно-морская фланка была окровавлена и разодрана пулями и осколками.

Невысокий и худой израненный Филипп Рубахо, едва держась на ногах, яростно орудовал бесполезной в ближнем бою винтовкой с примкнутым к ней штыком.

Андрей увидел, как он сильным ударом приклада в грудь оттолкнул наскочившего на него справа немца и тут же, отчаянно впоров штыком влево, пригвоздил к стенке окопа другого.

Убитые, уткнувшись лицами в землю и словно вцепившись в неё растопыренными окровавленными пальцами, в неестественных позах лежали в разбитых взрывами траншеях и свежих воронках, усыпанных стреляными гильзами.

Отчаяние и злость волной подкатили к горлу Новицкого. Ему не хотелось верить в разгром, но всё, что он видел, не оставляло надежды на благополучный исход очевидно последнего для него сражения. Похоже, суждено погибнуть здесь.

Он крепко, до хруста в пальцах сжал цевьё лёгкого немецкого автомата и бросился в бой. Несколько раз вокруг него колыхнулось яркое белое пламя, прогремели взрывы. Жаркий смерч взметнулся над головой – казалось, прожёт волосы сквозь бескозырку – и горячей чёрной стеной плотно прижал к земле. Андрей почувствовал горячий укол в ногу, но, стараясь не обращать на него внимания, вскочил и побежал дальше. Двумя короткими очередями он срезал зазевавшихся на краю траншеи фрицев и под смешанным с огнём дымом, с грохотом и звоном взметнувшимся над бруствером, в последний момент свалился на дно окопа.

Лёгкие забила ядовитая гарь. Выроненный из рук автомат отлетел в сторону, комья земли посыпались на спину. Остатки бруствера, срезаемые пулёмётными очередями, обрушились в окоп. Сквозь замутнённое сознание и звон в голове он почувствовал, что рот наполняется тёплой солёной влагой. Выплёвывая кровь, Андрей

встал, выхватил из сапога остро заточенную финку и врезался в скопище фашистов.

Кидаясь на пятящихся немцев, отбросив все надежды на спасение, он смирился со смертью и в отведённые ему последние секунды жизни хотел лишь искромсать как можно больше врагов. В неистовом грохоте боя Новицкий не сразу заметил, что упавшие гитлеровцы больше не поднялись. Через несколько секунд он увидел в окопе незнакомого молодого грузина в чистой защитного цвета красноармейской пехотной форме, который дал по сторонам несколько длинных очередей. Спустя мгновение рядом появился ещё один. Он спешно воткнул сошки ручного пулемёта в гребень разбитого бруствера, вщёлкнул в зажимы диск и хлёткой очередью полоснул по набегавшим фашистам.

Не в состоянии больше держаться на ногах, израненный Андрей беспомощно привалился к земляной стенке окопа. До сих пор не веря глазам, он видел, как к Балке Адамовича со стороны Геленджика подбегают всё новые солдаты. Их здоровые румяные лица, сохранившие блеск начищенные сапоги, неизношенная, ладно сидящая на крепких фигурах форма и неистёртые ремни выдавали недавно собранную, пока ещё не изнурённую в долгих неравных боях свежую силу.

Вздрогнул и забуксовал охваченный огнём немецкий танк, уже почти переползший через траншею. Спустя минуту рядом с ним проскочили несколько бойцов с громоздкими противотанковыми гранатами с длинными ручками в чехлах, каких у 305-го батальона к тому времени уже не осталось. Откуда-то сбоку ударили из своих орудий прибывшие для подкрепления русские миномётчики. Огненное зарево безвозвратно проигранного, как

ещё недавно казалось, боя широко и багрово раскинулось над Балкой Адамовича с новой силой. Новицкий видел, что фашистов повсеместно вышибают с уже почти занятой ими линии обороны, как останавливаются и буксуют в чёрном дыму вражеские танки, а их пехота дрогнула и в очередной раз побежала назад.

В окоп рядом с ним спрыгнули ещё несколько бойцов. Один из них попал сапогом прямо на затылок убитого фашиста, вдавив его голову в землю, размокшую от растёкшейся крови. Пошарив руками среди деревянных щепок и стреляных гильз, боец вытащил из-под трупя округлый дырчатый кожух немецкого ручного пулемёта и, вправив в него найденную рядом колючую патронную ленту, выпустил по фрицам длинную трассирующую очередь...

Глава V

После тяжелейшего пятидневного боя против нескольких фашистских дивизий из шестисот девятнадцати бойцов 305-го батальона, занявшего в ночь на 9 сентября 1942 года оборону у цементных заводов, остались живыми сорок два. Все – тяжелораненые. Нетвёрдой походкой, шатаясь и тихо постанывая от боли в кровоточащих ранах, комбат Богословский медленно уводил выживших в тыл по чудовищно распаханной, чернеющей обнажённым нутром земле.

Позади них затягивалась дымами и сверкала выстрелами Балка Адамовича. Густой смрадный воздух, вспарываемый оглушительными очередями, сотрясае-

мый раскатистыми взрывами, тяжело стоял над зияющими воронками и развороченными позициями, изрытыми неровными ямами. Оголённые и раздавленные танками траншеи были завалены обожжённой землёй с торчащими из неё трупами и стволами. В осыпавшихся брустверах вязли окровавленные обрывки фланок и гюйсов, фашистских гимнастёрок, россыпи закопчённых гильз, расщеплённые прямыми попаданиями приклады винтовок, деревянные ящики от патронов и снарядов. Из-за массивных, сильно разрушенных заводских стен жутко и пронзительно веяло сладковатой гнилью – напористый ветер короткими нахлёстами добрасывал до бойцов тошнотворный смрад начинающих разлагаться трупов, смешанный с едким, плохо рассеивающимся запахом немецкого тола.

На позиции, плотно окутанной дымом, огнём и поднятой цементной пылью, где гитлеровцам так и не удалось сломить сопротивление последних оставшихся в живых бойцов батальона, продолжал греметь яростный бой – в решающий момент Холостяков успел перебросить из Поти и Батуми в Геленджик на эсминцах «Харьков» и «Сообразительный» два полка 318-й стрелковой дивизии.

С трудом преодолевая жгучую боль в простреленной ноге, ноющей при каждом шаге, Новицкий тяжело ступал по усеявшим землю рваным металлическим осколкам, тускло поблёскивающим под его сапогами, почти не обращая внимания, как навстречу ему, в сторону Балки Адамовича, часто пробегают свежие русские отряды, проносятся поднимающие облака пыли грузовики с боеприпасами. Ему было достаточно, что они выстояли, враг не прошёл и вновь отступить больше не придётся. Знать

в этот момент что-то большее ему не хотелось. Значит, у него остаётся шанс вернуться в родной город, увидеть семью и любимую девушку. От этой мысли на его окровавленном лице появлялась слабая улыбка, обнажающая крупные белые, влажно блестящие зубы.

Отведя оставшихся в живых на безопасное расстояние, Богословский приказал бойцам спуститься к морю и ждать прибытия группы санитаров и врачей, уже высланных за ними из Геленджика. Едва добравшись до берега, изнурённые боем солдаты один за другим падали на тёплую гальку и засыпали, убаюкиваемые тихим прибоем, с упорной однообразностью плещущимся перед ними в жарких солнечных лучах. Из-за скал ещё долго доносились тяжёлые удары взрывов, яростные пулемётные и автоматные очереди. По небу тянулись густые и лохматые шлейфы дыма. Однако теперь всё это казалось далёким и ненастоящим, словно сама судьба решительным движением всевластной руки отодвинула от них в прошлое все ужасы страшного пятидневного боя.

Перед тем как провалиться в беспамятство, Андрей бросил усталый взгляд на плотно прижатые друг к другу величественные горы, выстроившиеся высокой зелёной стеной вдоль моря на восток – туда, где не стреляют оглушительно пушки, а воздух не пропах пряным смрадом сгоревшего пороха. Там ещё теплилась мирная жизнь, спасённая их 305-м батальоном морской пехоты, почти полностью погибшим в неравном жестоком бою, – его друзьями, с которыми ещё совсем недавно он делил миску жидкой мучной болтушки, несколько оставшихся гранат, мечтал выжить и победить...

...Чуть более года назад, в мае сорок первого, Андрей точно так же лежал здесь, на камнях – в этом очень

удобном для привала месте на берегу моря. Тогда жгло не огнестрельные раны, а натёртые новыми ботинками ноги, и он, чтобы притупить ноющую боль, сидя на берегу, погрузил стопы в ещё по-весеннему прохладную воду. Где-то далеко в волнах плескались его сестра Нина, брат Витя и Ваня – брат Полины, а родители с Анной Васильевной под скалами разбирались с рюкзаками. Полина, тоже поставив ноги в холодную солёную воду, сидела рядом с ним и задумчиво перебирала маленькие разноцветные камешки, которые небрежно бросал к их ногам беспокойный прибор.

Его отец, Дмитрий Николаевич, собрал обе семьи – Новицких и Щербаковых – и повёл в дальний увлекательный поход по Маркотхскому хребту. Андрей хорошо помнил, что здесь они сделали последний привал перед тяжёлым долгим переходом. Ближе к Геленджику, в восточной части Цемесской бухты, почти на самой вершине горы Пенай за Дообским маяком вечером они разбили палатки.

После вкусного сытного ужина, приготовленного на костре и аппетитно пахшего ароматным дымом, Андрей поднялся на узкий уступчик на краю крутой высокой скалы и сел там, разглядывая окрестности. Отсюда Новороссийск казался едва различимой узкой полоской в западной части залива. Вокруг города и на десятки километров кругом мускулистыми складками топорщились темнеющие в вечерних сумерках горы. Прямо перед Андреем, начинаясь где-то глубоко внизу и протянувшись до самого горизонта, распахнулись беспредельные тёмные морские просторы.

Андрей любил море. Он мог часами сидеть, глядя на бескрайнюю водную гладь, дышащую освежающими

солёными бризами и располагающую к размышлениям. Тогда ему было о чём подумать.

Сзади подошла Полина.

– Можно к тебе? – осторожно, словно боясь кого-то спугнуть, спросила она. – Почему ты сидишь тут один, вдали от всех?

– Посмотри, как здесь красиво! – улыбаясь в ответ, восхитился Андрей. – Сколько ни смотрю, всё равно не могу оторвать глаз.

– И правда, – посмотрев, согласилась Полина. – Значит, будем любоваться вместе.

Она легла на бок на траву рядом с Андреем, сидящим по-турецки, положила голову на его колено и тоже стала заворожённо рассматривать серо-изумрудную морскую ширь и нависшие над ней горы. Солнце тем временем, выбросив в облака последние, быстро погасшие лучи, спустилось за горизонт. Небо почернело, и на нём рассыпались яркие звёзды. Моря уже не было видно. Казалось, они сейчас на самом краю света, над обрывом, после которого больше нет ничего, кроме вечной черноты.

Полина легла на спину и, глядя на Андрея снизу вверх, сказала:

– Жаль, что так быстро стемнело, правда? Никогда раньше не видела такой красоты. Ну что, пойдём к нашим?

– Иди, если хочешь... – спокойно произнёс он. – А я ещё посижу здесь, подумаю.

– Ты ещё не надумался? – рассмеялась Полина. – О чём, интересно, можно так долго думать?

– О тебе... – прямо ответил Андрей и, наклонив голову, посмотрел ей прямо в глаза.

Полина перестала смеяться и в задумчивости прикусила губу. Полежав ещё минуту, она подняла голову с коленей Андрея и села рядом.

– Зачем обо мне столько думать? – растерянно спросила она.

– Я так давно знаю тебя, – начал Андрей, – с самого детства. Ты всегда была моим лучшим другом, но мне хочется, чтобы мы стали не только друзьями.

Они долго смотрели друг на друга, пока Полина наконец не произнесла:

– Наверное, рано об этом думать. Разве нам плохо так?

– Могло бы быть ещё лучше... – вставая ответил Андрей. – Потому что я люблю тебя. Но ничего не предлагаешь – на нет и суда нет.

С этими словами он шагнул к обрыву и прыгнул вниз. Ещё засветло, придя сюда первым, Андрей заметил узкую плоскую площадку, выступающую из края скалы двумя метрами ниже уступчика, на котором они сейчас сидели. И теперь, желая разыграть Полину, он спрыгнул туда. Не успели его ноги коснуться каменной ступеньки, как сверху раздался оглушительный испуганный крик девушки. Поняв, что перестарался, Андрей сразу же влез обратно по пологому краю обрыва.

– Не кричи ты так! Всех вокруг перепутаешь, – шикнул он на неё и, взглянув на напуганное лицо, не смог сдержать громкого смеха.

Растерянность и испуг сменились в глазах Полины гневом и яростью. Она с размаху влепила ему крепкую звонкую пощечину, крикнув «Дурак!», быстро повернулась и побежала не оглядываясь к палаткам, чернеющим вдалеке на фоне звёздного неба. Андрей остался стоять

в темноте, с досадой глядя ей вслед и потирая, словно кипятком обожжённую, щёку.

С того вечера – до конца похода и после возвращения в Новороссийск – Полина с ним не разговаривала. Сам Андрей, осознав позже всю глупость своей шутки, тоже стремился как можно реже попадаться ей на глаза. Несколько раз он собирался с духом, чтобы поговорить с ней, но непроходящее чувство вины быстро отбивало стремление к разговору. Правда, нашёлся подходящий повод для извинений. Тайные надежды Андрей возлагал на свой выпускной вечер, намеченный на 22 июня. «На него-то она точно придёт вместе со всеми Щербаковыми, – убеждал он сам себя. – Там и поговорим. А раньше – только хуже будет».

Однако из-за войны, начавшейся именно в этот долгожданный им день, торжественные мероприятия в городе отменили. Сразу после коротких, скупо обставленных школьных линеек, названных, чтобы не нарушать традицию, выпускными, парней с только что полученными аттестатами в руках выстраивали в колонны и отправляли в ближайшие военкоматы.

Всё, что не касалось войны, в наступившие грозные дни отодвинулось на задний план. Андрей это почувствовал и сразу понял, что солдатская судьба может запросто забросить его из родного новороссийского военкомата куда угодно – от карельских сопок до украинских степей. Надо было схитрить, найти способ оказаться ближе к дому.

Сначала Андрей подумал о флоте, но в моряки его не взяли. Тогда он напросился в морскую пехоту и, к своему счастью, нашёл покровителя в лице офицера, который искал пополнение для Балтфлота. «Ничего, – решил

Андрей, – дивизий, куда могут отправить, – не счесть, а флотов – всего три. Велик шанс, что выпадет Черноморский, а это уже, считай, дома».

К счастью, так и вышло. К окончанию двухмесячного курса молодого бойца Новицкий узнал, что его вместе с другими готовят для обороны Одессы, куда их должны перебросить в составе подразделения, приданного 157-й стрелковой дивизии.

В конце августа перед окончательными сборами для предстоящего морского броска на запад бойцов отпустили в двухдневное увольнение. Жарким августовским вечером Андрей пришёл попрощаться с родными в их квартиру в старинной башне на Октябрьской площади, которую он никогда раньше не покидал так надолго. Несмотря на то, что война бушевала уже более двух месяцев, новоросийцы не успели почувствовать её. Город оставался в глубоком тылу, и никому здесь в голову не приходило, что фронт когда-либо докатится до этих мест. Напротив, все ждали громкой победы и не сомневались в её близости.

Семья Новицких жила теми же ожиданиями. Дмитрий Николаевич продолжал работать в порту, Татьяна Петровна готовилась к новому учебному году, Витя и Нина пропадали на улице с друзьями. Даже призыв Андрея в армию не сильно изменил ход этой привычной размеренной жизни. Ведь, будучи в учебно-тренировочном лагере в станице Раевской под Новороссийском, где родные не раз всей семьёй навещали его, он всё равно оставался рядом с ними.

Когда же Андрей переступил порог дома в строгой тёмно-синей фланке, под которой виднелась матросская тельняшка, прямых чёрных брюках, с ремнём со звез-

дой и якорем на бляхе, бескозырке с лентами «Черноморский флот» и письменным приказом вернуться из увольнения 31 августа 1941 года для начала подготовки к десанту, жизнь родных наполнилась другими ощущениями. Событие, о приближении которого вся семья старалась не думать и не говорить, наступило. Родители, глядя на непривычный облик сына, оторопело молчали, не зная, какие слова подобрать перед разлукой. Нина изредка бросала в его сторону тревожные взгляды и надолго выходила из комнаты. Только Витька восхищённо рассматривал военно-морскую форму старшего брата и бесконечно твердил, что он тоже хочет стать морским пехотинцем и обязательно убежит на фронт воевать, пока всех немцев не разбили окончательно.

Неловкую натянутую атмосферу, несвойственную раньше для их дружной семьи, нарушил телефонный звонок. Нина взяла трубку, недолго поговорила и позвала Андрея. Тот подошёл к аппарату и услышал взволнованный голос Полины:

– Привет. Я слышала, ты скоро уходишь на войну?

Андрей поздоровался и с грустью ответил:

– Да... Завтра ещё буду дома, а потом надо возвращаться в часть, готовиться к десанту.

– ...Зайдёшь попрощаться? – после долгой паузы несмело спросила она.

– Конечно, обязательно зайду, – пообещал Андрей.

– Буду тебя очень ждать. До завтра... – прошептала Полина и положила трубку.

На следующее утро, едва Андрей переступил порог дома Щербаковых в Станичке, Полина, не сказав ни слова, бросилась к нему и крепко обняла, будто они не ссорились. С первых же минут их встречи она вела себя про-

сто и естественно, с той чистой и лёгкой открытостью, которую он всегда знал в ней и не переставал ею восхищаться за всё время многолетней дружбы. Две их детские жизни давным-давно соединились в одну общую, со множеством дорогих для обоих воспоминаний, благодаря которым они очень хорошо понимали и чувствовали друг друга.

Теперь же Андрей с удивлением отметил, что за три с половиной месяца разлуки привычные Полинины черты как будто размылись в его памяти. Ему всё время казалось, что перед ним другая девушка – ещё более красивая и сильно повзрослевшая. Взяв Полину за плечи, Андрей широко раскрытыми, почти изумлёнными глазами смотрел на неё и, как ни старался, чтобы не затягивать ненужную паузу, не мог оторвать взгляда от её живого, светящегося радостью лица.

– Я так по тебе соскучился! – наконец, признался он. – Если бы ты знала...

– Знаю... – тихо произнесла она. – Я тоже.

Полина и Андрей пошли гулять вдоль моря в сторону города. Яркое светило солнце, и дул лёгкий благоухающий бриз. Полина была одета в новое ситцевое платье с крупными красными и синими цветами на белом фоне с открытыми плечами и широкой юбкой.

Андрей не надел свою тяжёлую морскую робу и теперь наслаждался последним днём, который он мог провести в такой удобной, как вдруг ему показалось, гражданской одежде.

Они шли по многократно исхоженному их ногами тротуару, мощённому старой, давно растрескавшейся плиткой, крепко взявшись за руки и практически не разговаривая. Слова сейчас не имели для них никакой

ценности. Стены двух- и трёхэтажных домов были густо увиты цепкими лозами винограда. Раньше в это время года Андрей сорвал бы им обоим по крупной ароматной грозди, но теперь они молча прошли мимо, думая каждый о своём.

На центральной городской набережной под раскидистыми каштанами расположилась продавец с тележкой от местного хладокомбината.

– Давай съедим по мороженому. На войне меня им вряд ли накормят, – попытался сострить Андрей, но Полина от шутки лишь погрустнела.

Вафельные стаканчики с холодным лакомством они доели, уже будучи на длинном каменном моле, на конце которого стройно высился над водой крепкий приземистый маяк. Отсюда, почти из самого центра Цемесской бухты, весь Новороссийск был виден как на ладони. В этом городе и его окрестностях прошло их детство, за его пределами оба бывали редко. Поэтому всё, что они знали и чувствовали в своей ещё недолгой жизни, было неразрывно связано с этими огромными кранами в порту, кораблями, стоящими вдали на рейде, рваным урезом нависающих над бухтой гор, солёным ласковым морем, беснующимися зимой норд-остами и, конечно же, друг с другом. Неотвратимо надвигающееся с каждой минутой расставание искажало такую привычную картину.

– Это же та гора, где мы ночевали в последнем походе? – спросила Полина, показывая на другую сторону Цемесской бухты.

– Похоже, да, – согласился Андрей.

Он немного помолчал и добавил:

– Извини меня за ту глупую шутку, Полин. Я не думал, что так сильно напугаю тебя.

Лёгкая задумчивая улыбка сошла с лица девушки. Ей не хотелось вспоминать тот случай, и Андрей знал это. Но и он не хотел уносить с собой в долгую разлуку неприятный осадок того недоразумения.

– Выбрось, пожалуйста, из головы и не вспоминай больше, – тихо попросил Андрей. – Я уже сто раз пожалел, что решил в тот раз посмеяться.

– Значит, ты завёл тогда разговор, только чтобы посмеяться? – разочарованно спросила Полина.

– Нет-нет, что ты! – торопливо ответил Андрей и на всякий случай взял её за руку. – Шуткой был только прыжок с обрыва. Всё остальное правда. Но какое это теперь имеет значение...

– Имеет, – немного подумав, ответила Полина.

Она осторожно приблизилась к нему, крепко обняла и мягко прикоснулась влажными губами к его губам. Её волосы, разметавшиеся от порыва ветра, заскользили по лицу Андрея, накрывая волной сладкой желанной свежести. Он жадно сгрёб любимую в охапку и долго не отпускал.

– Я дождусь тебя, слышишь! – выпалила Полина, когда они, наконец, оторвались друг от друга. – И мы будем вместе до конца жизни, как ты и хотел.

Слёзы градом хлынули из её глаз. Она прильнула к его груди, тихо и неутешно плача. Андрей молча обнял Полину за плечи, и налетевший с моря порыв ветра вновь бросил ему в лицо прядь её лёгких каштановых волос. Девушка цепко обвила руками шею Андрея и плотно прижалась к его внезапно напрягшемуся телу всей грудью. Он почувствовал, как высоко и упруго вздымается она от частых вздохов.

Слова, которых Андрей ждал столько лет, так ясно и отчётливо прозвучали наконец из уст давно любимого

им человека, и к ним было нечего добавить. Он был готов целую вечность простоять на этом моле, обнимая Полину и втягивая обеими ноздрями пряный, до боли знакомый запах её развевающихся на ветру волос.

В знойный воздух жаркого черноморского лета неожиданно вторгся вязкий чужой, поначалу тихий, но очень быстро крепнущий звук. Полина и Андрей подняли головы и увидели стремительно надвигавшуюся из глубины голубого чистого неба огромную эскадрилью самолётов. Их широкие крылья с чёрными в белой обводке крестами жадно сверкали алюминиевым блеском.

– Бежим отсюда! Быстро! – прокричал Андрей, сразу догадавшись, что маяк на моле станет одной из первых целей фашистских бомбардировщиков.

Зловеще гудящие над городом чёрные силуэты заметно увеличились. Самолёты начали уверенно снижаться, заходя на позицию для сброса бомб. От нескольких из них отделились тонкие чёрные капли и, набирая скорость, устремились вниз.

Добежать до выхода на берег Андрей и Полина не успели. Сзади раздался оглушительный грохот. Им в спины ударила тугая воздушная волна, которая сбросила их с узкой полоски бетона в море далеко друг от друга. Резко оглушив напоследок железным звоном мотора, самолёт круто вышел из пике в нескольких десятках метров от поверхности воды и, широко развернувшись в воздухе, начал быстро набирать высоту.

Сшибаемый высокими волнами от разрывающихся в воде бомб, Андрей поплыл к Полине.

– Ты цела? – прокричал он издали.

Она не ответила, и Андрей поплыл быстрее. Полина была очень бледной, с трудом двигалась и уже почти

начала тонуть, когда он схватил её за волосы и резким усилием вытащил из воды.

– Очень болит спина, – прошептала она и бессильно повисла на его руках.

Андрей обхватил её руками под грудью и, отчаянно работая всё ещё гудящими от ударной волны ногами, поплыл на спине к берегу. Он вытащил девушку на тёплую гальку, мелко дрожащую в чугунном гуле близких бомбовых разрывов, и осмотрел. Платье на спине было разорвано в клочья. Смешиваясь с морской водой и сливаясь в быстрые ручейки, из глубоких ран вытекала кровь. Андрей подхватил Полину на руки и побежал к Станичке, петляя среди взлетающих на воздух домов, в оглушительном грохоте яростной бомбёжки и запоздалом вое воздушной тревоги.

Через час он, распахнув ногой дверь, появился на пороге дома Щербаковых с потерявшей сознание Полиной на руках. Анна Васильевна, поняв всё без слов, стремительным движением сдёрнула с обеденного стола скатерть со всей стоявшей на ней посудой и побежала в комнату за набором хирургических инструментов, который с начала войны всегда забирала с работы домой.

Андрей положил Полину спиной вверх на стол, придвинул к нему стоявший в углу торшер, несколькими сильными рывками разорвал и бросил на пол мокрое окровавленное платье, которое так понравилось ему этим утром – спокойным, ясным, не предвещавшим никакой беды.

Анна Васильевна до позднего вечера не выпускала из рук скальпеля и хирургической иглы, склоняясь над хрупким израненным, временами казавшимся совсем безжизненным телом дочери, вынимая из него глубоко

засевшие осколки и зашивая пугающие размерами раны. Андрей и Ваня как могли помогали ей, подавая инструменты, спирт и бинты. Наконец Анна Васильевна устало отстранилась от залитого кровью стола, несмело опустилась на стул и дрожащими руками медленно стащила с лица марлевую повязку.

– Пускай отдыхает... – еле ворочая языком, проговорила она. – Самое страшное позади.

Андрей помог Анне Васильевне смыть с тела Полины оставшуюся кровь, отнёс её в кровать и пошёл домой по ночным разрушенным улицам, почти неузнаваемым после немецкого авианалёта. Повсюду чернели силуэты обваленных домов и широкие пятна глубоких свежих воронок, из которых густо несло медленно расплывавшимся, ещё новым для него луковым запахом немецкого тола.

Утром металлический треск старого будильника вырвал Андрея из тяжёлого беспокойного сна. Свинцовая голова наполнилась осознанием неизбежной разлуки с семьёй и Полиной. Он быстро умылся и надел свою военно-морскую форму, накануне заботливо выстиранную и поглаженную матерью. Крепко обнялся на прощание с родителями, сестрой, братом и вышел из дома раньше времени, чтобы успеть проведать Полину.

Дверь открыла уставшая Анна Васильевна. Было похоже, что она не отходила от кровати дочери всю ночь и ни на минуту не сомкнула глаз.

– Как она? – переступая порог, тихо спросил Андрей.

– Поправится... – успокоила его Анна Васильевна. – Только лучше её сейчас не будить. Ты уж извини, Андрюша.

– Хорошо! Конечно. Я всё понимаю... – ответил он.
– У меня есть немного времени. Позвольте мне посидеть рядом с ней на прощание. Кто знает, когда ещё увидимся.

Анна Васильевна провела его в комнату и оставила их одних. Полина неподвижно лежала на кровати в той же позе, в какой Андрей оставил её вчера. Только дыхание стало более глубоким и ровным. Он пододвинул стул, сел рядом и несколько минут неотрывно смотрел на ровные, правильные, казавшиеся такими родными черты лица. Затем достал из кармана тонкое медное колечко с выдавленной на нём надписью «Полине от Андрея» и неуверенно повертел в руках. Незадолго до их майского похода в горы он выточил его на заводе «Красный двигатель», где три раза в неделю после школы подрабатывал слесарем. Андрей хотел сделать сюрприз после возвращения в город, но сначала помешала дурацкая ссора, затем – начало войны. Вчера он захватил колечко, чтобы подарить на прощание в конце их встречи, но немецкая бомбёжка нарушила планы.

«Ничего страшного, – подумал Андрей, – оставляю себе как талисман. Пусть будет дело, ради которого нужно всё преодолеть и вернуться!» Он аккуратно погладил пальцами мягкую Полинину ладонь, запоминая её лёгкую нежную теплоту, и, стараясь не шуметь, двинулся к выходу.

– Андрей, – в утренней тишине прозвучал за спиной напряжённый голос.

Он обернулся, и их взгляды встретились. Полина попыталась привстать, но Андрей жестами показал, что этого делать не нужно.

– Уже уходишь? – насторожённо спросила она, с удивлением разглядывая фланку и матово поблески-

вающую пряжку со звездой и якорем на новеньком ремне.

Андрей вернулся к кровати и снова сел на стул. Он посмотрел на Полину с ласковой нежностью горячо влюблённого человека, досадливо сжал губы и кивнул:

– Пора, к сожалению...

– Мне будет здесь очень плохо без тебя. Не хочу, чтобы ты уезжал.

– Возьми на память вот это, – Андрей вложил в её ладонь кольцо. – Если будет совсем грустно, посмотри на него и знай, что где-то далеко я каждую минуту думаю о тебе.

Полина примерила кольцо и грустно произнесла:

– Велико.

– Моя вина, – улыбнувшись, тихо признался Андрей. – Хотел сделать неожиданный подарок, поэтому не спрашивал твой размер. Точил на глаз.

– Не беспокойся... – ободрила его Полина. – Я повешу его на шею. Мне всё равно, где носить. Лишь бы знать, что оно от тебя.

Андрей склонился над кроватью, крепко поцеловал её в сухие горячие губы и, едва справляясь с отчаянием в груди, вышел из дома...

Глава VI

В кабинет Холостякова тихо, но очень настойчиво постучали.

– Войдите! – не поднимая глаз и не отрывая остро подточенного ярко-красного карандаша от карты, крикнул Георгий Никитич. Он размечал боевые позиции немцев в Новороссийске в соответствии с последними данными разведки.

Дверь напряжённо скрипнула, слышались тяжёлые шаги.

– Каперанг Холостяков, если не ошибаюсь? – прошепел вкрадчивый голос.

Георгий Никитич поднял глаза и увидел полковника Особого отдела НКВД, придирчиво задававшего ему вопросы на совещании у Котова.

– Так точно! – удивлённо ответил он. – Чем обязан?

– Моя фамилия Буров, – представился особист, выдавливая из себя дежурную улыбку. – Сами знаете, из каких я органов. И вот по долгу службы добрался и до вас. Позвольте на пару слов?

Холостяков коротким приглашающим жестом указал на стул для посетителей перед столом.

Он не любил особистов. Не только из-за того, что по ложному доносу провёл два года в лагере в конце тридцатых годов, но и потому, что всегда остро чувствовал неуклюжую фальшь и неискренность в их словах.

Буров мешковато опустился на стул, положил потёртый кожаный портфель на край стола и небрежно протянул Холостякову бледную руку. Георгий Никитич лучше рассмотрел его. Это был невысокий толстый и не по годам обрюзгший мужчина. Его сутулая фигура и размашистые жесты выдавали человека нестройного, но маленькие вёдливые глазки и циничная ухмылка говорили о качествах, видимо, способствующих карьере.

– Добро пожаловать, товарищ полковник! Но должен предупредить, что у меня не очень много времени, – сказал Холостяков, пожимая руку непрошеному гостю.

Вялость рукопожатия и липнущая мягкость ладони дополнили неприятное впечатление. Замечая, что особист не спешит переходить к делу, Георгий Никитич добавил:

– К сожалению, меня никто не предупредил о вашем визите.

– Это правильно. Чем меньше о нас знают, тем лучше... – с поддельным, одинаковым у всех особистов смеш-

ком ответил Буров. – Строго говоря, у меня к вам всего два коротких вопроса. Я недавно получил назначение в ваши края. Поэтому, во-первых, просто хотел познакомиться. Кстати, меня зовут Василий Николаевич. Надеюсь, нам предстоит долго служить вместе, поэтому давайте сразу дружить.

– Всегда к вашим услугам, товарищ полковник. А что во-вторых?

– Другой вопрос более конкретный. Только не удивляйтесь. Скажите, вы полностью уверены во всех своих людях? Не замечаете у кого-нибудь слов или поступков, которые можно толковать двояко?

– О чём вы? – не понял Холостяков.

– Я о предателях и шпионах, – пояснил, неестественно вздохнув и усмехнувшись, Буров.

– У вас есть основания подозревать кого-то из моих подчинённых?

– Если бы кого-то из ваших подчинённых подозревал я, он бы уже давно давал показания в моём кабинете, товарищ каперанг. Как вы знаете, у меня есть полномочия арестовывать любого, – самодовольно произнёс Буров. – Я спрашиваю: вы сами кого-нибудь подозреваете?

– Нет! – твёрдо ответил Холостяков. – Я уверен в каждом из своих людей.

– А это зря, – надменно заметил особист. – Помните второе июля? Думаете, обошлось без немецких осведомителей в наших рядах?

В памяти Георгия Никитича всплыли тяжёлые воспоминания. 2 июля 1942 года было вписано в боевую историю Новороссийска жирными чёрными буквами. Ранним утром он в сопровождении секретаря горкома осматривал подвал Дворца пионеров, куда намеревался

перенести командный пункт противовоздушной обороны, когда бетонные стены подземелья внезапно затряслись крупной дрожью, с потолка посыпалась цементная пыль. Снаружи донеслись тяжёлые раскатистые разрывы. Стало ясно, что наверху разрываются авиабомбы, но сирены воздушной тревоги не было.

Каперанг сломя голову выскочил на улицу, ожидая увидеть несколько случайно прорвавшихся «юнкеров», но открывшаяся картина поразила его – почти всё небо было тесно забито фашистскими бомбардировщиками, и от каждого тянулись длинные косые пунктиры сбрасываемых бомб. Мощные взрывы сотрясали город, поднимая облака дыма и пыли. В море круто вздымались и медленно опадали молочные столбы вспененной воды.

С огромной задержкой воздух распорол треск русских спаренных авиационных пулемётов. Где-то совсем рядом начали бить зенитки. Частые оглушительные удары толчками зазвенели в ушах, но тут же в запоздавший лихорадочный лай орудий врезался тонкий дребезжащий звук быстро приближавшегося самолёта. «Юнкерс» спикировал прямо на Дворец пионеров, и обесцвеченные дневным солнцем трассы зенитных снарядов, вылетевшие ему навстречу, беспомощно провалились в сияющую синеву неба мимо чёрного корпуса.

Прямо перед Холостяковым, тяжело колыхнув воздух, вырос высокий столб бомбового взрыва, взвившего в небо густой фонтан сухой земли и камней. Пыльная серая пелена, внезапно ударившая в глаза, стала последним, что Георгий Никитич увидел в тот день. Очнулся он лишь спустя сутки в госпитале.

В результате дерзкого налёта немцам удалось почти полностью уничтожить весь русский флот, сто-

явший в Новороссийске. Только что отремонтированный после подрыва на mine транспорт «Украина», переломленный надвое прямым попаданием авиабомбы, беспомощно завалился на бок и затонул посередине Цемесской бухты. У Лесной пристани отвесно осел на корму эсминец «Бдительный». На стенку Элеваторной – навалился трубами и надстройками лидер «Ташкент», который через несколько часов должен был уйти на дополнительный ремонт в Потти. Корабль горел, дымился и медленно тонул, царапая причальную стенку искорёженным металлом. Уцелевшие матросы едва успевали выбраться на берег с палубы, уже ушедшей под воду. Были потоплены и получили повреждения другие более мелкие суда, разрушены порт и механический цех «Красного двигателя», с начала войны работавший на военные нужды. Сильно пострадали многие районы города.

Слишком малой расплатой за все эти потери казались три сбитых «юнкерса».

Расследование установило, что локатор показывал крупную групповую цель почти за двадцать минут до её приближения к Новороссийску. Однако маршрут немецких бомбардировщиков и их количество точно совпадали с маршрутом и количеством русских самолётов, которые улетели бомбить фашистские цели в Крыму и примерно в это же время должны были возвращаться обратно. Оперативный дежурный противовоздушной обороны и начальник района посчитали приближавшиеся к городу самолёты русскими и не подали предупреждающего сигнала. Позже они оба были расстреляны.

– Хорошо помню... – сказал Холостяков. – Мы потеряли много кораблей в тот день.

– Если бы только кораблей... – понимающе покачал головой Буров. – Людей сколько! На одном только «Ташкенте» почти сто человек. А первоклассных специалистов... Вот, например, – он раскрыл свой портфель и достал из него папку с личными делами, – лучший инженер порта Дмитрий Николаевич Новицкий. Разорвало на месте. Семье даже хоронить было нечего. Или вот...

– Всё это известно, – осторожно перебил Холостяков. – Вашу просьбу понял. Буду держать ухо востро. О любых своих подозрениях проинформирую вас немедленно.

– Я знал, что мы найдём общий язык, – широко и неискренне улыбнувшись, проговорил Буров, видимо, собираясь прощаться.

– Раз уж вы сами ко мне зашли, товарищ полковник, позвольте занять ещё пару минут вашего времени, – попросил Холостяков. – Услуга за услугу, как говорится.

– Конечно, каперанг.

Георгий Никитич достал из ящика стола комплект немецких документов и протянул Бурову. Тот открыл конверт и стал рассматривать бумаги.

– Эти документы передал нам командир партизанского отряда «Норд-ост». Вчера вечером они уничтожили фашистскую разведгруппу у перевала Волчьих ворота. Обратите внимание вот на это удостоверение... – Холостяков показал Бурову, какое именно он имеет в виду: Рудольф Шнайдер, если я правильно прочитал его имя.

– Истинный ариец, – усмехнулся особист, рассматривая в окровавленных корочках фотографию немецкого солдата со светлыми волосами и крупными правильными чертами лица.

Холостяков положил рядом с Буровым ещё один конверт с документами, но уже на русском языке.

– А вот личное дело бойца бывшего триста пятого отдельного батальона морской пехоты Энделя Мэри. Это тот самый батальон, о котором вы с таким пристрастием расспрашивали меня на совещании у Котова... – как можно мягче напомнил каперанг. – Поставленный мною на Балке Адамовича он был почти полностью уничтожен в тяжелейших боях и ввиду невосполнимости потерь расформирован. Несколько десятков выживших сейчас находятся в госпиталях. Мэри – среди них.

– Как же они похожи друг на друга! – удивился Буров, продолжая внимательно рассматривать документы. – Этот ваш Мэри и Шнайдер, случаем, не близнецы?

– Мэри – эстонец, из семьи прибалтов-переселенцев ещё по столыпинской реформе. Его мать – коренная эстонка, а отец – наполовину немец. Эндель хорошо говорит и по-эстонски, и по-немецки. Перед самым началом войны он приехал из Красноярска, где обосновалась его семья, в Москву – поступать в университет на лингвистический факультет. После нападения немцев его направили в Одессу на курсы военных переводчиков. Пока добрался, в городе уже шли ожесточённые бои, никаких курсов не было. Записался в морскую пехоту и начал воевать. Так и прошёл с боями от Одессы до Новороссийска. По-хорошему надо бы давно отправить его на переводческие курсы в Ставрополе, но как же отправишь, когда каждый человек на счету.

– Интересно... – Буров ещё раз с изумлением сравнил два почти одинаковых лица на фотографиях в удостоверении и в личном деле. – А что вы от меня хотите?

– Вы долгое время служили в нашем посольстве в Берлине.

– Было дело, – кивнул Буров.

– У меня есть идея забросить Мэри на разведку в Новороссийск с документами Шнайдера. Не хватает кое-чего для полноты картины, – Холостяков постучал карандашом по карте. – Поможете прочитать трофейные документы, чтобы собрать установочные данные? Я, к сожалению, не знаю немецкого языка, а штатных переводчиков у нас нет.

– Боюсь, я знаю его ненамного лучше вас, товарищ каперанг, – признался Буров. – Видите ли, я занимался в Германии другими вещами, постоянно был занят. Было не до изучения языка.

– И там шпионы? – осведомился Георгий Никитич.

– Они везде... – глубокомысленно ответил Буров. – Будьте начеку!

– Что ж, – вздохнул Холостяков. – Похоже, придётся тревожить в госпитале самого Мэри. А я так хотел дать ему хоть немного отдохнуть.

– Наверное, другого выхода действительно нет, – поднимаясь со стула и пожимая на прощание руку, проговорил Буров. – Извините, что не смог помочь, каперанг. Кстати, держите меня в курсе всей этой вашей разведывательной операции. Чем больше я буду знать, тем проще будет отследить утечку информации, если она, не дай бог, произойдёт.

– Договорились, товарищ полковник.

Проводив Бурова и закончив с картой, Георгий Никитич собрал в конверт документы убитого Шнайдера, вызвал «эмку» и отправился к Мэри.

Госпиталь располагался в широком длинном бараке почти у самого подножия гор. Здесь приятно пахло чистым бельём и осенней, ещё не слишком холодной

свежестью, лёгким сквозняком продувавшей помещение через широко открытые форточки.

Койки Энделя Мэри и Андрея Новицкого стояли в дальнем от входа углу. Головы и тела обоих были в бинтах, на которых тёмными пятнами багровела проступившая кровь. Эндель дремал, подложив под голову согнутую в локте руку. Андрей задумчиво и отрешённо смотрел в окно.

Снаружи тихо шелестели деревья, яркое высокое солнце изумрудно расцвечивало их тёмно-зелёную густую листву. Вдаль убегала крутая гряда гор, а слева от неё под неохватным голубым небом блестел сине-зелёной лазурью бескрайний морской простор. Какой мирной и беззаботной казалась Андрею здешняя тишина – как будто тонкие птички трели никогда не заглушал свист пуль, а золотые солнечные лучи – не гасли за чёрным дымом пожаров.

Сейчас ему была известна подлинная цена короткого затишья и зыбкого безмятежного спокойствия. Цена эта была поистине чудовищной – сотни жизней его друзей, остановивших врага на восточной окраине Новоросска. За каждую секунду непрочного мира, когда он, раненый и беспомощный, валяется в госпитале, на чудом выдержавшей атаки врага Балке Адамовича русские солдаты и офицеры продолжают платить эту цену.

Всего в нескольких десятках километров от его госпитального барака дрожит от артиллерийских взрывов земля, и её холодные комья падают за шиворот затаившихся в окопах солдат. Потом начинается атака. На рыхлые стенки траншей брызгают кровь и выбитые пулями мозги. В затянутом дымом небе лопаются бризантные снаряды, осыпая людей раскалёнными куса-

ми смертоносного железа. Вокруг плотно падают мины, вздымая из остатков расплюснутых брустверных насыпей высокие фонтаны серой сухой земли. Многочисленные убитые в застывших позах лежат в окопах вперемежку с живыми. Их безжизненные и остановившиеся глаза как будто смотрят на мужество и смерть других людей. В этом аду дерутся за его родной город грузины и сибиряки, точно так же, как и он когда-то бился за Одессу и Севастополь, но не отстоял.

Будет ли у него право винить их, если они сдадут Новороссийск? Всё ли возможное предпримут, чтобы не отдать немцам его родной дом? А всё ли от него зависящее сделал он сам в Крыму и на Тамани, защищая чужие дома?

Новицкому не давали покоя эти вопросы. Андрей был уверен, что, пока сохраняется любая возможность оставаться рядом с Новороссийском и надеяться на встречу с дорогими ему людьми, он не должен прозябать без дела. Пусть даже раненому ему найдут занятие! Андрей был готов делать что угодно, лишь бы оборона стала чуть прочнее, лишь бы русские войска продержались на занятом рубеже лишнюю минуту, лишь бы истребить как можно больше фашистов. Андрей хотел во что бы то ни стало поговорить с кем-то из старших офицеров, но как это сделать, лёжа на больничной койке, не представлял.

В дверях барака появился незнакомый капитан первого ранга. В контрасте наружного света и барачного полумрака издали были видны резко очерченные крупные черты лица, на котором выделялись острые зоркие глаза и широкая спокойная улыбка. Офицер окликнул пробежавшую мимо санитарку, коротко поговорил с ней, и она, недолго поискав глазами среди длинных рядов коек, вскинула руку и показала в сторону Андрея.

Каперанг быстрым твёрдым шагом подошёл к Новицкому, поздоровался и представился командиром Новороссийской военно-морской базы.

– Мне нужен Эндель Мэри, – сказал Холостяков.

– Это он, – Андрей кивнул в сторону спящего друга.

Георгий Никитич поставил стул между кроватями, аккуратно сел на него и осторожно потряс Мэри за плечо. Эндель открыл заспанные глаза, осмотрелся вокруг и, заметив сидящего рядом офицера, попытался собраться с мыслями.

– Здравия желаю... – проговорил он, глядя на гостя, и после короткой заминки, рассмотрев знаки различия, добавил:

– Товарищ капитан первого ранга!

– Извини, пожалуйста, что разбудил. Моя фамилия Холостяков, – представился Георгий Никитич. – Позволь на пару слов, Эндель. Можешь не вставать, я знаю, как тебе тяжело. Намечается одно очень ответственное и опасное дело. Было бы весьма желательно твоё участие в нём. Сразу скажу, это не приказ. Можешь отказаться от всего, что предложу. Никаких последствий не будет.

– Я вас слушаю, – ответил Мэри, всё же привставая на кровати.

– Ты ведь хорошо владеешь немецким языком?

– Меня иногда просили переводить на допросах пленных. Никто не жаловался.

– Предстоит кое-что более серьёзное... Нам нужно отправить нашего человека в Новороссийск, чтобы собрать информацию. Как ты думаешь, немцы могли бы принять тебя за своего?

Мэри задумался и после долгой паузы сказал:

– Мы никогда не жили в Германии. Конечно, я знаю немецкий язык, всё понимаю, могу говорить, но, боюсь, не так свободно, чтобы сойти за немца. Да и акцент сразу выдаст меня.

Теперь задумался Холостяков. Рисковать этим парнем ему очень не хотелось, но свежие сведения об обстановке в захваченном городе были нужны как воздух. Без них эффективно организовать оборону не представлялось возможным.

– Нам сейчас крайне важно разметить на штабных картах расположение немецких частей и отдельных объектов по ту линию фронта, – наконец проговорил он, словно размышляя вслух. – Это вопрос жизни и смерти. Воздушная разведка даёт общую картину, но многие детали остаются неясными. Позарез нужны «глаза» на земле. У нас здесь так мало сил, что мы не имеем права бить мимо. Цели должны быть ясно установлены. И кроме тебя послать некого. Но настаивать не буду. Дело добровольное. Решай сам!

Эндель глубоко вздохнул и ответил медленно, но убеждённо:

– Я пойду, товарищ каперанг. Сделаю, что смогу, а там будь что будет. Не вечно же нам отступать. Можно симитировать ранение в голову, чтобы мне её плотнее перевязали. Если не говорить чётко, а мычать в бинты, наверное, будет не так заметно, что я не немец.

– Что-нибудь придумаем. Симитируем, – с признательностью улыбнулся Холостяков. – Под присмотром врачей, естественно. Об этом не беспокойся. Но дальше всё будет зависеть только от тебя.

С такими словами он вынул из портфеля конверт с документами и протянул его Мэри.

– Это твоя легенда, Эндель: некий Рудольф Шнайдер. Партизаны хлопнули его недавно у Волчьих ворот. Изучи всё внимательно, пожалуйста, если сможешь. Завтра пришлю за тобой адъютанта, у меня в штабе обсудим подробнее.

– Разрешите обратиться, товарищ каперанг! – попросил Новицкий, замечая, что разговор подходит к концу.

– Да, конечно, – Холостяков повернулся к Андрею.

– Сержант Новицкий. Я новороссиец. В захваченном городе мои семья и невеста. Позвольте, если Эндель пойдёт туда, передать письмо...

– Отставить, сержант! – резко прикрикнул Холостяков. – Ты в своём уме? Какое письмо?! – он смерил Новицкого жёстким взглядом. – Любая мелочь может стоить ему жизни. А ты – письмо! Нашёл почтальона! Всё, что не относится к операции, исключить! Отправлю под трибунал собственноручно к едрёной матери! Понятно? – требовательно спросил Холостяков, обращаясь к обоим.

Они согласно кивнули.

– Разрешите другую просьбу, товарищ каперанг! – снова попросил Новицкий.

– Ну давай! – насторожённо усмехнулся Георгий Никитич. – Только без глупостей!

– Найдите мне дело, пожалуйста! Назначьте куда-нибудь, пока я не выздоровею. Не могу просто валяться на койке и бездельничать. Хочу хоть чем-то заниматься, хоть чем-то быть полезным.

– Твоё дело сейчас – быстрее поправиться и снова встать в строй, – улыбнулся Холостяков. – Ваш батальон уже совершил немало. Родина тебе и так благодарна.

– На что мне её благодарность? – неожиданно жёстко процедил сквозь зубы Новицкий. – Она же не поможет спасти родных, которые остались там... – он кивнул в сторону гор, за которыми был Новороссийск.

Георгий Никитич тревожно огляделся по сторонам, убедился, что никто, кроме них, не слышит, низко наклонился над Андреем и прошептал:

– Послушай, парень. Ты молодой, горячий. Все такими были. Но мой тебе совет: думай, прежде чем что-то ляпнуть. Тут в последнее время бродит один необычайно резвый особист. Донесут – сам не заметишь, как к стенке поставят. Осторожнее, ладно?

– Извините, каперанг, – так же тихо ответил Новицкий. – Спасибо вам. Больше не повторится.

Холостякову начинала нравиться отчаянная прямота Андрея.

– Хорошо, сержант. Давай подумаем, как с тобой быть. Умеешь что-нибудь делать?

– Недолго слесарем на заводе работал, на «Красном двигателе». Знаю всего понемногу, но освою больше, если потребуется.

– Вот и отлично. Я сейчас собираю бригаду судоремонтников, чтобы наладить для наших корабельных дел в Геленджике цеха и мастерские взамен тех, что остались в Новороссийске. Отправлю тебя туда до полного выздоровления. Тоже важная работа. На море без кораблей не повоюешь, а их у нас с каждым днём всё меньше и меньше.

– Буду ночевать у токарного станка. Не подведу вас!

– Только и ты мне услугу за услугу... – сказал Георгий Никитич, доставая из портфеля подробную карту Новороссийска и отдавая её Энделю. – Опиши, пожалуйста-

ста, на досуге нашему будущему разведчику каждую улицу и каждый дом в своём городе. Так, чтобы он ориентировался в нём лучше, чем в родном Красноярске. Ему это очень пригодится.

Когда Холостяков ушёл, Мэри спросил у Новицкого:

– Кому ты хотел написать письмо, если не секрет?

– Полине, но...

– Напиши, – заговорщически шепнул Эндель. – Захватывай с собой.

Андрей посмотрел на друга строгим неморгающим взглядом и произнёс:

– Не стоит, дружище. Действительно дурацкая затея. Забудь!

Мэри положил руку на его плечо и тихо сказал:

– Напиши, Андрей. Если не срастётся, порву, выброшу – и дело с концом. Только никому ни слова, хорошо?..

Глава VII

Низкое рассветное солнце медленно двигалось в мглистом небе над сонными горными лесами, золотя их яркий осенний наряд. Новицкий, слегка прихрамывая на ещё не полностью зажившую ногу, спускался к морю в сопровождении худого неразговорчивого парня, представившегося адъютантом Холостякова.

Каперанг выполнил своё обещание и определил Андрея в только что обустроенный в Геленджике судоремонтный цех. Испытывая удовлетворение, Новицкий старался не обращать внимания на лёгкий октябрьский дождь и надоевшую боль в голени, стреляющую при каждом шаге в промозглой осенней слякоти.

По обочинам дорог неслись мутные потоки. Ямы и рытвины заполнялись свежими лужами, на тёмной поверхности которых вскипали пузыри, предвещая долгую непогоду. Крепкие порывы ветра осыпали тяжёлыми косыми струями дождя. По запаху стылой земли, холодным каплям, ударяющим в лицо, и безрадостному виду отяжелевших, нависших ниже, чем обычно, облаков Андрей чувствовал, что ненастная черноморская осень, короткая предшественница ледяной новороссийской зимы, уверенно вступает в свои права.

«Как они там сейчас? Переживут ли зиму? – терзался он вопросами. – Фашисты наверняка выгонят людей из домов, отберут дрова и продукты, как в прошлом году. Нельзя терять ни минуты! – подгонял он себя. – Необходимо спешить! Надо работать на пределе!»

Курортная геленджикская набережная, которую Андрей в последний раз видел до войны, изменилась до неузнаваемости. Она была сплошь заставлена побитыми в боях «виллисами» и армейскими грузовиками, заполнена моряками и снующими туда-сюда солдатами. В беспокойном море напряжённо выгибались длинные волны, приятно колющие взгляд блещущими иглами солнечных лучей. Вокруг многочисленных катеров и лодок, беззлобно толкаясь крыльями и озабоченно крикая, плавали чёрные дикие утки. Большие белоснежные чайки кружили над волнами, вырывая друг у друга из клювов куски хлеба, которые бросали им с бортов смеющиеся матросы.

Мастерская была в оборудованном на скорую руку металлическом амбаре. Знакомые Андрею старые почерневшие станки, доставленные со спешно эвакуированного из Новороссийска «Красного двигателя», были уста-

новлены на новые деревянные станины, ещё светлеющие срезами свежеструганных досок.

– Здесь я тебя оставляю, – сухо проговорил немногословный парень. – Мне нужно обратно в штаб базы. Дождёшься старшего механика и поступишь к нему в подчинение. Думаю, найдёте общий язык. Он твой ровесник. Должен прийти через пару минут.

Адъютант пожал Новицкому руку и вышел на набережную, широко шагая длинными, как у журавля, ногами. Андрей долго провожал его взглядом, наблюдая через грязное замасленное стекло мастерской, как тот качает при ходьбе большой головой на тонкой шее.

Тем временем солнце, растолкав окрепшими лучами ранний утренний полумрак, оторвалось от горизонта и набрало силу. Дождь прекратился. Заметно потеплело. Море окрасилось в сочные изумрудные тона.

«Всё наладится! – подумал Андрей. – Выстоим! Обязательно!»

Железная дверь за его спиной нескладно загремела, послышались шаркающие шаги. Новицкий обернулся и ошарашенно уставился на вошедшего. Он сразу узнал это длинное, осунувшееся, плотно сложенное из острых костей лицо. Тот, в свою очередь, тоже не сводил с Андрея немигающего, до невозможности изумлённого взгляда близко расположенных к переносице глаз.

– Капустин?.. – наконец, еле сдерживая досаду, проговорил Новицкий.

Они были одноклассниками и... старыми врагами. В Капустине невероятным образом сочетались подлый мелочный нрав и хитрый изворотливый ум. Он никогда ни с кем не дружил, потому что не любил людей и избегал их, но всегда умел добиваться своего без посторонней

помощи. Единственным исключением из этого правила стала Полина Щербакова, которая очень нравилась Капустину, но её расположения он так и не добился. Тем неприятнее и досаднее для него была лёгкая и непринуждённая дружба девушки с Андреем, тем яростнее ненавидел он Новицкого и тем сильнее возбуждал в нём ответную неприязнь.

Когда началась война, Капустин выбил себе броню от завода «Красный двигатель», на котором никогда не работал, и смог уклониться от призыва на фронт. Это было последнее, что знал о нём Новицкий, уходя в свой первый десант под Одессу в жарком сентябре 1941 года. Тогда Андрей был уверен, что такой циничной пронырливости надолго не хватит и тот обязательно плохо кончит, но жизнь странным образом не спешила наказывать Капустина. Как видно, отсидевшись на «Красном двигателе» первый, самый тяжёлый, год войны, он благополучно эвакуировался из родного города и здесь, в тылу, дослужился до старшего механика.

– Да уж, не ожидал, что ещё пересечёмся по жизни... – после неловкой паузы, ядовито усмехаясь короткими обветренными губами, процедил в ответ Капустин. – Значит, ты и есть тот самый морпех, которому не ложится в госпитале? Что ж, можешь не объяснять, зачем тебе это нужно, всё равно я твоих поступков никогда не понимал. Поэтому давай сразу к делу.

Он подошёл к большому зелёному ящику, звонко открыл замок и распахнул крышку. Внутри плотно переложенный свалывшейся и пропитанной машинным маслом соломой темнел массивный длинный цилиндр.

– Это корпус торпеды, – показывая на ящик, пояснил Капустин, – а здесь, в углу, сложены головные части.

Наша задача – вытачивать на станках зажимы – образец есть вон там, – он мотнул головой в сторону стены, на которой висели несколько плохо обработанных деталей, – и с их помощью крепить головные части к корпусам торпед. Всё ясно?

Андрей понимающе кивнул.

– Только осторожней точи, мастер... – зло прошипел Капустин. – Заготовок мало дают, не попорть зря. Это тебе не окоп копать, тут мозги нужны.

– Тыловые крысы уже разбираются в рытье окопов?! – вскипел Новицкий, сжимая кулаки и подступая к зарывающемуся начальнику.

– Полегче, боец! Без глупостей! Я просто даю понять, что работа ответственная. Да, и последнее, чуть не забыл, – спохватился Капустин. – Иди сюда, покажу, как настраивается инерционный ударник.

Он подошёл к помятому столу с широкими разводами масляных пятен, смахнул на пол ворох закрученных металлических стружек и поставил перед Андреем головную часть торпеды. Быстрыми выверенными движениями чёрных от машинной копоти пальцев он разобрал механизм, вынул из него длинный стержень с пружиной и протянул Новицкому.

– Так он выглядит. Прежде чем устанавливать, нужно немного растянуть вот здесь, – Капустин взял клещи и, ухватив ими край пружины, сильно отогнул её в сторону. – Чтобы она точно не вернулась в исходное положение, можешь сделать так, – он зафиксировал ослабленную пружину двумя гайками. – Этого достаточно. Можно собирать.

– Зачем мы ослабляем взрыватель? – осторожно спросил Андрей, ожидая новую порцию самодовольных нравоучений, и не ошибся.

– Я же говорю, в нашем деле без мозгов не обойтись, – ухмыльнувшись, вновь высокомерно заявил Капустин. – Ты знаешь, когда должна взорваться торпеда? В момент удара о борт корабля?

Новицкий неуверенно пожал плечами, давая понять, что он на этот вопрос ответил бы именно так.

– Неправильно! – тут же зыкнул на него Капустин. – Торпеда должна пробить борт и взорваться внутри корабля. Тогда разрушения будут более значительными. Но пока она проломит обшивку и застрянет внутри, пройдет время. Поэтому мы замедляем инерционные ударники.

– Почему этого не делают сразу на заводе? – продолжал допытываться Андрей. – Разумно ли заниматься двойной работой в военное время?

Капустин поднял томный взгляд к неровно сбитому из нескольких металлических листов дрожащему на ветру потолку мастерской и проговорил демонстративно утомлённым тоном:

– Может, тебе и американскую тушёнку сразу открытой и разжёванной подавать? Спроси сам на заводе, если интересно. Заодно и мне расскажешь. Ну всё, на этом ликбез окончен. Давай за работу! И не забывай записывать номера собранных тобой торпед в журнал под своим именем.

В кровавом свете насыщенного черноморского заката боевая группа под командованием Холостякова выдвинулась к перевалу. Впереди, часто останавливаясь и подолгу прислушиваясь к звукам вечернего леса, осторожно шагал по узкой кабаньей тропе командир партизанского отряда «Норд-ост». Чуть поодаль, стараясь не наступать на сухие сучья, чтобы они не трещали под нога-

ми, и не шевелить низко нависавшие ветки, шли военный врач и Георгий Никитич. За ними на расстоянии тридцати шагов два краснофлотца, тяжело дыша и сопя из-за напряжения от подъёма по крутой, сильно петляющей горной тропе, тащили на носилках Энделя Мэри, одетого в грязную истрёпанную немецкую форму. К его почти зажившим ранам, полученным в боях на Балке Адамовича, добавились новые. Два часа назад в госпитале в Геленджике под присмотром медиков Эндель получил ранения в ногу и голову – имитационные, но почти неотличимые от настоящих.

Согласно легенде, он, рядовой вермахта Рудольф Шнайдер, чудом вырвавшийся из партизанской засады у Волчьих ворот, пытался пробраться обратно в Новороссийск, но наткнулся на отряд красноармейцев и попал в плен. Сегодня вечером ему удалось обмануть охранников, забрать их оружие и убежать. В результате погони и завязавшейся перестрелки убил преследователей, но сам был тяжело ранен. Не сумев добраться до города, он обессилел и остался лежать на узкой горной дороге, где его, по расчётам организаторов операции, должен подбирать отряд немецких разведчиков.

– Фрицы точно там пройдут? – в очередной раз спросил у партизана Холостяков. На сердце у него таилась тревога, хотелось быть уверенным в каждой мелочи.

– Не беспокойтесь, товарищ каперанг! – весело ответил приземистый бородатый мужичонка неопределённого возраста, одетый в рваный грязный ватник, перетянутый обшарпанным армейским ремнём. – Фашисты – они же, сами знаете, народ такой – часы сверять можно. Мы их повадки уже как свои повиучивали. В десять с четвертью вечера будут на той тропе как штык. Вот увидите...

Солнце тем временем глубоко провалилось за горизонт. По лесу расплзалась немая мгла. Молодой месяц матово бледнел скучным отблеском за лохматыми тучами. В его безжизненном свете деревья и камни потеряли привычную очерченность. По бокам тропы извивались ажурные тени корявых веток, резко врезавшихся в ночной сумрак. В низко нависшем тёмном небе холодно сверкали алмазным блеском звёзды.

Эндель не отрываясь смотрел на них, ловя себя на мысли, что только здесь, на войне, среди бесчисленных страданий, в нескончаемом потоке невероятной человеческой боли, перед лицом смерти он сумел увидеть эту простую красоту, всегда доступную глазу. Почему не замечал её раньше? Неужели в мире есть более важные дела, ради которых можно не видеть этого необъятного ночного неба, не удивляться его беспредельности, не понимать истинной сути человеческого счастья? Ведь подлинная радость не достигается победами в войнах, не приобретается вместе с богатством, не утверждается незыблемой правотой. Она существует всегда, везде и во всём – так же, как это безбрежное бархатисто-чёрное звёздное небо. Ради чего людям убивать и грабить друг друга? Зачем они пытаются отнимать у других то, что у них самих есть? Только потому, что в своей вечно беспокойной и суетливой жизни они не находят времени заметить прекрасное?

Резкий удар о камни и острые узлы древесных корней оборвал его мысли. Партизан показал, что здесь нужно остановиться, и уставшие красноармейцы, не рассчитав силы, резче чем стоило опустили носилки на землю. От неожиданной боли Мэри застонал, но оказавшийся рядом Холостяков быстро зажал ему рот ладонью.

– Извини, Эндель. Потерпи, не выдавай нас! Немного осталось... – сказал он шёпотом.

Подавив стон, Мэри судорожно кивнул забинтованной головой, и Холостяков убрал руку.

– Десять минут у нас есть, но не больше, – торопливо шепнул партизан. – Советую не копошиться...

Врач подскочил к Энделю, распахнул санитарную сумку и вытряхнул на землю инструменты. Быстрыми движениями острого скальпеля он принялся спарывать с ран заблаговременно намоченные, чтобы не присыхали к телу, бинты. Когда доктор закончил, один из бойцов протянул бутылку с заготовленной накануне кровью. Врач залил ею штанину брюк немецкой униформы Мэри в том месте, где была свежая рана в ноге, довольно обильно нанёс на светлые волосы на правом виске возле симитированного ранения в голову, испачкал остатками ладони.

– Вроде натурально, как думаете? – спросил он спутников.

– Сойдёт. Кто там в темноте будет разбирать? – бросил партизан и, внимательно к чему-то прислушавшись, добавил:

– Лучше поторопиться.

Врач начал поспешно сгребать инструменты, бинты и пустую бутылку в сумку. Красноармейцы быстро, стараясь не шуметь, переложили Энделя на землю и утащили носилки далеко в заросли леса. Партизан, приложив палец к губам, нетерпеливо замахал, давая понять, что остальным пора убираться с тропы.

Георгий Никитич бросился вслед за врачом в сторону, куда указывал партизан, но в последний момент остановился и в растерянности ощупал грудной карман своего кителя.

– Чёрт бы меня побрал! – выругался он громким шёпотом. – Удостоверение!

Холостяков круто развернулся и побежал обратно, на ходу вытаскивая из кармана немецкое удостоверение личности. Присев у распластанного на сырой холодной земле Мэри, каперанг стал расстёгивать нагрудный карман его кителя, но тот не поддавался. В это время где-то вдалеке, ниже по склону, слышались медленные шаги и зашелестели ветки деревьев. Холостяков быстро расстегнул верхние пуговицы кителя и попытался засунуть удостоверение во внутренний карман, но помешал лежащий там сложенный пополам бумажный конверт. Он вытащил его. На нём не было никаких надписей и отметок.

– Что это ещё такое, твою мать?! – гневным шёпотом спросил каперанг Энделя, тряся у него перед носом тускло белеющим в лунном свете конвертом. – Я же чётко сказал: никаких писем!

Сознаться в том, что за день до начала подготовки к операции Мэри заглянул в судоремонтную мастерскую провести Новицкого, попрощаться, заодно забрать у него письмо для Полины, было равносильно тому, чтобы собственноручно выписать лучшему другу – а может, и себе заодно – путёвку в штрафбат.

– Это я для верности написал якобы из плена вымышленное предсмертное письмо своим родителям в Берлине, – вовремя нашёлся и бойко соврал Эндель. – На немецком языке. Можете проверить.

– Нет времени проверять! – зло шепнул Холостяков, резко засовывая конверт с письмом и удостоверение во внутренний карман. – Почему заранее не предупредил? Опять эта самодеятельность, чёрт возьми! Хотя идея хорошая. Молодец!

За длинным изгибом тропы уже совсем близко треснули под ногами немцев сучья, зашелестели ветки.

– Успехов, боец! – каперанг крепко пожал руку Мэри, быстро обнял и побежал с тропы в скрытый темнотой перелесок. Из-под его сапог хрустко выскользнули ломкие пластины мергеля и, раскалываясь на части, с шуршанием покатались по крутому каменистому склону. Снизу слышалась тупая, хорошо различимая в ночном безмолвии дробь камнепада. Уверенно надвигавшиеся шаги внезапно стихли. Через несколько минут они возобновились, но по их удаляющемуся звуку было ясно, что немцы повернули назад.

Георгий Никитич с возросшим напряжением вслушивался в каждый шорох. В лихорадочном беспокойстве он крепко сжимал кулаки, отказываясь верить в провал.

Отойдя на какое-то расстояние, немцы вновь остановились, видимо, прислушиваясь и присматриваясь к ночному лесу, а затем опять начали приближаться. Однако на этот раз не по той тропе, где лежал раненый Эндель, а по другой, значительно ниже по склону.

Холостяков несколько раз крепко выругался про себя, обречённо закрыл лицо ладонями и подумал: «Ничего не получилось! Это я, неуклюжий дурак, всё испортил! Что теперь делать?» Вдруг он услышал хриплый натужный стон, отнял руки от глаз и заметил, как за чернеющими перед ним ветками Мэри, преодолевая боль, поднимается на ноги. Тяжело и нетвёрдо ступая на подкашивающуюся простреленную ногу, зажимая рукой рану на голове, Эндель сошёл с узкой дороги и без остановки, натываясь в темноте на кусты и деревья, побежал через лес вниз по склону с нарастающими хрустом и треском. Еле сдержав крик, каперанг бросился вслед за ним в чащу.

Георгий Никитич почти догнал Мэри, когда пламя выстрелов ударило в глаза и пронзительный треск автоматных очередей распорол ночной воздух. Услышав приближающийся шум, фашисты открыли в его сторону беспорядочный огонь. Пули быстро защёлкали по стволам деревьев, сбив несколько тонких веток рядом с Холостяковым. Он бросился на землю и вжался в груды опавших листьев.

На тускло освещённой месяцем тропе уже можно было различить группу тёмных силуэтов. Красными веерами разлетались от них огненные следы трассеров. Пули свистели между деревьями и в дробном клёкоте переплетающихся очередей со звоном вонзались в стволы и камни. Затылком чувствуя, как накалённый свинец с визгом сверлит воздух над головой, Георгий Никитич не переставал искать глазами Энделя, но в густой черноте ничего и никого не было видно.

Когда немцы наконец перестали стрелять, над горным лесом повисла такая оглушающая тишина, что Холостяков отчётливо слышал свои отрывистые удары сердца и затаённое дыхание. «Вот и конец! – с отчаянием подумал каперанг. – Какого чёрта он полез на рожон? Какого чёрта?!»

Впереди внезапно раздался хруст ломающихся веток, и Георгий Никитич увидел, как на тропу прямо перед фашистским разведотрядом из высоких кустов кто-то вывалился. Сделав несколько слабых шагов, человек упал на землю. Фрицы наставили на него автоматы, но тот поднял вверх руку, умоляюще замахал ею из стороны в сторону и что-то быстро заговорил по-немецки...

Глава VIII

Упав перед фашистами и громко застонав от боли, Мэри прохрипел:

– Не стреляйте! Меня зовут Рудольф. Я убежал из русского плена. Пожалуйста, помогите мне!

Немцы несколько секунд стояли неподвижно, не опуская автоматов и как будто осмысливая происходящее. Затем командир отряда коротким кивком командовал одному из них приблизиться к раненому. Остальные продолжали держать Энделя на мушке.

– Моё удостоверение здесь, – осторожно проговорил Мэри, медленно доставая из внутреннего кармана

документ и протягивая подошедшему. – Его немного залило кровью, когда меня ранили, но в нём всё видно.

– Рудольф Шнайдер, – раскрыв удостоверение и подсветив себе тусклым карманным фонариком, вполголоса прочитал солдат. – Семьдесят третья дивизия семнадцатой армии.

Командир приказал опустить оружие. Гитлеровец вернул удостоверение Энделю, и тот поспешно убрал его обратно в карман кителя. Пока несколько немцев рубили в лесу тонкие деревья и толстые ветки, чтобы соорудить перекладыны для носилок, санитар оказал Мэри первую медицинскую помощь – промыл раны водой из фляги и перевязал их. Затем фашисты соорудили из только что срубленных жердей и собственных ремней носилки, уложили на них Энделя и понесли в сторону Новороссийска.

Часто отступаясь на кривой горной тропе, командир разведотряда, шагая рядом с носилками, подробно расспрашивал Мэри, что произошло у Волчьих ворот, как ему удалось выжить и выскользнуть из засады, как он попал в плен и как сбежал. Эндель старался не углубляться в подробности, боясь оказаться уличённым в обмане из-за какой-нибудь мелочи. Обстоятельства были на его стороне. Израненный и уставший, он мог даже не приоткрываться, что ему сложно говорить, – это было и так очевидно, а бинты на голове, стягивающие подбородок, как и предполагалось, делали его речь не совсем разборчивой, скрывая русский акцент. Наконец санитар посоветовал командиру отложить допрос до тех пор, пока Рудольфа не доставят в госпиталь и не предоставят необходимое лечение.

Немцы спустились с гор со стороны Мефодиевки и отнесли Мэри в подвал одного из разрушенных авиа-

бомбами домов. Здесь командир оставил с ним высокого лопухого солдата и, приказав им обоим дожидаться медицинской машины, увёл разведотряд дальше в город.

– Возьми подкрепиться, – сказал он на прощание, бросив рядом с Энделем немецкую, с орлом и свастикой, фляжку со шнапсом и пачку галет.

Мэри благодарно кивнул замотанной бинтами головой.

Когда глаза привыкли к подвальному полумраку, он смог рассмотреть, что весь пол был завален старыми грязными одеялами, пустыми бутылками из-под шнапса и водки, рваной женской одеждой и обрывками порнографических открыток. На стене, местами забрызганной кровью, белела коряво нацарапанная фигура обнажённой девушки, курящей длинную сигарету, с косо начерченной под ней надписью «Комната удовольствий».

Энделя распирали вопросы, но по непринуждённому виду своего сопровождающего, который задремал в углу, небрежно раскинув ноги в стороны и тихо похрапывая, он понял, что для фашиста во всей этой обстановке не было ничего удивительного, а значит, любопытство Мэри могло привлечь внимание. Он опёрся о стену и попытался заснуть.

С улицы донёсся грохот приближающегося автомобиля. Коротко постреливая выхлопами и громко гудя мотором, он остановился возле входа в подвал. Лязгнув металлом, распахнулись двери кузова. Послышались торопливые стуки сапог о землю и редкие женские крики. Через несколько минут четверо фашистов втолкнули в подвал трёх русских девушек. К груди одной из них испуганно прижималась девочка лет пяти.

– Кто здесь раненый, сбежавший из плена? – весело спросил первый вошедший. – Ты, что ли? – наклонил-

ся он над Энделем, рассматривая раны. – Ну да, сразу видно. Здорово они тебя! Ладно, через полчаса поедem. Только развлечёмся немного.

Он шагнул к женщине с девочкой и попытался вырвать ребёнка из её рук. Мать отбежала к стене и отвернулась, закрывая собой дочку. Двое немцев, подойдя к ней, силой разжали её руки и, отняв девочку, бросили своему товарищу. Женщина, громко закричав, схватила с пола пустую бутылку и разбила о голову одного из фашистов. Тот застонал и осел на пол. Оставшимся в руке острым зазубренным осколком она полоснула по щеке второго – тот сразу же отпустил её, схватившись ладонями за окровавленное лицо, – и бросилась на санитаров, уже начавшего срывать с девочки платье. Фашист выхватил из кобуры парабеллум, коротко блеснувший в свете единственной тусклой лампочки под потолком, и почти в упор выстрелил в подбежавшую мать. Женщина отшатнулась, выронила осколок бутылки и упала. Лёжа на земле и глядя на дочку, прижатую фашистом к земле, прошептала, закрывая глаза: «Танюша». Девочка закричала и укусила немца за руку. Гитлеровец взвизгнул и стал отчаянно колотить её по голове рукояткой пистолета. Она разжала зубы и безжизненно распростёрлась на полу.

– Сдохла маленькая тварь, чтоб её... – с досадой прохрипел фашист и грязно выругался. – Ладно, чёрт с ней!

Он втолкнул пистолет обратно в кобуру и, свалив на пол вторую девушку, начал стаскивать с неё одежду. Другой фриц, оклемавшийся от удара, нетвёрдо встал, потёр ушибленное место и направился к третьей, самой молодой девушке.

– Что ты делаешь? – придя в себя от шока, решил вмешаться Эндель. – Она же ещё совсем девочка!

– Конечно! – усмехнулся тот. – Старух мы сожгли в сарае.

– Надеюсь, это было так же весело, как в прошлый раз? – подключился к разговору солдат из разведотряда.

– Не то слово! – рассмеялся стоящий в дверях санитар. – Они, оказывается, так смешно горят в своих вшивых ватниках и платочках. Я, кстати, успел сделать несколько снимков. Когда проявлю плёнку, напечатаю фотографии и для тебя тоже. Будет что показать дома.

Мэри притворился, что у него заболела голова, и, застонав, закрыл ладонью глаза. Конечно, он был предупреждён, с чем может столкнуться, но Эндель не был готов, что это произойдёт так сразу и будет настолько отвратительно. Он почувствовал, как распрямляется внутри него сжатая до предела пружина ненависти, нащупал напрягшимся пальцем спусковой крючок и... вспомнил последний разговор в кабинете Холостякова.

Перед Мэри светила заправленная бензином снарядная гильза, стоявшая на столе рядом с подробной картой Новороссийска и бросавшая в стороны дрожащее пламя. У другого конца стола, склонившись над картой, сидел Георгий Никитич. На его лице причудливо изгибались тени от оранжевых бликов.

– Вроде бы всё, Эндель... – устало проговорил каперанг, отодвигая в сторону подробный конспект задачи будущему разведчику. – Ты всё запомнил правильно. Теперь от тебя многое зависит. Прошу только об одном: вернись живым. Каждое твоё слово будет для нас дороже золота, потому что позволит спасти сотни и тысячи жизней.

– Я понял вас, – устало ответил Мэри. – Разрешите идти?

Холостяков внимательно посмотрел на бойца и тихо сказал:

– Позволь задержать тебя ещё на один короткий разговор, а потом пойдёшь. Уже не по карте и разведке, а так просто, чтобы ты ещё кое-что знал.

Каперанг встал из-за стола, жестом пригласил Энделя пересесть на маленький диван, находящийся в углу кабинета, и принёс к низкому столику, стоящему рядом с ним помятый медный чайник. Холостяков налил в две кружки горячий чай, аккуратно пододвинул одну к Мэри и сказал:

– Угощайся.

Эндель поблагодарил и вопросительно посмотрел на начальника базы. Тот не спешил начинать, сосредоточенно отпивая чай маленькими глотками.

– Ты знаешь, – наконец медленно выговорил Георгий Никитич, – война застала меня в Севастополе. Мы тогда только переехали в новую квартиру, и нам не успели провести телефон. Когда объявили тревогу, до нас не смогли дозвониться. Меня разбудили соседи и передали приказ срочно явиться в штаб. Я сломя голову побежал по набережной, уже догадываясь, что бегу на войну, но не имея ни малейшего представления, с кем именно. Сперва подумал – с англичанами. Оказалось, с немцами.

Холостяков отхлебнул ещё и продолжил:

– Тогда, в самом начале войны, нам казалось, что вермахт – это армия враждебного нам, но одинакового по своей культуре государства. Мы просто не понимали, кто идёт на нас и убивает наших людей. Мы наивно считали, что идут такие же люди, как и мы, просто одетые в другую форму и говорящие на другом языке. Мы думали, что они всего лишь выполняют преступный приказ,

что, как и мы, не хотят крови и разрушений, что при виде невообразимого числа жертв они всё осознают, и с ними можно будет договориться, остановить весь этот кошмар.

Георгий Никитич отпил большой глоток и тяжело вздохнул.

– К сожалению, мы очень поздно поняли, кто такие фашисты. Тебе предстоит пройти сквозь настоящий ад, Эндель. У немцев ты увидишь очень страшные вещи. Нормальные люди на такое неспособны. Сам бы я отдал полжизни, чтобы не видеть этого зверства. Фашистская орда – скопище уголовного сброда и последних ублюдков. То, что они делают, выходит за всякие пределы человеческого разума. Это неподдающаяся никакому объяснению смесь садизма, жадности и тупой скотской жестокости. Забудь всё, что ты видел на допросах. Здесь, в плену, фашисты становятся жалкими, заливаются слезами, визжат от страха и бьются в истерических припадках. Под стволами наших автоматов они скулят, как шакалы, рассказывая о своих пожилых родителях в Берлине или в Вене. Дрожащими руками трясут фотографиями жён и детей, а потом умоляют о пощаде, целуя наши сапоги. Но всё это здесь, в плену. А когда их много и перед ними безоружные люди, фашисты совсем другие – беспощадные, наглые и весьма гордые собой. Они считают себя очень культурными и просвещёнными, потому что у них есть острые бритвы и дорогие авторучки. Этими бритвами фрицы отрезают носы и уши детям и старикам, а ручками записывают их количество. И ты идёшь в самое логово этих скотов, Эндель...

Мэри внимательно посмотрел на Холостякова и тяжело вздохнул.

Каперанг продолжил:

– Они глумятся над слабыми и убивают их не потому, что видят в этом необходимость, а для удовольствия. Каждую секунду на твоих глазах будет литься кровь невинных жертв, а в ушах будут стоять их предсмертные крики. Тебе очень захочется наплевать на всё, схватить оружие и крошить без разбора этих тварей, лишь по ошибке выглядящих как люди, пока пуля не оборвёт и твою собственную жизнь.

Холостяков выдержал паузу и медленно произнёс:

– По крайней мере, так потребовала бы совесть любого разумного человека. Но если ты прислушаешься к ней, это станет твоей самой главной, очень глупой и неисправимой ошибкой, Эндель. Как бы цинично ни прозвучали для тебя мои слова, помни всегда, что там в одиночку никого из этих русских людей тебе не спасти. Их замучают и убьют в любом случае – в твоём присутствии или нет. Поэтому постоянно держи в голове свою цель. Не забывай, для чего ты там находишься, и выбрось из поступков, слов и даже мыслей всё, что не относится к поставленной задаче! Если надо, слейся с ними до неузнаваемости, растворишься в их толпе, говори и поступай, как они, чтобы даже самые последние отморозки среди этих уродов, грабителей и бандитов не заподозрили в тебе чужака. Добудь нужные сведения любой ценой и вернись живым! И когда я буду знать, куда именно бить, обещаю тебе, что ни один из этих подонков не уйдёт безнаказанным. Они все сдохнут в ещё больших страданиях, чем те замученные ими люди, которых ты увидишь на новороссийских улицах. Что бы ни творилось вокруг, всегда помни мои слова и не рискуй зря! И ещё. Верь, что мы их победим! – добавил Георгий Никитич. – Обязательно верь, Эндель...

Мэри убрал ладонь от лица, открыл глаза и увидел, как вторая девушка плюнула в лицо подошедшему фашисту и закричала:

– Как я вас всех ненавижу, паршивые твари! Даже смотреть на вас противно!

Немец наотмашь ударил её по щеке, и она беспомощно распласталась на полу.

– Если я правильно понял по-русски, – громко рассмеялся тот, вытираясь рукавом, – эта свинья не хочет меня видеть. И вы знаете, – обернулся он к остальным, вынимая из-за пояса штык-нож, – я ей в этом даже помогу.

Он всем телом навалился на девушку, прижал её руки к земле своими коленями и, продолжая смеяться, вырезал глаза.

– Должно быть, так этой сучке будет приятнее иметь со мной дело... – прохрипел он, распарывая на ней одежду окровавленным лезвием штык-ножа и расстёгивая ремень на своих брюках. – Подержи её, Ганс! – крикнул он другу, начиная насиловать отчаянно извивающуюся и кричащую под ним девушку.

Тот подошёл и наступил ей на горло. Хрипя от боли и удушья, она схватилась руками за сапог, пытаясь сдвинуть ногу. Но чем больше девушка сопротивлялась, тем сильнее давил Ганс. Она перестала двигаться и затихла. Кровь продолжала вытекать из её глазниц пульсирующими струями, заливая лицо и разметающиеся по полу светлые волосы.

Фашист замедлил движения и, удовлетворённо выдохнув, остановился. Мутным взглядом посмотрев на штык-нож, остававшийся в руке, он с размаху всадил его прямо в сердце лежавшей под ним девушки. Её тело

напряжённо выгнулось и обмякло на заваленном мусором полу.

Кряхтя и тяжело дыша, фашист сполз с трупа и, не застёгивая брюк, расслабленно развалился рядом. Он вытащил сигарету и закурил, внимательно наблюдая, как его друзья по очереди насилуют третью девушку. Та, совершенно запуганная, не сопротивлялась.

Мэри сидел, опершись спиной о стену, низко опустив голову и закрыв глаза рукой.

– Эй, ты! – вдруг окликнул его фашист, приподнимаясь на локте. – Как тебя зовут?

– Рудольф Шнайдер, – глухо ответил Эндель, исподлобья глядя на немца. – А тебя?

– А меня Вильгельм Шульц, – ответил тот после глубокой затяжки, процеживая сквозь зубы серый дым. – Я смотрю, они сильно тебя там, в горах, покромсали, а?

– Я действительно серьёзно ранен, – ответил Мэри, – и, честно говоря, ожидал, что вы отвезёте меня в госпиталь. А вместо этого вынужден сидеть здесь и смотреть на..., – он кивнул в сторону оставшейся в живых девушки, к которой начинал пристраиваться очередной немец.

– Сейчас поедem, – спокойно произнёс Вильгельм, выпуская дым через ноздри. – Просто, сам понимаешь, не каждую ночь выдаются такие моменты, когда можно вырваться из-под командирского глаза и поймать себе бабу. Ты только не думай, что я тыловая крыса и не знаю, как болят боевые раны. Месяц назад при штурме города мне самому один местный сопляк прострелил бочину из пулемёта. К сожалению, не успел досмотреть, как друзья сожгли этого ублюдка. Только неделю назад встал на ноги, и вот до полного выздоровления назначен в санитарный взвод. Надеюсь, скоро опять вернусь в строй

и продолжу истреблять этих вонючих русских свиней. Заодно отомщу и за тебя, братишка. Ох, знал бы ты, как я люблю простреливать их тупые головы и вырезать ремни из кожи их животов. Впрочем, свою невесту я, пожалуй, люблю больше.

Вильгельм вынул из кармана всё ещё спущенных брюк фотографию девушки, вскользь полюбовавшись ею, показал Энделю и сказал:

– Моя малышка Маргрет. Никак не дождусь, когда мы, наконец, дойдём до паршивой кавказской нефти и нас отпустят домой. Тогда пусть крепче держится за спинку кровати, когда я вернусь и покажу ей всё, на что способен. Не зря же мы так усердно тренируемся на русских самках... – рассмеялся он, небрежно толкая ногой мёртвую девушку, в груди которой продолжал торчать штык-нож.

Тем временем последний из немцев встал на ноги и, обращаясь к Мэри, крикнул через подвал:

– Эй, Рудольф, похоже, твоя очередь! Что сидишь?

– О нет! Спасибо! – махнул рукой Эндель. – Мне сейчас так плохо, что я бы предпочёл скорее поехать в госпиталь.

– Ну, как хочешь, – ухмыльнулся тот, вытаскивая пистолет и наставляя его в голову забившейся в угол девушки.

– Хотя нет, оставь мне её! – быстро среагировал Мэри, пытаясь выдавить такую же мерзкую улыбочку, какими фрицы обменивались друг с другом. – Только, если можно, я бы предпочёл делать это без посторонних глаз.

– А-а, салага! – рассмеялся Вильгельм, закашлявшись после долгой глубокой затяжки. – Ну ничего,

ещё немного повоюешь и поймёшь, что боевых друзей стесняться не стоит. Ладно, давай быстро! Ждём тебя у машины, – добавил он, щелчком отбрасывая искрящийся окурок.

Когда фашисты ушли, девушка безразлично взглянула на Энделя затравленным взглядом, в котором читались лишь ненависть и обречённость. Она сидела возле стены, прижимая колени к груди и руками пытаясь прикрыть наготу. Лохмотья разорванной одежды валялась вокруг.

Превозмогая боль в ранах, Мэри встал, стащил пёструю маленькую блузку с убитой матери и, подойдя к девушке, протянул ей. Та, недоверчиво взглянув на него, быстрым вороватым движением схватила блузку и завернулась в неё, растерянно натягивая короткие полы то на грудь, то на бёдра. Эндель подобрал с забрызганного кровью одеяла кусок юбки, сильно намочил его шнапсом из фляжки, оставленной ему командиром разведотряда, сел рядом и, тихонько взяв девушку за подбородок, начал осторожно протирать глубокую ссадину на её лбу. При первом прикосновении, когда спирт обжёг рану, она вздрогнула, по-прежнему не издавая ни звука и испуганно глядя на непонятного ей человека в немецкой форме. Вытерев кровь, Мэри положил возле коленей девушки фляжку со шнапсом и галеты, молча развернулся и не оглядываясь вышел из подвала...

Глава IX

Октябрьская Станичка наполнялась свежим запахом прохладной осени. На обезлюдевших улицах было слякотно и промозгло. Близкое море дышало тяжёлой влажностью. Анна Васильевна с Ваней собирали в высокой траве последние, осыпавшиеся с уже голых веток, яблоки. Продуктов в подвале с каждым днём становилось всё меньше, и эти небольшие кислые яблоки – последний подарок трудного страшного лета – кое-как выручали их. Полина развешивала свежевystиранное бельё посреди просторного двора.

Необъятно голубело утреннее незаволоченное небо. В нём стояло низкое, без лучей рассветное солнце, не

оставлявшее никаких следов на поверхности пепельно-серого моря. Прибойная волна с ласковым шумом билась в угрюмый берег, отрывисто перекатывая в пузырящейся пене круглые отполированные камни. Над водой в текучем воздухе кружились и базарно скандалили чайки. До Полины доносился их резкий, далеко слышный визг. Они подолгу висели над волнами в потоках ветра, нацеливая загнутые клювы на неосторожных рыб, на бреющем полёте выдёргивали добычу из воды и с протяжными криками гонялись друг за другом, разрывая улов прямо в воздухе. От их шумного балагана медленно отплывала, возмущённо крутя короткими тонкими шеями, стая угольно-чёрных диких уток.

Вдали со стороны города на просёлочной дороге показалась группа немецких солдат. Они шли по направлению к Мысхако, но, заметив во дворе дома Полину, свернули в виноградники и быстрым шагом пошли к Станичке.

Смеясь и шутливо переругиваясь между собой, фрицы пнули старую скрипучую калитку и вошли во двор. Их было семеро. Убедившись, что перед ними только две женщины и мальчик-подросток, немцы закинули автоматы за спины и, подойдя к Полине, окружили её со всех сторон.

Девушка попыталась выскользнуть из замкнувшегося круга, но ей не позволили. Один, схватив её за талию, попытался подтащить к себе. Полина наотмашь ударила его в лицо. Разозлённый солдат в бешенстве прошипел что-то по-немецки и схватил её за горло. Полина громко закричала, сильно ударила его коленом в пах и, оттолкнув от себя, начала отбиваться от остальных.

Анна Васильевна, наказав Ване оставаться возле яблонь, схватила с земли старые ржавые вилы и с гром-

ким воплем бросилась спасать дочь. Один из фашистов выхватил из кобуры пистолет и несколько раз выстрелил в её сторону. Пуля пробила женщине колено, и она, выронив вилы, подкошенно упала посреди двора.

– Оставьте её! Умоляю вас! – без конца кричала Анна Васильевна, корчась от боли на холодной земле, но её вопли и испуганный плач Полины лишь веселили фашистов.

Избив девушку так, что она перестала сопротивляться, немцы схватили её за волосы и поволокли в дом. Ваня, растерянно наблюдавший за всем этим из-под яблонь, выскочил в центр двора, подобрал выроненные матерью вилы и бросился вслед за гитлеровцами.

Он взбежал на крыльцо, когда фашисты уже почти затолкали Полину внутрь, и успел ткнуть длинными зубьями в спину последнего. Однако его сил не хватило, чтобы причинить серьёзный ущерб немцу. Тот, громко взыв от неожиданной боли, круто развернулся и с яростью выбил вилы из Ваниных рук. Мальчик бросился на него с кулаками, но гитлеровец сильно ударил его по голове. Ваня, потеряв равновесие, упал на четвереньки. В ту же секунду немец с размаху пнул его ногой в живот, и мальчишка, проломив старые гнилые перила, слетел с высокого крыльца. Он упал спиной прямо на высокое острое сухого пенька, и длинный деревянный зубец вылез из его груди.

Анна Васильевна, издав истошный грудной рёв, из последних сил поползла к сыну, еле волоча по земле ногу с кровоточащей раной. Ваня, выгнув тонкую шею, неотрывно смотрел на медленно приближающуюся мать и широко открывал искривлённый судорогой рот, то ли ловя воздух в пробитые лёгкие, то ли силясь закричать.

Однако вместо звука из его горла вырывались лишь пузырящиеся струи клокочущей крови, которые растекались по одежде, сбегали на землю и собирались под пеньком в широкую тёмную лужу.

Когда Анна Васильевна доползла до сына, тот был уже мёртв. Его худое тело висело на остром суку, колеблемое напорами морского ветра. В её глазах помутилось и, крепко схватившись дрожащей рукой за мягкую, ещё теплую, но уже неподвижную Ванину ногу, она почувствовала, что теряет сознание. Из распахнутых дверей дома доносились оглушительные вопли Полины, перемежающиеся громким смехом немцев.

Уходя, солдаты небрежно переступали через лежащую без чувств Анну Васильевну...

Испуганная, мертвенно бледная Полина, еле переставляя ноги, вышла из дома, придерживая на теле лохмотья разорванной одежды. Лицо было разбито, на правой щеке наливался синяк, а из рассечённых губ текла кровь. Когда девушка увидела мёртвого брата и безжизненно лежащую рядом с ним мать, от безмолвного ужаса у неё округлились глаза, и, беззвучно рыдая, она рухнула на крыльцо, зажав обеими руками онемевший рот...

Поздно вечером Анна Васильевна и Полина в тёплых свитерах неподвижно стояли у почерневшего моря, грохочущего у берега бурлящими волнами. В их опухших от слёз глазах траурно догорали красноватые лучи клонящегося к закату солнца. Последние отблески ненавистного дня растекались по камням, чернеющим после недавнего дождя. Усиливающийся ветер трепал сухие жёсткие стебли примятой осенней травы. Вокруг широких луж с мокшими в них ржавыми листья-

ми торопливо бродили взъерошенные озябшие чайки. Железистый запах земли струился набухшей сыростью в смурое небо. Немые облака тяжёлыми косматыми глыбами неспешно перекатывались над крышами опустевших домов.

Посреди двора чернела свежевыкопанная маленькая Ванина могила с перекошенным крестом, сделанным из двух связанных между собой сухих веток. Полина бессознательно тянула за шнурок на шее с подаренным Андреем кольцом, не чувствуя, как глубоко и больно он врежется в кожу, и беззвучно плакала. Нескончаемые слёзы струями прочерчивали светлые полосы на грязном от могильной земли лице.

– Пойдём в дом, дочка... – наконец попросила Анна Васильевна, тяжело разворачиваясь на затёкшей здоровой ноге и перекладывая из руки в руку самодельный костыль. – Холодает, шторм собирается.

Не слыша слов матери, Полина продолжала отрешённо смотреть в мутную сумеречную даль. Тусклая луна медленно плыла над верхушками окружавших двор деревьев, бледно серебря влажные стволы и обливая мертвенным металлическим светом морскую гладь. От её холодного свечения и затаившегося под ней моря, чёрных деревьев, тихого шелеста их листьев и угольно-тёмных толстых теней, пролёгших поперёк двора, веяло безысходностью страшного горя, и ещё явственнее осознавалась невосполнимость утраты.

– Ты одна у меня осталась, Поляночка... – произнесла Анна Васильевна, обняв дочь за плечи. – Не простынь на ветру, прошу тебя! Пойдём в дом! Надо пережить это, дочка! Мы сможем! Когда нас освободят, всё закончится. Мы с тобой дождёмся победы!

– Ты что, совсем ничего не понимаешь, мама?! – разрыдалась Полина в полный голос. – Никто нас уже не освободит! Не будет никакой победы! Немцы выиграли эту войну! Всё! Конец! Нас с тобой больше никто и никогда не защитит!

– Не говори так, дочка! Пожалуйста! – взмолилась Анна Васильевна. – У тебя есть Андрей. Он тебя очень любит. И обязательно вернётся! Дождись его!

– Андрей... – с горькой мучительной досадой прошептала Полина, поднимая к опухшим от рыданий глазам подаренное им кольцо и жадно всматриваясь в знакомые ей до миллиметра буквы. – Жив ли он ещё, тот Андрей? – грустно спросила она то ли мать, то ли себя и поцеловала кольцо разбитыми губами.

– Надо держаться, дочка, и надеяться... – задыхаясь от кома в горле, прошептала Анна Васильевна. – Что ты ещё сделаешь?..

– Что я сделаю?! – повернувшись и твёрдо посмотрев матери прямо в глаза, повторила её вопрос Полина. – Я убью их всех! – каменным шёпотом договорила она, и жгучая ненависть блеснула в её слезах.

Убедившись, что мать крепко спит, Полина осторожно, стараясь не шуметь, прошла мимо неё и, не зажигая света, на ощупь нашла и вытащила из шкафа первую попавшуюся под руку тёплую одежду. Она взяла на кухне самый большой, остро заточенный накануне нож и, спрятав его под полу своего чёрного пальто, бесшумно выскользнула из дома. В небе за редкими косматыми облаками блеснул дымчатый месяц, тускло освещая слабыми лучами перекошенный крест посреди двора. Позади необъятно чернело ночное море, напо-

миная о своём присутствии размеренным шелестом прибойной волны.

Полина полной грудью вдохнула прохладную сырость ночи и с непримиримой болью в сердце, быстро застучавшем от накатившей ненависти, посмотрела на Ванину могилу. На её глаза тут же навернулись слёзы. Полина смахнула их и, не позволяя испугу отчаянию овладеть собой, сбежала с разбитого крыльца по приглушённо скрипнувшему ступенькам. Выйдя за калитку, она решительно зашагала по узкой, едва различимой в ночи дороге, сжатой непроницаемой тьмой леса, в сторону большой казармы, которую фашисты выстроили возле Станички сразу после захвата Новороссийска.

Начинало рассветать. Меркнущий месяц, пронизывавший низкую чащу голубым ледяным блеском, постепенно растворялся в светлеющем небе. Первые тусклые лучи солнца, ещё не поднявшегося из-за горизонта, слабо багровели на востоке. Стараясь успеть до рассвета, Полина ускорила шаг, перепрыгивая широкие лужи и не обращая внимания на сильно налипающую на резиновые сапоги вязкую грязь.

За очередным поворотом деревья расступились. На высоком холме, на фоне блёклого предрассветного неба угольно чернело массивное деревянное здание. Возле него Полина различила размытый предутренней темнотой силуэт единственного часового, который бродил вдоль невысоких ворот короткими кругами. Он бесцельно пинал сапогом высокие стебли травы и скучающим взглядом смотрел по сторонам.

Собравшись с духом, Полина вышла из леса и решительно направилась к нему. Часовой сразу заметил её и сбросил с плеча автомат, но, прежде чем он

успел что-либо крикнуть, Полина подняла руки и замедлила шаг, не отрывая от него прямого заигрывающего взгляда. Стараясь как можно шире улыбнуться разбитыми и негнущимися от отвращения губами, она подошла вплотную к солдату, осторожно положила руку ему на грудь и посмотрела в глаза, загоревшиеся от предвосхищения лёгкой добычи. Немец самодовольно улыбнулся, положил на землю автомат и обнял девушку за талию обеими руками. Делая вид, что отвечает на его ласки, Полина старательно ощупала его грудь, бока, спину и талию. Убедившись, что под одеждой нет оружия, она брезгливо отодвинулась от его затёкшего слюной рта и, изобразив на лице стеснение, показала глазами в сторону леса. Фашист угодливо закивал головой и, взяв её за руку, направился к деревьям.

Когда тени предрассветных зарослей достаточно хорошо скрыли их, Полина остановилась и, вырвав у немца свою руку, начала расстёгивать пальто. Не сводя взгляда с расплывающегося в улыбке фашиста, она незаметно вытащила из-под полы нож и, словно продолжая заигрывать, набросила снятое пальто ему на голову. Едва немец, глупо рассмеявшись, стащил его, Полина со всего маху всадила нож ему под челюсть снизу вверх по самую рукоять.

Фашист впился в неё остекленевшим взглядом и мёртвой хваткой вцепился в её руку. Через несколько секунд его напряжение ослабло, и взор потух. Полина резко выдернула лезвие из горла и оттолкнула убитого. Он лишь слабо захрипел и грузно повалился на землю. Девушка не глядя переступила через него и, стяхивая с ножа кровь в мокрую осеннюю траву, быстрым шагом вышла из леса и направилась к блокпосту.

Войдя во двор казармы, Полина внимательно осмотрелась. В двадцати метрах от двери длинными рядами стояли мотоциклы, накрытые, видимо, перед вчерашним дождём брезентом. Заглянув под него, она увидела в колясках сложенные автоматы. Девушка взяла один и лёгким движением отщёлкнула магазин – он был снаряжён. Задвинув кассету на место, Полина проверила ещё несколько автоматов – все были забиты патронами под завязку. Ей довелось немного научиться обращаться с немецким оружием, когда брат Андрея Витя вернулся после побега в войска Красной Армии в Крым, привезя с собой трофейный автомат и несколько полных пакетов патронов. Она, Ваня и Витя часто играли вместе, поэтому Полина, боясь за ребят, постоянно проверяла, не заряжён ли автомат. А во время коротких походов в горы Витя несколько раз показывал ей, как правильно стрелять, и она тренировалась палить по деревьям в лесу, пока патроны не закончились.

Разобравшись с автоматами, Полина тихо обошла вокруг широкой, крепко сколоченной из свежих досок казармы. Она увидела, что входная дверь – единственная, а в продолговатые узкие оконца под крышей невозможно протиснуться взрослому человеку. Вдоль одной из стен плотными рядами стояли круглые красные канистры. Открутив несколько крышек и понюхав содержимое, Полина поняла, что в них бензин. Она облила им стены и подпёрла дверь толстым бревном, валявшимся неподалеку.

Достала из кармана зажигалку с чёрным орлом, держащим в лапах свастику, взятую у убитого часового, высекла толстым податливым колёсиком огонь и швырнула её в лужу бензина под стеной. Неистовое с яркими

оранжевыми языками пламя в несколько мгновений охватило всё здание.

Полина подошла к мотоциклам, растянула между ними брезентовые накидки, выложила из колясок несколько десятков автоматов и, передёрнув затворы на каждом, затаилась за этим укрытием.

Алый набухающий огонь тем временем неумолимо расползался по стенам, и вскоре вся казарма запылала высоким багровым пламенем. Его широкие жадные языки выскальзывали из щелей между досок и быстро ползли по массивным балкам, сталкиваясь и туго перекручиваясь между собой. Из-под крыши повалил чёрный дым, послышались испуганные крики. Плотной подпёртая дверь начала гулко содрогаться под мощными, но тщетными ударами.

Вдали на дороге блеснули горящими зрачками несколько пар автомобильных фар — это фашистский патруль, заметив пожар, на предельной скорости нёсся к казарме. Торопливо выпрыгнув на ходу из машин возле блокпоста, порядка двадцати немцев вбежали во двор и бросились к забаррикадированной двери.

Тогда же из-за брезента с автоматами в двух руках выскочила Полина и спаренной очередью расстреляла набегавших. Больше половины из них рухнули замертво, остальные разбежались по двору и залегли за первыми попавшимися укрытиями. Отшвырнув опустошённые автоматы, девушка бросилась на землю и откатилась за ближайший мотоцикл за другими. В том месте, где она только что была, десятки свистящих пуль прорвали качающийся на весу брезент. Сквозь изрешечённую ткань Полина увидела, что стреляли из-за большого деревянного ящика, и коротко полоснула по нему очередью. Не

успели вывороченные пулями щепки осыпаться на землю, как резкими огнями сверкнула ответная автоматная очередь, дробно выбившая над головой девушки тяжёлый звон по металлической мотоциклетной коляске.

Не дожидаясь, пока её прижмут к земле перекрёстным огнём, она, низко пригибаясь, перебежала на другую сторону ряда мотоциклов. Потерявшие девушку из виду фашисты предприняли ещё одну попытку освободить своих. Из горящей казармы продолжали доноситься нечеловеческие вопли, но Полина, заметив, что очередной немец подбежал к двери и пытается сдвинуть с места обуглившееся, охваченное огнём бревно, послала в его сторону прицельную очередь. Стая пуль пронеслась через весь двор, уже тускло освещённый поднимающимся солнцем, и припечатала фашиста к почерневшей от всёпожирającego огня стене, выбив из неё ворох обугленных щепок и искрящихся углей.

Поняв, что к двери им не приблизиться, немцы решили сначала убрать девушку. Придя в себя от растерянности, они, разбившись на боевые двойки, начали рассредоточиваться по прилегающей территории и, прикрывая друг друга, продвигаться к мотоциклам, между которыми, отчаянно отстреливаясь в разные стороны, металась Полина. Немецкие автоматы, опустошаясь один за другим, трещали в её руках. Тем не менее фрицы всё плотнее смыкали кольцо и ближе подбирались к ней короткими и точными перебежками. Нескончаемый свист пуль железной паутиной вис над головой Полины, не давая возможности ни подняться, ни переменить позицию.

Сквозь лохмотья брезента, продранного свинцом во многих местах, она увидела, как очередной немец подо-

брался к двери, и в торопливой неосторожности больше, чем следовало, высунулась из-за мотоцикла, сильно искореженного пулями, чтобы подстрелить его. В тот же момент из-за одиноко лежащего посреди двора камня мелькнула близкая очередь, и Полина, передёрнувшись от резкой боли, упала на землю, выронив автомат. Схватившись обеими руками за живот, она почувствовала, как под пальцами тяжело набухает кровью простреленный свитер.

Из-за мотоцикла, служившего ей укрытием, выскочили с автоматами наперевес двое немцев и, увидев распластанную среди россыпей гильз раненую девушку, направили на неё стволы. Поняв, что это конец, Полина бросила последний взгляд на полыхающую казарму, в которой ещё истошно кричали убийцы её брата. Подбежавшему к двери фашисту удалось несколькими сильными ударами ноги отбросить бревно, но в ту же секунду полыхающая кровля просела и спустя мгновение с грохотом обрушилась вниз, похоронив всех внутри под раскалёнными обломками. В небо взметнулись яркие снопы искр и серые тучи пепла. Звонко лопнули выдавленные жаром узкие стёкла, и осколки, ярко переливаясь в утренних солнечных лучах и отсветах пламени, мелкой крошкой разлетелись по двору. Strongly сгустившийся угольно-пепельный дым поднялся высокой стеной и, словно траурной завесой, окутал казарму. Намеревавшиеся застрелить Полину фашисты застыли, вытаращив глаза на обрушившееся с оглушительным треском здание, под раскалёнными руинами которого мгновенно стихли истошные голоса.

Придя в себя, немцы, брызжа слюной, почти визжа от ужаса, выругались и вновь наставили на девушку авто-

маты. Полина плотно зажмурила глаза, чтобы не видеть острых вспышек выстрелов, которые оборвут её жизнь, и услышала автоматную очередь...

Глава X

Эндедь несколько раз умылся ледяной водой и аккуратно ощупал почти затянувшуюся рану на голове. Она ещё побаливала, но уже не причиняла большого беспокойства. Сегодня утром ему сняли все бинты и пообещали через несколько дней отправить в часть. Он стоял посреди просторного госпитального туалета, уныло рассматривая себя в грязном потрескавшемся зеркале, и судорожно размышлял, что делать дальше. Решение нужно было принимать как можно скорее.

В соседней раковине с напором и шипением ударила из крана струя воды. Мэри глянул в сторону и увидел рядом с собой высокого, туго затянутого в новую форму

майора гестапо, который несколько раз громко высморкался.

– Чёрт бы подрал эту осень и вечные простуды! – охрипшим голосом выругался он и продолжил, обращаясь к Эндедю. – Лучше получить десять огнестрелов в бою, чем грипп на сквозняке. Как думаешь?

– Не думаю... – безразлично ответил Мэри. – Мне и двух ранений мало не показалось. Еле выжил.

– Ничего, – ехидно подмигнул ему фриц, – злее будешь! Ты, кстати, из какой палаты? Не знаешь, случаем, такого?.. – он торопливо похлопал себя дважды ладонью по лбу. – Как же его...

Силясь вспомнить чьё-то имя и не вспоминая его, гестаповец полез в карман, видимо, за запиской.

– Ах да! Рудольф Шнайдер... – сказал он, разворачивая её и читая неразборчивый почерк на бумажке. – Не знаешь его?

В этот момент во внутреннем дворике госпиталя отчётливо прогремели несколько выстрелов. Оба повернулись к выходящему туда окну и увидели, как двое чумазных истощённых детей – мальчик и девочка, рывшиеся в поисках отбросов в помойной яме, – один за другим упали замертво. Из-за угла, победно потрясывая пистолетом с дымящимся стволом, вышел солдат и удовлетворённо посмотрел на детские трупы. Он сплюнул возле них сквозь зубы, уселся на пенке рядом с мусоркой и закурил широкую длинную самокрутку.

Сердце Эндедя сжалось, словно стиснутое обручем. Он почувствовал, что не может справиться с нахлынувшими на него отчаянием и яростью, окатил лицо большой пригоршней ледяной воды, сухо бросил гестаповцу

«Извините, опять моя голова...», быстро шагнул в кабинку и закрыл за собой дверь.

Слышно было, как в туалет вошёл ещё один человек, и гестаповец радостно и удивлённо воскликнул:

– Ральф! Ты, что ли?.. Не могу поверить своим глазам!

– Карл?.. – пробасил тот в ответ. – Какими судьбами? Сколько лет, сколько зим! С французской кампании не виделись, если не ошибаюсь?

– Так и есть! – воскликнул гестаповец. – Пили вино с теми вертихвостками на Елисейских полях, как сейчас помню. А ранним утром меня отозвали прямо в Берлин. Не успел даже как следует с тобой попрощаться. Постой, а ты разве не должен был спасать итальяшек от англичан в Африке? Мы слышали, тебя направили к Роммелю?

– Слава богу, не сложилось. Теперь вот, как и ваша дивизия, захожу на Ближний Восток с другого фланга, – громогласно расхохотался Ральф.

– В общем, надо будет встретиться, дружище! Посидеть, выпить... Сейчас ты, наверное, занят?

– О да! Заскочил сюда на минуту провести одного дохляка по дороге в штаб дивизии. Я должен передать туда свежую карту наших позиций в Новороссийске.

Услышав эти слова, Мэри прильнул к двери кабинки и стал внимательно вслушиваться в разговор. «Холостяков, наверное, и мечтать не мог о карте, собственноручно начерченной немцами...» – подумал он.

– А что за срочность? Неужели наступаем? – воодушевлённо поинтересовался Карл.

– Чёрт его разберёт! Я бы прыгал от счастья до потолка. Может, встретили бы Новый год уже где-нибудь в Палестине. Но врать не буду. Не знаю. Лучше расскажи, как сам. Что забыл в этом убогом месте?

– Да всё по тем же делам. Надо арестовать здесь одного шпиона. Наш осведомитель в русском штабе сообщил, что некоего Рудольфа Шнайдера из 73-й дивизии новороссийские партизаны недавно убили в горах. А пару недель назад сюда был заброшен русский разведчик с его документами.

Капли пота мгновенно выступили на лбу Энделя. Выход теперь был один! Надо сейчас же убивать обоих, забирать карту и бежать. Только как это сделать ему, раненому, безоружному, одному против двоих здоровых вооружённых фашистов? Он осторожно, стараясь не греметь, сдвинул крышку с бачка унитаза, отвязал леску, соединяющую спускное устройство и сливной механизм, намотал её концы на средние пальцы обеих рук и стал ждать.

Немцы ещё немного поговорили, и Ральф, наконец, сконфуженно пробасил:

– Ладно, не будем задерживать друг друга. Надо бежать! Я, вообще, если честно, зашёл сюда по делам. – Давай! Вечером обязательно найду тебя. Увидимся!

Они, очевидно, крепко обнялись – звякнули пуговицы, скрипнули ремни новых кителей. Ральф зашёл в соседнюю с Мэри кабинку и натужно закричал. Карл ещё несколько раз высморкался и, гулко цокая, направился к выходу из туалета. Эндель быстро распахнул дверь и, выйдя из кабинки, негромко окликнул:

– Господин офицер! Вы спрашивали меня о Рудольфе Шнайdere?

– Да... – произнёс тот, обернувшись.

– Я вам так и не ответил... – проговорил Мэри, аккуратно приближаясь к нему на пару шагов.

– А тебе есть что мне сказать? – насторожённо поинтересовался немец.

– Да... – промолвил Эндель, подходя к нему ещё на несколько шагов.

– Ну, говори уже! – начал терять терпение гестаповец.

– Русский разведчик, который вам нужен, – это я... – медленно произнёс Мэри.

Глаза немца округлились, и взгляд от неожиданности застыл. Заметив, что тот опешил, Эндель молниеносным ударом локтем в центр солнечного сплетения сбил его с ног. Прежде чем тот успел восстановить дыхание и закричать, Мэри набросил ему на шею леску и, навалившись на него сверху, начал душить.

Несколько минут отчаянной борьбы на холодном мокром полу – и багровая, налившаяся кровью голова гестаповца бессильно откинулась набок, тело обмякло и застыло. В этот момент звонко стукнул крючок кабинки, и оттуда вышел Ральф. Эндель обернулся через плечо и увидел позади себя рослого, очень толстого и, по всей видимости, довольно сильного немца. Тот в свою очередь изумлённо сверлил глазами человека в госпитальной пижаме, сидящего на его мёртвом приятеле.

Смерив фашиста взглядом, Мэри понял, что ему с ним не справиться, выхватил из кобуры гестаповца пистолет и начал стрелять не целясь, как только тот кинулся на него. Четыре оглушительных выстрела отбросили Ральфа на несколько шагов назад, и он упал на одно колено. Пятым выстрелом в лоб Эндель разнёс ему голову.

Из коридора донеслись возбуждённые крики и торопливые шаги. Мэри схватил стоявшую в углу швабру и крепко запер ею дверь. Через несколько секунд в неё мощно толкнулись и яростно застучали.

– Кто стрелял? Что происходит?! Откройте! Быстро! – бешено заорали снаружи разгорячённые голоса.

Эндель стал судорожно стаскивать с задущенного гестаповца форму, стараясь не обращать внимания на оглушительные удары, от которых сыпалась штукатурка и трескали старые деревянные панели. Прежде чем персоналу госпиталя удалось высадить дверь и ворваться внутрь туалета, Мэри успел сгрести в охапку снятую одежду и обувь, подобрать портфель Ральфа с картой и молниеносно выпрыгнуть в окно.

Он упал на покатую крышу металлического гаража, скатился с неё в высокие кусты, растущие вдоль задней стены здания, и скрывааемый ими заполз в заброшенный незапертый подвал. Там Эндель сорвал с себя госпитальную пижаму, быстро надел гестаповскую форму, которая оказалась ему немного велика, и спрятал за пазуху вытасченную из потрёпанного портфеля новенькую, аккуратно и подробно начерченную военную карту. Затем он оторвал от внутренней полы пижамной рубашки пришитое к ней письмо Андрея Полине, которое ни на минуту не рисковал оставлять без присмотра, и, сунув его в карман, вышел на улицу.

Беспокойно озираясь по сторонам, Мэри быстро зашагал через внутренний дворик госпиталя. На краю мусорной ямы он остановился и ещё раз с горечью в сердце посмотрел на застреленных детей. «Как же прав был Холостяков! – подумал Эндель. – Действительно, схватить бы сейчас автомат и крошить без разбора всех этих ублюдков, пока...»

– Это я их замочил... – проскрипел за его спиной хриплый прокуренный голос.

Мэри обернулся и увидел перед собой того самого солдата, который полчаса назад вошёл в этот дворик, потрясывая пистолетом. Из его рта по-прежнему торчала широкая длинная самокрутка. Она была из немецкой газеты. На ней ещё прочитывались мелкие жирные буквы: «8 сентября 1942 года Новороссийск пал...».

– Издалека стрелял и прямо в яблочко! – похвастался фашист, глубоко затягиваясь. Быстро скользнувшие по самокрутке раскалённые угольки жадно сглотнули слова «Новороссийск пал...».

С дурацким смешком, вытаращив ничего не выражающие глаза с красными прожилками на белках, он распустил по ветру шлейф дыма, и Эндель ясно почувствовал в нём приторно-терпкий запах марихуаны.

– А вы, наверное, от Брунса? – осторожно поинтересовался немец.

Мэри воровато осмотрелся в грязном, заваленном нечистотами дворике. Было очевидно, что без лишней надобности в это гадкое место никто не забредает. Поэтому утвердительно ответить на вопрос фрица показалось ему единственным способом объяснить своё нахождение здесь, чтобы не вызывать лишних подозрений – вдвойне ненужных в его и так осложнившимся положении.

– Ну конечно! – ответил Эндель. – От кого же ещё?

– Тогда как и договаривались... – полушёпотом проговорил немец, протягивая ему бумажный пакет, который он достал из-за спины.

– Спасибо... – произнёс Мэри и, торопливо пихнув пакет под мышку, быстро зашагал прочь в расчёте скорее избавиться от случайного, очень некстати подвернувшегося собеседника.

– Господин офицер! – окликнул его солдат.

– Что-то ещё? – как можно мягче и медленнее спросил Эндель, лениво оборачиваясь и натужно улыбаясь, чтобы скрыть волнение и спешку.

– Ну да... – растерянно посмотрел на него солдат. – Десять марок. Вы же не заплатили.

Мэри постоял несколько секунд, внимательно разглядывая немца, как будто что-то вспоминая, и затем, пытаясь выиграть время на размышления, стал медленно разворачивать пакет. Оказалось, что он доверху набит сухой мелко рубленной травой буро-зелёного цвета. Поняв, что перед ним обычный наркоторговец, который не представляет серьёзной опасности, Эндель швырнул пакет с анашой обратно ему в руки и сказал:

– На самом деле я не знаю никакого Брунса. И мне это не нужно.

Не дожидаясь, пока опешивший немец ещё что-нибудь спросит, он резко развернулся и вышел из подворотни на оживлённую улицу. Фасады домов были сплошь побиты пулями и осколками. От высоких деревьев остались лишь обугленные и расколотые пеньки. Дорога и тротуары были завалены раскрошенными кирпичами и битыми стёклами. Мимо него, тяжело грохоча, проползли несколько грузовиков со снарядами, часто уставленные вдоль бортов длинными ветками для маскировки. Навстречу ему проехали три легковые машины, буксировавшие на прицепах лёгкие гаубицы. Солдаты в длинном строю, неожиданно вышедшие из-за угла старинного здания, обложенного до второго этажа дырявыми мешками с песком, при встрече с ним вскинули руки в нацистском приветствии.

Пропустив строй мимо себя, Мэри отошёл в сторону и остановился за деревом в тени руин высокого разру-

шенного авиабомбой здания. Он сосредоточенно осматривался, приглядываясь к подробностям бурлящей вокруг него жизни немецкого гарнизона. Она была совершенно незнакома и чужда ему, а Эндель в форме офицера гестапо привлекал к себе внимание.

«Надо бы быстрее избавиться от этой одежды, — судорожно размышлял он, тут же вспоминая про оставленного во внутреннем двореке госпиталя торговца наркотиками. — Как раз то что нужно! Разве кто-то может быть незаметнее рядовых солдат, которые сотнями бродят по этим улицам?»

Походив несколько минут кругами, Мэри неспешным шагом направился обратно в подворотню. Солдат по-прежнему сидел на пеньке возле помойки, плевал от безделья на землю и время от времени окидывал скучающим взглядом обшарпанные стены. Увидев вернувшегося гестаповца, он заметно напрягся и испуганно уставился на него.

Эндель на ходу подхватил с земли массивный кусок толстой металлической трубы и направился прямо в его сторону. Солдат быстро вскочил с пенька и, трусливо пятясь назад, то жалостно выставя вперёд руки, то отчаянно прижимая их к груди, дрожащим, срывающимся от испуга голосом залепетал:

— Я вам всё объясню, господин офицер. Это Брунс! Он нас заставляет. Что могу сделать? Я больше не буду. Поверьте мне, пожалуйста! Ни сам курить, ни другим продавать. Никогда!

Заметив, что гестаповец не обращает на его слова ни малейшего внимания, но уже замахивается, солдат развернулся и со всех ног побежал прочь. Мэри швырнул кусок трубы ему в ноги, тот споткнулся и падая ударил-

ся головой об угол гаража. Усевшись на земле и стирая с лица дрожащими руками стекающую со лба кровь, он не переставал повторять:

— Это было последний раз, господин офицер. Пожалуйста! Я выдам вам их всех. Обещаю! Перечислю поименно. Пальцем покажу каждого, кто продаёт, если хотите.

Подобрав с земли кусок трубы, Эндель с размаху ударил фрица в висок зазубренным концом. Солдат рухнул на землю, и из глубокой раны, тяжело пульсируя, поползла ярко-красная струя. Мэри быстро перетащил тело и чуть опустил его головой в помойную яму, пока растекающееся с виска багровое пятно не дошло до воротника, и принялся стаскивать с фашиста форму.

Переодевшись, Эндель толкнул труп в мусорку, выбросил туда же вещи гестаповца, аккуратно спрятал под кителем, заткнув за ремень, сложенную карту вместе с письмом Андрея, повесил на шею новенький, ещё пахнущий заводским маслом, автомат наркоторговца и вновь вышел на улицу.

Там царило заметное оживление. Центральный вход в здание госпиталя был оцеплен. Несколько сотрудников гестапо проверяли документы у проходивших мимо людей. Мэри, как можно сильнее надвинув на лоб пилотку и стараясь не проявлять спешки, двинулся по заваленной обугленными кирпичами улице прочь от госпиталя.

Прямо перед ним, плотно прижавшись к тротуару и с визгом чавкнув тормозами, остановился недавно покрашенный в яркий светло-песочный цвет «кюбельваген» командира 73-й дивизии Альфреда Шэффера. Оберст проворно выскочил из машины и, раздавая на

ходу указания, быстрым шагом двинулся к госпиталю. Попадавшие ему на пути бодро вскидывали руки в нацистском приветствии. Занятый своим делом, он проходил мимо, не обращая на них никакого внимания, продолжая активно жестикулировать и громко переговариваться с подчинёнными. Было заметно, что Шэффер в высшей степени раздражён и требует от офицеров скорейшего исполнения приказов. Однако, скользнув беглым взглядом по Энделю, вскинувшему перед ним, как и другие, руку с возгласом «Хайль Гитлер!», он остановился, пристально посмотрел на его мятую, грязную, явно не по росту форму и, не произнося ни слова, двинулся к нему. Подчинённые тоже замерли на месте и начали внимательно глядеть в сторону Мэри. Когда Шэфферу оставалось до застывшего Энделя несколько шагов, между ними неожиданно выросла фигура молодого подтянутого лейтенанта. Он коротко козырнул, и, не дожидаясь разрешения, заговорил:

– Русский шпион обнаружил себя полчаса назад в этом госпитале, господин оберст. Информация нашего осведомителя в русском штабе полностью подтвердилась. Им оказался тот, кто выдавал себя за Рудольфа Шнайдера, погибшего чуть больше месяца назад в засаде в горах. В настоящее время ему удалось скрыться, переодевшись в форму убитого им майора гестапо, который должен был его арестовать. Отданы приказы...

– Майора гестапо, говоришь? – требовательно переспросил Шэффер, не сводя взгляда с Мэри.

– Так точно, господин оберст! Он задушил его леской в туалете, забрал одежду и, переодевшись в неё, выпрыгнул в окно.

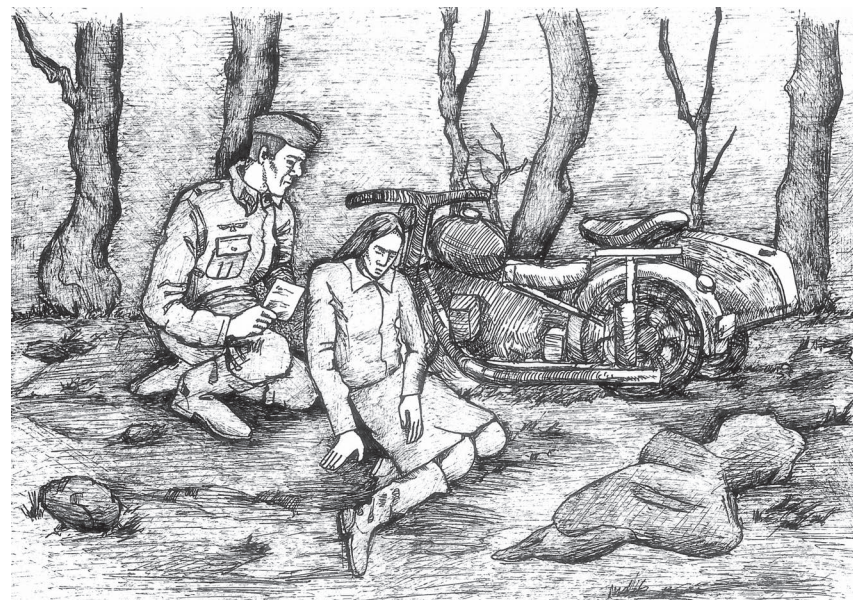
– Понятно... – озадаченно проговорил Шэффер, явно теряя интерес к странному рядовому. – Прилегающую к госпиталю территорию немедленно оцепить! Обшарить каждый угол и каждый подвал! – крикнул он через плечо адъютанту. – Всех майоров гестапо проверить поимённо! Сейчас же! Выполнять! Спустя час жду подробного доклада! – грозно рявкнул Шэффер и, бросив последний настороженный взгляд в сторону привлёкшего его внимание рядового, пошёл обратно к машине.

Едва «кюбельваген», выпустив чёрный шлейф выхлопного дыма, скрылся за поворотом, а офицеры принялись раздавать указания солдатам, Эндель, воспользовавшись начавшейся суматохой, незаметно скользнул в ближайший проулок и зашагал прочь от госпиталя. Он не имел представления, как выбираться из города, но было очевидно, что пытаться и дальше выдавать себя за немца бессмысленно. «Надо где-то затаиться до темноты и ночью уходить к своим...» – решил Мэри.

Перетасовывая в голове возможные варианты, он вспомнил, как Андрей рассказывал ему о небольшом густом перелеске, отделяющем Новороссийск от Станицки. В нём они часто гуляли с Полиной. Это было самое близкое место, в котором Эндель мог укрыться до наступления вечера. «Кто знает, может, и письмо заодно передам...» – подумал он, уверенно поворачивая в сторону западного пригорода.

Стараясь не выходить на большие улицы, Мэри побрёл узкими грязными переулками и опустевшими дворами, с ужасом изумляясь изощрённому садизму фашистов. Эндель в растерянности застыл перед разорванными на части трупами, тщетно стараясь понять и не понимая, зачем нацисты использовали настолько

зверские приёмы расправы над безоружными людьми – ничем им не угрожавшими ранеными пленными, стариками, женщинами и детьми. Широко распахнутыми глазами он скользил по виселицам с раскачиваемыми на них напористым норд-остом телами. Отовсюду веяло липким запахом смерти...

Глава XI

Эндель проснулся от холода в небольшом густом перелеске между Новороссийском и Станичкой, где спрятался накануне вечером, чтобы переждать поднятую среди немцев суматоху и найти возможность, когда всё уляжется, выбраться на восточный берег Цемесской бухты.

Тёмная черноморская ночь неторопливо клонилась к рассвету. Огромная осенняя луна ледяным шаром скатывалась к неразличимому во мраке горизонту. Её спокойный свет, просачиваясь сквозь промозглый воздух, стекал по стволам и веткам деревьев неживыми озябшими бликами. В неохватном ночном небе чуть замет-

но шевелились подсвеченные изнутри слабым лунным сиянием низкие серебристые облака. В их прорехах хрустальным ледяным светом горели звёзды.

Мэри встал на ноги, откашлялся и лениво размялся, разогреваясь и стряхивая с себя налипшие листья. Осторожно ступая по мягкой земле и раздвигая ветки стволом автомата, он вышел из леса. Лунный свет прокладывал по морской глади широкую мерцающую полосу.

Вдали рвано темнели плоскими зубцами крыши невысоких домов.

«Это Станичка... – догадался Эндель. – Там должны быть люди, которые помогут мне. Похоже, судьбе угодно, чтобы письмо Андрея нашло адресата».

Усмехнувшись своей и его удачливости, он быстрыми шагами вышел на кривую грунтовую дорогу.

Станичка оказалась пуста и безжизненна. Дворы были завалены мусором и брошенными в суматохе вещами. Перечёркнутые крест-накрест приколоченными досками двери и окна безмолвно свидетельствовали, что большинство жителей оставили свои дома.

Мэри разочарованно плёлся по тёмным улицам, пока наконец не заметил слабый свет в окне отдалённо стоящего дома. Он стал осторожно пробираться к нему во мраке по обочине улицы, опасаясь натолкнуться там на очередной фашистский притон. Однако по мере приближения его опасения развеивались – оттуда не доносилось никаких звуков, и вокруг не было немецких машин.

Эндель тихонько отворил хлипкую калитку и вошёл во двор, в середине которого была свежая могила с перекошенным крестом. Широкие деревянные ступени вели на крыльцо со сломанными перилами. В сумерках желтел тусклым светом прямоугольник распахнутой двери.

Мэри поднялся по скрипнувшим ступеням и, громко постучав в дверной косяк, вошёл в дом.

На полу, отложив в сторону самодельный деревянный костыль, перед несколькими потемневшими от времени иконами, расставленными на сломанной тумбочке, сидела и горячо молилась средних лет женщина. Высокое пламя толстой парафиновой свечи часто вздрагивало от дуновения из-за её прерывистого сбивчивого шёпота. Дочитав молитву, женщина обернулась и посмотрела на Энделя мертвенным взглядом, полным равнодушия и безысходного отчаяния.

– Доброй ночи... – поздоровался Мэри прерывающимся от напряжения голосом и, чувствуя неуместность и несвоевременность своего прихода в этот, очевидно, наполненный глубоким горем дом, растерялся от пустого взгляда женщины, уставленного прямо на него. Однако, понимая, что ничего другого в его ситуации ждать не приходится, он вошёл в комнату, снял с шеи автомат и положил его на поцарапанный стол, покрытый, как ему показалось, широкими разводами вьёвшейся крови.

– Извините меня, пожалуйста, за ночное беспокойство... – неуверенно продолжил Эндель. – Это же Станичка? Я ищу живущую здесь Полину Щербакову. Может, вы знаете...

– Зачем она тебе? – неожиданно зашевелилась и резко перебила его женщина, впиваясь в него широко распахнутыми глазами с горячечным блеском.

– У меня к ней дело, – коротко ответил Мэри, решив, что углубляться в подробности излишне.

Женщина громко застонала. Из её груди вырвались тяжёлые сдавленные рыдания, сквозь которые почти нечленораздельно слышалось:

– Ах, и тебе до неё есть дело, фашистский выродок?!

Прежде чем Эндель успел понять, что происходит, она схватила в одну руку костыль, в другую – непонятно откуда взявшиеся вилы и, судорожно хромая, с неожиданной быстротой бросилась на него. Мэри инстинктивно уклонился от направленных в его лицо вил и отскочил в сторону.

– Ты что творишь, мать?! – заорал он. – Я же свой. По-русски с тобой говорю, не слышишь?

Словно не понимая, женщина схватила положенный на стол автомат и вскинула его к плечу. С размаху швырнув стул, оказавшийся под рукой, Эндель сшиб её на пол. Отрывисто гроыхнувший автомат выпал из рук женщины. Шальные пули разбили стёкла и несколько тарелок в шкафу. Мэри бросился вперёд, подхватил автомат с пола и, нацелив его на распластанную около стола женщину, прохрипел:

– Без глупостей, мамаша! Пристрелю к чёрту! Мне просто нужна девушка, которую я ищу, – Полина Щербаква. Знаешь её?

Он полез под китель за ремень, чтобы достать письмо. Воспользовавшись этим, женщина, поднявшись с пола и снова схватив вилы, набросилась на него. Пятясь назад, Эндель отбил автоматом несколько ударов, но, неожиданно споткнувшись обо что-то в темноте, упал на спину.

– Письмо ей от Андрея! – крикнул он, протягивая вперёд вытасченный из-за ремня помятый конверт.

Сверкнувшие в падающем из распахнутого окна лунном свете длинные железные зубья застыли в сантиметре от его горла. Женщина отбросила вилы, упала, выронив из руки костыль, на пол рядом с Мэри и, закрыв лицо ладонями, разрыдалась:

– Знать бы самой, где Полина! Вчера вечером, как Ваню похоронили, сказала, что убьёт их всех, и ночью ушла...

Продолжая горько плакать, женщина рассказала, что произошло накануне. Эндель насуплено слушал, отказываясь верить в то, что опоздал всего на несколько часов. Мэри вкратце объяснил, кто он, почему оказался в Новороссийске, как ему удалось сбежать из немецкого госпиталя, добыв карту, которую во что бы то ни стало надо доставить командиру, и зачем, наконец, он пришёл в Станичку.

После долгой паузы Эндель отрешённо, но твёрдо сказал:

– Я постараюсь найти вашу дочь. Продолжайте молить бога, чтобы она не успела уйти далеко...

Оставив неподвижно сидевшую на полу женщину, Мэри взял автомат и вышел на улицу в мокрое осеннее утро. Чистый воздух прохладной синью расплывался над светлеющей гладью Цемесской бухты. Ранний туман стекал в неё кипенно-молочными потоками с рваных срезов Маркотхского хребта.

Новороссийск скрывался вдали за перелеском, приютившим Энделя на ночь. Мэри хорошо понимал, какой опасности подвергает себя, возвращаясь в город, но долг дружбы перед Андреем и осознание того, как много эта девушка значит в жизни его друга, не позволяли ему уйти, не попробовав спасти её.

Конечно, можно попытаться сбежать к своим прямо сейчас, но что он ответит Андрею, вернувшись в Геленджик? «Да, я нашёл их дом, дружище, но письмо не передал, потому что Полина ушла мстить немцам за убийство

брата, и я, решив, что её всё равно не спасти, сбежал оттуда, спасая собственную шкуру...»

«Нет, чёрт возьми! – Эндель крепко сжал кулаки и вышел на петляющую через перелесок дорогу. – Сделаю что смогу!»

В осветлившемся утренней бирюзой небе погасли последние звёзды, и первые солнечные лучи, робко выглянувшие из-за горизонта, потекли на озябшие деревья. Стихающий ветер отрывал и сонно волочил поперёк дороги опавшие листья, местами вдавленные в раскисшую землю сапогами и мотоциклетными шинами.

«Это плохо... – подумал Мэри. – Похоже, здесь часто проезжают немцы».

Едва он так подумал, за его спиной затарахтел мотор, и зачихали выхлопные газы. Эндель оглянулся и увидел приближавшийся немецкий мотоцикл с коляской. За рулём, занимая почти всё сиденье и грузно покачиваясь на ухабах, сидел полнотелый мотоциклист, который, заведя одиноко бредущего солдата, приветливо помахал ему рукой и с крутым пижонским пируэтом, громко скрипнув тормозами, остановился возле него. Румяный ефрейтор кивнул на свободную коляску и спросил:

– Откуда бредёшь в такую рань, дружище? Подвезти?

Мэри, быстро рассудив, что ситуация подсказывает согласиться, весело ответил, запрыгивая в коляску и падая на холодное кожаное сиденье:

– Конечно! Был бы очень тебе благодарен!

– Курт, – протянув большую ладонь, представился немец.

– Вильгельм, – пожимая его тёплую руку, назвал себя Эндель.

– Только ты извини, далеко подвезти не смогу... – громко сказал Курт, перекрикивая тарахтение мотора. – У нас тут казарма недалеко. Я туда еду.

– Ничего страшного! – ответил Мэри. – До казармы тоже достаточно. Оттуда я сам дойду. Только не гони так быстро... – попросил он, пытаясь выиграть время на размышления о том, что делать дальше. – Недавно спина зажила после ранения, при тряске болит ещё.

Мотоциклист сбавил скорость. Несколько минут ехали молча, потом Курт осторожно поинтересовался:

– Я ведь правильно понимаю, что ты не немец?

Эндель насторожился, как бы невзначай положил ладонь на рукоять автомата и, нащупав пальцем спусковой крючок, вопросительно посмотрел на фашиста.

– И зовут тебя не Вильгельм, правда?

– Как же моё имя, по-твоему? – с трудом сделав глобальное движение, чтобы протолкнуть комок в пересохшем горле, произнёс Мэри.

– Меня, например, на самом деле зовут не Курт... – вполголоса заговорщически пробурчал немец.

– А как? – с опаской спросил Эндель.

– Райво, – ответил мотоциклист и, чуть помедлив, задал вопрос:

– Ты же тоже эстонец, не так ли?

От нахлынувшего облегчения Мэри расхохотался и размашисто похлопал земляка по плечу.

– Да... Моё настоящее имя Эндель! – сказал он по-эстонски, почти перекрикивая торжествующего Райво.

– А я на тебя смотрю и думаю: точно свой. Никогда в жизни не ошибался. Как будто чувствую. Верить или нет? Откуда сам?

– Из Таллина, – смиряя ликование, ответил Мэри, ни разу в жизни не бывавший в Эстонии.

– О, столичная штучка! – подтрунил над ним Райво. – У меня в Таллине родственники есть, в Мустамяэ. А ты из какого района?

– У нас квартира в Старом городе... – уже менее уверенно назвал Эндель единственный известный ему район Таллина и поймал на себе пристальный взгляд Райво, у которого от удивления ещё больше округлились глаза.

– Ого! Так ты не из простых, я смотрю.

– Да брось! – быстро перебил Мэри, понимая, что известные ему факты о малой родине на этом и закончились, поэтому дальше поддерживать разговор, не вызывая подозрений, он не сможет.

– А ты сам откуда? – спросил он.

– Из Хаапсалу.

– А, Хаапсалу... – как можно непринуждённое подхватил Эндель. – Я бывал там пару раз... – уверенно соврал он. – Большой у вас город, красивый.

– Большой? – удивлённо покосился на него Райво. – Скажешь ещё.

– Нет, ну, не Таллин, конечно, – попытался исправить положение Мэри, проклиная себя за неудачно вставленное слово.

– Да уж, конечно... – буркнул Райво и, похоже, хотел добавить ещё что-то, но в это время из-за редящих на окраине леса деревьев до них отчётливо донеслись отрывистые взвизги пуль.

– Что за чёрт? – насторожённо проговорил он. – Неужели возле нашей казармы стреляют?

– Ускорься, земляк! – подогнал его Эндель, догадываясь, что происходит. – Там точно требуется наша помощь.

Мотоцикл громко взревел захлёбывающимся мотором и, быстро набирая скорость, ещё сильнее закачался на ухабах. С заносом на крутом повороте они выскочили из леса к высокому холму, на котором охваченная жадными всполохами огня и полностью затянутая дымом полыхала немецкая казарма. Возле неё плотно сплелись и расплетались автоматные очереди, изредка пробиваемые трескучими пистолетными выстрелами.

– Партизаны, чёрт бы их подрал! – по-прежнему по-эстонски выкрикнул Райво и выругался по-немецки.

– Останови здесь! – закричал Мэри, заметив лежащую на обочине дороги увесистую палку, которой можно было оглушить мотоциклиста.

Едва Райво начал сбрасывать скорость, Эндель, увидев чуть дальше по пути другую жердь бо́льшего размера и показывая на неё пальцем, крикнул:

– Давай не здесь! Лучше вон там!

Не дожидаясь полной остановки, Мэри выпрыгнул из коляски, схватил с земли тяжёлую промокшую ветку и, быстро подскочив к мотоциклисту, со всего размаху стукнул его по затылку. Жердь переломилась пополам, разбрызгивая в стороны гнилые щепки. Оглушённый ударом, Райво рухнул на землю. Потерявший управление, но ещё не до конца остановившийся мотоцикл съехал на обочину и опрокинулся в кювет.

Эндель со всех ног бросился к казарме, на ходу передёргивая затвор автомата. Издалека он увидел, как девушка в тёмном свитере высунулась из-за служивших ей укрытием мотоциклов, чтобы подстрелить немца, приблизившегося к двери горящего здания, но упала на спину, зажимая обеими руками рану на животе, корчась в судорогах. Два фрица быстро обежали обтянутые бре-

зентом мотоциклы, чтобы добить её, но их отвлѣк оглушительный треск обрушившейся крыши. Мэри увидел, как в утреннее небо мощно взметнулся густой чѣрный дым, подкрашенный вытолкнутым из раскалённого нутра казармы огненным смерчем. К этому времени он был уже достаточно близко для прицельных выстрелов по двум солдатам, вновь наставившим автоматы на девушку. Пробитые пулями насквозь, фрицы упали возле неё. Остальные, видимо, решив, что она смогла удержать в руках оружие, с остервенением обрушили на её укрытие шквал огня. Раскалённый ливень в очередной раз захлестал по рваному металлу, и громкое рикошетное щёлканье разнеслось далеко по округе.

Обессилевшая от боли девушка перекатилась на живот и вжалась грудью в дрожащую землю. Вырванные пулями комки травы и грязи плотно взметались вокруг неё и сыпались на спину. Переждав пока пульсирующие автоматные трассы поредеют, она быстрым движением дотянулась до автомата, выпавшего из рук одного из убитых, и коротко огрызнулась в сторону атакующих. Увидев взбежавшего на холм Энделя, девушка тяжело перевернулась на бок и дала длинную очередь в его сторону. Уворачиваясь от пуль, Мэри кувыркнулся за раскидистую акацию. Уперев локоть в землю и хорошо прицелившись, чтобы только припугнуть, он нажал на спусковой крючок, но затвор сухо щёлкнул и замер без патрона. Выругавшись, Эндель вскочил и прижался спиной к дереву, не обращая внимания на острые колючки, впившиеся сквозь китель в спину. Полина (у него уже не было сомнений, что это она) тем временем отбросила автомат с расстрелянным магазином, подобрала другой и выпустила в сторону Мэри ещё одну очередь. Пули

бешено задолбили в ствол – Эндель почувствовал, как мощно и неистово тот дрожит за его спиной.

– Прикрой меня! – закричал он маячившему за высокими железными ящиками немцу. – Она за вторым мотоциклом!

Солдат всадил в этот мотоцикл продолжительную очередь, заставив девушку опять вжаться в землю. Воспользовавшись паузой, Мэри выскочил из-за дерева и перебежал за ящики.

– Спасибо, друг! – крикнул он спасителю. – Патроны закончились.

– Бери мой пистолет! – проорал в ответ немец. – Беги и снимай её! Я тебя прикрою. Она раненая, уже никуда не уползёт.

Он бросил в руки Энделю старый потёртый люгер и, выпуская в сторону Полины длинную очередь, громко прокричал, не оборачиваясь:

– Давай, пошёл! Я держу её!

Мэри бегло осмотрелся по сторонам и, убедившись, что их никто не видит, выстрелил немцу в голову.

В этот момент с другого конца двора, высекая длинные искры из камней на земле, по укрытию Полины застрочил ещё один фриц и во всю прыть понёсся к мотоциклам. Эндель, подобрав автомат застреленного им немца, поймал бегущего в прицел и, подпустив поближе, точным одиночным выстрелом убил его.

Некоторое время он просидел за ящиками, высматривая оставшихся немцев и ожидая, что они будут делать. Пытаясь понять, что происходит, Мэри, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь, несколько раз переменял позицию, пока из-за очередного укрытия не заметил одного фрица, залёгшего за большим пологим

камнем. Встретившись с Энделем взглядом, тот с яростью заорал:

– Пора валить эту суку! Мы с тобой последние остались. Пошли на неё одновременно! Накроем из двух стволов, не дадим высунуться!

– Мы только вдвоём остались? Точно? – уточнил Мэри.

– Куда уж точнее! – перемежая слова ругательствами, проревел немец. – Эта паршивая тварь всех наших перестреляла.

Желая поберечь боезапас в автомате, Эндель вытащил из кармана люгер, проверил, сколько патронов осталось, и, вставив магазин обратно, всадил оставшиеся три пули в последнего фрица.

После этого он вышел из-за укрытия и, взяв на мушку мотоцикл, за которым должна была лежать Полина, осторожным медленным шагом двинулся к нему. Мэри обогнул ряд искорёженных свинцом машин и за одной из них увидел девушку. Она сидела, привалившись спиной к простреленному навывлет спущенному колесу и плотно прижав руки к животу. Её бледное до мраморной белизны, испачканное грязью и забрызганное кровью лицо было обезображено гримасой страдания.

Увидев приближающегося человека в немецкой форме, Полина оторвалась от колеса и, сдавленно постанывая, поползла к валявшемуся в траве пистолету. Угадав её намерения, Эндель коротко взрыхлил перед ней землю быстрой очередью, не позволяя приблизиться к оружию. Девушка зажмурилась от ударившей в лицо земли, но едва она улеглась, вновь попыталась схватить пистолет. Мэри снова отпугнул её.

Отгоняя Полину от пистолета короткими очередями, Мэри начал быстро приближаться к девушке, но, когда до неё осталось не больше десяти шагов, затвор глухо клацнул, и автомат замолк. Заметив, что у него закончились патроны, Полина быстрым движением схватила пистолет, наставила его прямо в Энделя и несколько раз выстрелила. Колкие вспышки обжигающими искрами больно толкнулись в его резко сузившиеся от досады зрачки...

Глава XII

Мэри обернулся, услышав за спиной kloкочущий хрип. Позади него с простреленным и плотно зажатым ладонью горлом, вытаращив остекленевшие глаза, стоял Райво. По дрожащим пальцам растекались широкие струи крови. Другая рука с выставленным вперёд и нацеленным в спину Энделя автоматом медленно опускалась. Выронив оружие, Райво опрокинулся назад и рухнул на землю.

– Спасибо тебе... – с трудом собирая последние силы, еле слышно прошептала Полина.

И с робкой надеждой спросила:

– Ты ведь понимаешь по-русски?

– Конечно! Не двигайся, я помогу тебе... – торопливо заговорил Мэри, сдёргивая остатки брезента с наиболее уцелевшего мотоцикла. – Сейчас отвезу тебя домой. Мать там уже дождалась.

Он бережно поднял вскрикнувшую от боли девушку и осторожно усадил в коляску.

– Это от Андрея... – произнёс он и протянул ей письмо.

Полина с изумлением взглянула на Энделя и слабым движением руки, не веря до конца, взяла конверт. Непослушными пальцами, пачкая бумагу кровью, она достала из него криво оторванный лист бумаги и вцепилась взглядом в неровные заплетающиеся строчки, написанные химическим карандашом.

Мэри подобрал с забрызганной кровью травы несколько заряженных автоматов и, бросив их на колени Полине, вскочил на сиденье. Мотоцикл отрывисто взревел мотором, размашисто качнулся на ухабах и, стремительно ускоряясь, скатился с холма...

Когда Эндель, тяжело скрипнув тормозами, влетел на промокший от холодной утренней росы двор, Полина голова низко свешивалась через край коляски. Её обескровленное лицо стало землистого оттенка и угловато заострилось. Лежавшая на коленях рука по-прежнему сжимала письмо...

Стоявшая на крыльце Анна Васильевна, издали увидев приближавшийся мотоцикл и рассмотрев в коляске свою дочь, громко постанывая от боли в ноге, начала спускаться вниз. Едва Мэри остановился, она отшвырнула в сторону костыль и припала к телу дочери, крепко прижав к груди её голову с растрепавшимися на ветру волосами.

Эндель, с трудом выдавливая из себя каждое слово, тихо сказал: «Простите меня, я не успел», забрал с Полиных коленей автоматы и, спрыгнув с мотоцикла, ушёл в дальний угол двора. Он сидел на холодной земле, до рези в глазах глядя на беспокойное ярко-серое осеннее море, пока за его спиной, низко склонившись над телом, громко рыдала Анна Васильевна.

К вечеру во дворе рядом с Ваниной могилой Мэри выкопал ещё одну. Он аккуратно уложил завернутое в простыню тело в неглубокую, наспех вырытую яму и терпеливо ожидал в стороне, пока мать попрощается с погибшей дочерью. Письмо Андрея так и осталось в руке Полины. Анна Васильевна не тронула его. Она только сняла с шеи дочери толстый белый шнурок, на котором было небольшое медное колечко, и протянула его Энделю.

– Отдай своему другу... – попросила она. – Полина очень любила Андрея. Пусть знает, что это кольцо всегда было на ней с того момента, как он ей его подарил, до последнего её вздоха.

Анна Васильевна бережно вложила кольцо в руку Мэри и отошла в сторону, давая понять, что попрощалась с дочерью. Он повесил шнурок с кольцом себе на шею, чтобы не потерять, и принялся засыпать могилу. Ошеломлённый случившимся, Эндель механически швырял мокрые крупные комья земли в яму, не глядя в неё, боясь подумать, как мучительно врежется в его память эта картина: скрывающееся под рыхлым грунтом завернутое в простынь тело девушки, которую он не успел спасти...

Разгорячённый своим скорбным трудом и потерявшийся в грустных мыслях, Мэри не сразу почувствовал, что Анна Васильевна нетерпеливо хлопает его по плечу.

Эндель с трудом отвлёкся – могила была уже почти засыпана, поднял глаза и увидел группу немцев, быстро приближающуюся по дороге со стороны города.

– Этого ещё не хватало! – с раздражением буркнул он, окинул двор быстрым взглядом, ища привезённые автоматы и с удивлением обнаруживая один из них в руке Анны Васильевны.

– Уходи, сынок... – прошептала она стальным голосом. – Я их задержу, насколько смогу.

– Как же вы?... – глядя на неё остановившимся взором, спросил Мэри. – Они же вас...

– Спасайся сам! Быстро! – прикрикнула на него Полинина мать и с отчаянием толкнула его в грудь стволом автомата. – Неси карту своему командиру!

Понимая, что он оставляет Анну Васильевну на верную гибель, но осознавая правоту её слов, Эндель швырнул лопату на землю, схватил брошенный рядом китель со сложенной картой во внутреннем кармане и побежал прочь. Сзади раздалась резкая немецкая речь, и фашисты, уже почти подошедшие к дому, заметив убегающего, бросились вслед за ним.

Тишину обезлюдевшего посёлка разбила длинная автоматная очередь. Мэри на бегу оглянулся и краем глаза увидел, как, тяжело опершись на костыль, Анна Васильевна неумело стреляла по его преследователям. Ствол неуклюже зажатого в её руках автомата при каждом выстреле непослушно задирался кверху и плясал в воздухе. Застигнутые врасплох немцы были вынуждены прекратить преследование и укрыться. Завязалась перестрелка, но уже через пару минут Анна Васильевна, выронив автомат, упала посреди двора с простреленной грудью.

Эндель, поняв, что от погони ему не уйти, скатился по отвесному склону к морю, бросился в остро обжёгшую холодом воду и, отчаянно молотя руками и ногами, поплыл прочь от берега. Фрицы заметили его в волнах издалека и на ходу начали стрелять по уплывающему. Вокруг Мэри, жадно и часто чавкая в воде, зашлёпали пули — напрягшееся от сковывающего озноба тело ощутило несколько колких ударов. Но быстро плывя на другую сторону Цемесской бухты, Эндель с тревожным облегчением чувствовал, что с каждым гребком автоматные очереди за его спиной стучат всё реже, тише становится удаляющаяся ругань раздосадованных немцев...

Командующий войсками 17-й армии вермахта генерал-полковник Рихард Руофф, глубоко задумавшись, стоял над широкой — во весь стол — картой Кавказа, густо испещрённой синими и красными пометками. От неровных, изоцёрённо загнутых овалов, близко прижатых друг к другу штрихованных линий, треугольных и квадратных флажков, длинных и коротких стрелок, проведённых по суше и по морю, уже давно рябило в глазах, но немецкий военачальник не решался ни на минуту прервать ход своих мыслей. Запутанная головоломка, которую задали ему русские, не поддавалась решению. Он уже давно должен был с триумфом ворваться в Азербайджан или Чечню, чтобы расстелить эту местами насквозь протёртую жёсткой армейской стирательной резинкой карту в своём наспех обустроенном кабинете в каком-нибудь просторном особняке в центре шумящего восточными базарами Баку или в чеченской крепости среди высоких гор седого Кавказа. Вместо этого Руофф второй месяц топчется на

месте в крошечном, захолустном, уже почти полностью стёртом боями с лица земли приморском городке.

Устав от бесплодных размышлений, он небрежно стрёб с карты лакированные деревянные фигурки танков, кораблей и самолётов, расставленные по замысловатой, уже не всегда понятной даже ему самому системе, и раздражённо швырнул их в ящик дубового письменного стола. Раньше Рихард Руофф редко пользовался ими.

Боевой генерал с почти сорокалетним стажем, поступивший на военную службу рядовым ещё в Германской империи задолго до начала Первой мировой войны, он обладал острым интуитивным чутьём, никогда не подводившим его. С первого взгляда на любую позицию Руофф безошибочно определял важные детали, обычно скрытые от неискушённого человека, и быстро принимал расчётливое эффективное решение. Новороссийск стал первым городом, дерзко не посчитавшимся с его военным гением. «Всё развалилось в ту злополучную ночь с 8 на 9 сентября, когда мы не смогли выйти на Сухумское шоссе... — тяжело вздыхая, вспоминал он. — С тех пор как в стенку упёрлись».

Всё ещё перебирая в голове возможные варианты отвлекающих и лобовых ударов по русской обороне, Рихард встал с лёгкого походного кресла, которое неизменно возил с собой со времён Французской кампании 1940 года, и подошёл к раскрытому настежь окну. В лицо повеяло свежим воздухом и душистой вечерней прохладой припозднившегося бабьего лета. Сияющее пронзительной чистотой неохватное небо высокой хрустальной синевой нависало над обугленными руинами Новороссийска и редкими уцелевшими деревьями, покрытыми слегка порывшейся, увядшей, но ещё не осыпавшейся

осенней листвой. Заходящее солнце неяркими отблесками отражалось в тщательно вымытых оконных стёклах старинного купеческого дома, где была оборудована резиденция. Во дворе стояла хрупкая прозрачная тишина. Лишь где-то далеко на востоке, на противоположном берегу Цемесской бухты едва уловимо в медленно сгущавшейся предвечерней мгле доносились разрывы орудий и трассирующие пулёмётные очереди. Немцы продолжали упрямо ломиться через Балку Адамовича, но по-прежнему не продвигались ни на шаг...

В массивную дверь осторожно постучали.

– Войдите! – не оборачиваясь, крикнул через плечо генерал-полковник.

Оберст Альфред Шэффер, командир 73-й дивизии, нешироко открыв дверь, робко шагнул в кабинет, снял фуражку и, бледнея, застыл на пороге.

– Хайль Гитлер! – неуверенно вскрикнул он, и вздрогнувшая на взмахе рука затем бессильно повисла вдоль напряжённого тела, облачённого в чёрный кожаный плащ.

– Разрешите доложить? – надломленным, жалким, противным даже самому себе голосом спросил Шэффер.

Генерал-полковник неспешно повернулся на каблуках и уставился на оберста исподлобья жёстким и колющим взглядом.

– Зачем? – в холодном бешенстве спросил он. – Мне уже обо всём доложили задолго до вас.

Шэффер пошатнулся и, пробормотав что-то невнятное, робко и обессиленно опустился на стул, стоящий около двери.

– Встать! – приказал Руофф. – Кто разрешал вам садиться?!

– Извините, господин генерал-полковник... – вскакивая на дрожащие ноги и ещё больше бледнея от растерянности, прошептал Альфред.

Командующий раздражённо сжал кулаки и с размаху ударил ими по столу. Он сделал глубокий вдох, пытаясь совладать с собой, и, будто аккуратно взвешивая каждое слово, проговорил:

– Объясните мне, оберст, как можно две недели поддерживать в госпитале раненого русского шпиона и затем, вместо того чтобы арестовать, отпустить его на все четыре стороны с секретной картой в руках?

– По всей видимости, он был серьёзно подготовлен, господин генерал-полковник... – заикаясь затараторил Шэффер. – Вероятно, узнал о своём аресте именно в этот день, кто-то предупредил его...

– Допустим! – резко перебил Руофф. – Тогда почему была убита единственная знавшая его русская свидетельница? И каким образом партизаны с его помощью заживо сожгли в казарме целую роту? Мать твою, оберст! Роту! Как?! – неистово проорал он багровея.

Шэффер беззащитно смотрел на взбешённого генерал-полковника вытаращенными от испуга глазами и часто моргал.

– Сейчас выясняются детали всех инцидентов. Я доложу вам, как только будут результаты. По предварительной информации, имели место непрофессионализм и недисциплинированность личного состава, господин генерал-полковник, – почти шёпотом закончил он.

– Почему-то я не удивлён услышать это, когда речь заходит о вверенной вам дивизии... – горько усмехнувшись, проговорил Руофф.

И, немного помолчав, продолжил:

– Знаете, оберст, если бы вы не были настолько безнадёжным недоумком, каким я всегда вас знал, можно было бы всерьёз подумать, что вы русский агент, и расстрелять бы к чёртовой матери. Вас спасает только то, что на вашем лице написано, что вы клинический идиот и полное ничтожество.

– А я всегда знал вас как человека, не склонного опускаться до личных оскорблений, господин генерал-полковник... – несмело попытался возразить Альфред.

– До тех пор, пока судьба не свела меня с вами, я знал себя таким же! – ядовито усмехнулся Руофф в ответ. – Пожалуй, мне действительно не стоило нянчиться с вами, а разжаловать в рядовые ко всем чертям ещё тогда, когда при штурме этого города вы блистали чудесами военного профессионализма. Помните, а, Шэффер, как вы героически в течение нескольких часов осаждали разрушенную башню с одним-единственным малолетним сопляком внутри, который положил половину взвода из вверенного вам в то время полка и дал возможность ускользнуть в Геленджик одному русскому транспорту, доверху набитому людьми, оружием и боеприпасами? Не теми ли самыми, оберст, которыми русские отбросили нас у цементных заводов на Балке Адамовича, не позволив выйти на Сухумское шоссе?

Шэффер почувствовал, что командующий приближается к самой болезненной для него теме, и, не желая ещё сильнее распалять его гнев ненужными сейчас оправданиями, промолчал.

– Тогда, после взятия Новороссийска, мы, конечно, сильно преувеличили наши успехи, – продолжал, немного успокаиваясь, Руофф. – Путь на Кавказ казался открытым, Берлин ликовал, многие из нас были представлены

к высоким наградам. Поэтому в той эйфории не хотелось вспоминать о неудачах и докладывать высшему начальству о проблемах. Надеюсь, вы не забыли, как и почему я принял решение доверить командование полком вашему смышленому подчинённому Хайнцу Краузе, а вас формально повысил до командира дивизии?

– Как это можно забыть? – тяжело вздохнул Альфред. – После продвижения на восток вы хотели оставить мою дивизию в тылу, а потом и вовсе расформировать под каким-нибудь предлогом. Такое повышение едва ли лучше оскорбления.

Генерал-полковник глубоко вздохнул и заговорил тише:

– Кто тогда мог подумать, что за всё это время мы не продвинемся ни на дюйм дальше Новороссийска? Зачем я, старый дурак, наивно надеялся, что хоть здесь-то вы не облажаетесь, Шэффер? В конце концов, можно просто стоять на месте без таких чудовищных, ничем не оправданных потерь, арестовать вражеского шпиона, о котором нам так подробно доложил мой осведомитель в штабе русских. Никогда не прощу вам этой халатности, оберст! Слышите? Никогда!

– Я не снимаю с себя ответственности, господин генерал-полковник... – виновато промямлил тот, явно начиная потеть в своём плаще, но не решаясь расстегнуть даже верхнюю пуговицу без позволения командующего. – Обстоятельства неудачно наслоились друг на друга, ситуация вышла из-под контроля...

– Перестаньте уже, наконец, молоть чепуху – вскипел Руофф. – Вы предлагаете мне спросить за бездарно погибшую роту с обстоятельств? Или подождать, пока эти обстоятельства вернут подробную карту наших пози-

ций, по которым, окажись она в руках русских, можно будет прицельно долбить и с суши, и с моря?

– Безусловно, вы обязаны спросить с меня, господин генерал-полковник... – обречённо проговорил Шэффер, с трудом ворочая одеревеневшим языком. – Обещаю, что приму любое ваше решение. Напишу рапорт, какой скажете.

Руофф окинул его безразличным взглядом и медленно отошёл к окну, за которым всё плотнее сгущалась серая мгла приближающейся черноморской ночи. Убегающие к морю обугленные руины города всё сильнее сливались с маревыми потёмками позднего вечера и уже были почти неразличимы под дымно-лиловыми полосами закатных облаков. Командующий долго стоял перед распахнутым окном, словно рассматривая в сгущающейся темноте гигантскую громаду остановленных в Новороссийске немецких войск, которые он победно провёл сюда через всю Европу.

Оберсту уже начало казаться, что Руофф и вовсе забыл о его присутствии, когда генерал-полковник наконец медленно повернулся и, тяжело вздохнув, уселся за широкий дубовый стол с расстеленной на нём картой. Он включил электрическую лампу, и кабинет залило ярким рассеянным светом, нежно пробивающимся сквозь широкий светлого оттенка охры абажур. Предугадывая возобновление неприятного разговора, Шэффер почувствовал к Руоффу жгучую неприязнь, сродни той, что испытывал во время служебного визита в лагерь Майданек под польским городом Люблином, где жена тамошнего коменданта Карла Отто Коха Ильза навязчиво демонстрировала ему поделки из кожи заключённых евреев. «Точь-в-

точь такого же гадкого цвета, как этот абажур», – с омерзением вспомнил он.

– Скажите, оберст, у вас есть мечта? – как будто успокоившись и больше не держа зла, неожиданно заинтересовался генерал-полковник.

– Да, конечно... – неуверенно ответил тот и, встретив вопросительный взгляд командующего, договорил:

– Боюсь, она не очень оригинальна для воюющего человека – вернуться домой, на родину, к своей семье. А дальше я пока не загадываю.

– Не очень амбициозно, – усмехнулся Руофф, – но мечта – это личное дело каждого, конечно же. Тут мои приказы бессильны. Что ж, позвольте и мне открыться вам. У меня тоже есть мечта. В отличие от вашей, она весьма предметна и выглядит вот так... – командующий протянул оберсту листовку.

Это были условия представления к награждению Рыцарским крестом Железного креста с золотыми дубовыми листьями, мечами и бриллиантами – высшим военным орденом Третьего рейха. Шэффер внимательно изучил бумагу и, возвращая её, произнёс:

– Я считаю, вы давно заслужили эту награду. Буду очень рад, если получите её, господин генерал-полковник.

– Основанием для этого будут захват мной всего черноморского побережья Советов и выход к кавказским нефтепромыслам. Таким образом, именно я здесь, а не Паулюс в Сталинграде поставлю Россию на колени. Мой осведомитель передаёт нам очень подробные сведения о планах русских. Всё говорит о том, что их возможности уже на исходе. Они понимают, что рано или поздно мы полностью перемелем их, поэтому хотят огрызнуть-

ся под конец. Из последних сил русские готовят большой десант, чтобы создать западнее Новороссийска ещё один очаг сопротивления. Рассчитывают, что мы не сможем продвинуться дальше, не уничтожив такую занозу. С точки зрения военной науки, это, конечно, правильно. В конце концов, должны же они были хоть чему-то у нас научиться за полтора года войны. Когда окончательные планы русских будут утверждены, мой человек передаст их нам. Мы разобьём к чертям весь этот десант, собранный по жалким крупницам из последних резервов, и тогда посмотрим, чем они будут восполнять потери на Балке Адамовича, – злорадно усмехнулся после своей пространной речи Руофф.

– Не сомневаюсь, что Рыцарский крест уже ваш, господин генерал-полковник... – натужно улыбаясь, сказал Альфред.

– Я бы тоже в этом не сомневался, оберст, – печально вздохнув, проговорил командующий, отрешённо глядя мимо него, – если бы не одна проблема.

– Какая?

– Вы, Шэффер. Вы... – с грустью произнёс Руофф и покачал головой. – Видите ли, я хочу обставить всё красиво, чтобы комар носа не подточил. Кстати, через несколько минут сюда прибудет мой врач. Я попросил его взять у меня немного крови, которой я, согласно древней тевтонской традиции, напишу торжественную клятву фюреру, что очень скоро русское сопротивление в районе Новороссийска будет сломлено и уже в начале следующего года Третий рейх будет иметь общую границу с нашими турецкими союзниками на Кавказе. Это и будет моим прозрачным намёком на высшую награду. Но я очень сомневаюсь, что моя написанная кро-

вью клятва будет достойно смотреться в одном пакете с вашими отчётами о нелепой гибели целой роты и краже секретной карты русским лазутчиком в подконтрольной мне дивизии.

Повисла долгая пауза.

– А теперь собственно то, ради чего я вас вызвал... – сказал Руофф. – Давайте сделаем так. Начиная с сегодняшнего дня вы сдаёте фактическое управление 73-й дивизией другому человеку. Формально продолжите командовать ею до конца года, а затем я назначу вас своим адъютантом. Выждем время, чтобы не порождать в спешке ненужных слухов. Пусть для остальных последние инциденты и ваше переназначение будут никак не связанными событиями!

– Если честно, господин генерал-полковник, это ваше предложение мало чем отличается от предыдущего. Я до сих пор жалею, что согласился тогда, потому что всё время терплю насмешки со стороны некоторых коллег. Боюсь, на сей раз ни моя офицерская честь, ни моё человеческое достоинство не позволят принять это.

– Мне глубоко плевать на вашу честь и достоинство, Шэффер, – жёстко процедил Руофф, – потому что они не повязываются на мою шею на ленте красного цвета, с белой и черной полосами по краям и не дают мне доступа в высшее военное сословие Германии. Не думаете, что иметь немного расторопности было бы для вас полезнее чести и достоинства? В общем, либо вы подчинитесь моей воле, либо я спрошу с вас за всё по самым жёстким законам военного времени. И уж поверьте, если мне не придётся играть роль командующего образцово-показательной армией, мои руки в отношении таких безответственных разгильдяев, как вы, будут развязаны настоль-

ко, что и ваша мечта тоже может не осуществиться. Я достаточно ясно выражаюсь?

– Предельно ясно, господин генерал-полковник! Сделаю всё, как вы хотите!

– И, наконец, самое важное. Вы уничтожите любые документы, свидетельствующие о гибели роты и пропаже карты. Сожгите и вымарайте из журналов всё, что хоть косвенно указывает на эти происшествия. Ничто не должно выдать нас. Потом, во время очередного наступления, спишем на боевые потери.

– Позвольте уточнить, господин генерал-полковник... – растерянно начал Шэффер. – Каким образом я могу отдать приказ о передислокации другого подразделения на то место, если не будет никаких документов, подтверждающих отсутствие там прежнего?

– Не надо ничего передислоцировать, оберст! Пусть и по письменным документам, и по факту всё остаётся на своих местах! Или больше не остаётся благодаря вашей безалаберности.

– Это была рота противодесантной обороны, господин генерал-полковник. Она держала достаточно крупный отрезок береговой линии в районе посёлка Станичка. Вы предлагаете оставить его открытым?

– Почему нет? – удивился командующий. – Берег в этом районе пологий и плоский, неплохо просматривается со всех сторон, естественных укрытий не имеет. Десантироваться на него, если, конечно, не зная, что он не защищён, – полное безумие. Русские генералы и адмиралы всё-таки не настолько безграмотны, чтобы решиться на такое. Поэтому неразглашение сведений о наших проблемах в этом месте, – пожалуй, даже более эффективное средство противодесантной обороны, чем

сборище сонных ротозеев, позволивших спалить себя заживо. К тому же, если русские что-то задумают, я узнаю об этом немедленно. Мой агент работает очень хорошо. У нас будет достаточно времени отреагировать.

– Понял вас, господин генерал-полковник. Но как мне рассылать похоронки? Мы же не можем не известить родственников?

– Никто не собирается скрывать эти потери вечно, Шэффер. Сначала – Рыцарский крест, потом – всё остальное. Поверьте, осталось недолго.

В дверь постучали.

– Войдите! – громко сказал Руофф.

В кабинет вошёл невысокий пожилой доктор в белом халате с толстой кожаной сумкой под мышкой.

– Похоже, мы с вами всё обсудили, оберст? – повышая интонацию, заключил командующий, закатывая левый рукав.

– Разрешите идти, господин генерал-полковник? – спросил Шэффер, пропуская мимо себя доктора.

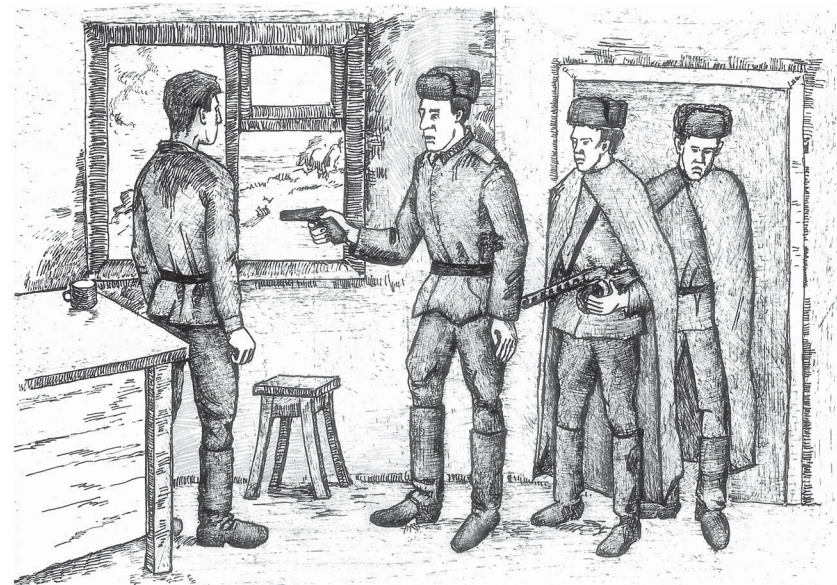
– Конечно. Не задерживаю! – сказал Руофф, освобождая от канцелярских принадлежностей край стола, на который врач положил сумку и начал извлекать медицинские инструменты.

– Только захватите с собой вот это... – словно спохватившись напоследок, добавил генерал-полковник, доставая из ящика стола потёртую кожаную папку с крупной, рельефно выдавленной свастикой в лапах орла на обложке и протягивая её оберсту. – Здесь последние сообщения от нашего русского друга. Раз уж вы теперь без пяти минут мой новый адъютант, попрошу вас передать их в штаб армии. Пусть проанализируют и представят мне свои соображения к завтрашнему вечеру!

– Мне самому организовать их перевод с русского языка или это сделают в штабе, господин генерал-полковник? – спросил Шэффер, с лёгкой неприязнью наблюдая, как доктор перетягивает жгутом руку командующего и готовит иглу.

– В этом нет необходимости... – снисходительно улыбнулся Руофф. – Он говорит и пишет по-немецки лучше нас с вами.

Словно не доверяя его словам, оберст несмело приоткрыл папку и быстро пробежал глазами по аккуратно вложенным в неё бумагам. Сжав от удивления губы, он попрощался с командующим коротким наклоном головы и, небрежно набросив на затылок фуражку, вышел из кабинета...

Глава XIII

Тусклая темнота пасмурного осеннего вечера быстро вползала в Геленджик. Косматое нежаркое солнце бессиленно проваливалось из холодной синевы неба в почерневшее море. Сквозь грязное окно каморки, наскоро приделанной к стене судоремонтного цеха, Новицкий видел, как, будто ввинченный в низкие тучи, мутно-алый диск воспалённо мерцал сквозь них, становясь то тусклее, то ярче, в клубящейся мгле, просвечивая их рассеянными лучами. Красные полосы стремительно догорающего заката слоились в прорехах фиолетовых облаков. Пенистые волны возбуждённо накатывали на галечный берег и с тонким хрустом тёрли друг о друга остывшие камни.

Смертельно устав за долгий рабочий день, Андрей безразлично потягивал из помятой жестяной кружки кипяток и, не отрывая взгляда, смотрел на запад. Залитая латунным светом поверхность воды упруго выгибалась под холодным солнцем длинными угловатыми буграми. Отсюда не был виден Новороссийск, но он знал, что его город лежит сразу за этими золотистыми россыпями октябрьского леса, густо покрывавшими нависающие над Геленджиком горы. Новицкий не отрываясь смотрел на алые клочковатые перья тающих вечерних облаков – такие же, что таяли сейчас и над Станичкой, над тем домом, где больше года назад он простился с Полиной...

Лёгкий дождь набегаящими порывами шелестел по металлической крыше, стучал по мутному, в кривых петляющих потёках оконцу. Было видно, как на берегу моря одиноко дрожали тонкие ветки полуголых влажных кустов и напористый ветер настырно рябил быстро разрастающиеся лужи, в которых мокли мелкие кизилые листья.

За стеклом метнулись несколько неясных теней, и в шаткую дверь настойчиво постучали. Андрей спешно допил последние глотки горячей воды и снял дверной крючок. Каморку наполнили свежесть дождя и йодистая влажность морского ветра. Из широко растворённой двери шагнул сухощавый и узкоплечий капитан. На его изрядно промокшем, щеголевато перетянутом ремнём плаще стального цвета были видны новые полевые погоны. Следом за ним мешковато ввалились двое солдат в намокших плащ-палатках, из-под которых торчали направленные вперёд, словно они шли в атаку, стволы автоматов.

Капитан, деланно нахмутив огромные белёсые брови, вопрошающим взглядом обвёл обиталище слесаря ремонтного цеха, немного выждал, видимо, о чём-то размышляя, и громко спросил:

– Сержант Новицкий? Так ваша фамилия?

Только сейчас Андрей заметил в руке капитана матово блестящий парабеллум.

– Так точно! – оторопев от удивления и невольно округляя глаза, проговорил Новицкий. – В чём дело?

– Вы арестованы. Сдайте оружие, если оно у вас есть, и следуйте за мной... – процедил капитан тусклым и безразличным, словно выцветшим от многократного повторения, голосом.

В потухающем свете дня его заострённые скулы казались ещё более злыми и жёсткими.

Исхудавшее лицо Андрея покрылось меловой бледностью. Прямые брови сдвинулись над сузившимися и остро вперившимися в нежданных гостей тёмно-ореховыми глазами. Чёрные, давно не стриженные, невымытые и нечёсанные волосы, прилипшие от пота к наморщенному лбу и вискам, слегка шевелились от пронизывавшего сквозняка. Он перебирал в тяжёлой от изнурительной работы и постоянного недосыпа голове разные варианты и не понимал, в чём дело.

– Я не могу долго ждать, сержант... – напомнил о себе капитан, для верности подойдя почти вплотную к Новицкому и ткнув его пистолетом в грудь. – У меня приказ.

Неторопливым жестом он протянул руку ладонью вверх. Андрей плавными, нарочито медленными движениями, не желая осложнять и без того непонятную ему ситуацию, достал из-под рваного матраца финский нож,

много раз выручавший его, и, взяв за блестящее, остро заточенное лезвие, спокойно протянул вперёд костяной рукояткой капитану. Тот небрежно схватил финку, отдал одному из стоявших позади солдат и скомандовал:

– А теперь собирайтесь! Я провожу вас к полковнику Бурову.

После этих слов он подбросил парабеллум и, удобнее перехватив его, деловито втолкнул в кобуру. Новицкий смерил капитана полным отвращения взглядом – обычно так, по его наблюдениям, обращались с оружием немцы – и принялся натягивать на себя грязную потную, недавно снятую робу.

– Если у вас есть плащ, накиньте его. Там дождь... – подчёркнуто равнодушно добавил капитан.

Андрей лишь развёл руками, давая понять, что эта роба – единственная одежда, которая у него есть, и вышел за порог вместе с конвоем. Он молча шагал вслед за поскальзывающимся на мокрой глине капитаном, напряжённо вслушиваясь в звенящую тишину чёрного леса, слабый шелест капель по мокрым листьям и чавкающий топот сапог идущих позади него солдат. Короткие струи дождя, быстро смывавшие с ненастной хмари свинцового неба последний багровый отсвет заката, хлестали по лицу, не охлаждая головы, кипящей от растерянности и непонимания происходящего...

Его привели в штаб Новороссийской военно-морской базы и, широко отворив массивную, тяжело скрипнувшую дверь, втолкнули стволами автоматов внутрь. Просторное помещение было наполнено душной сыростью и запахом горячего железа – с наступлением осенних холодов топить здесь стали чаще. Под потолком тускло мерцали аккумуляторные лампочки, в пляшущем

свете которых были видны многочисленные офицеры, сидящие вокруг стола Холостякова с напряжёнными и сосредоточенными лицами.

Обветренное крупное, с покатым морщинистым лбом лицо каперанга было обеспокоено. При виде вошедшего под конвоем Новицкого губы Георгия Никитича изогнулись в слабом подобии улыбки. Жестом Холостяков показал, чтобы арестованного посадили на стул у стены и, дождавшись, пока капитан и оба солдата усядутся рядом, обратился к сидевшему напротив него Бурову:

– Теперь, похоже, все в сборе, как вы и хотели, товарищ полковник. Продолжайте, мы внимательно слушаем.

– Итак, как я уже сказал, – сипло откашлявшись, заговорил Буров, – решением штаба Новороссийской военно-морской базы на десять часов утра сегодня в акватории Геленджикской бухты были назначены учения с целью отработки манёвров и стрельб. Боевой катер «Ленинец» принял на борт десять торпед, собранных в судоремонтной мастерской старшего механика Капустина и временно помогающего ему сержанта морской пехоты Новицкого. Ввиду непозволительно слабой для военного времени боевой подготовки находящийся в подчинении каперанга Холостякова экипаж катера не смог поразить неподвижную мишень, заякоренную возле берега, и выпущенная торпеда прошла мимо неё. Она выкатилась на сушу, ударилась о стенку расположенного в пятнадцати метрах от уреза воды дота, из которого за ходом учений наблюдали старшие офицеры, и, не разорвавшись, осталась лежать там.

Буров на мгновение замолчал, обводя собравшихся опухшими от бессонных ночей глазами и как будто

подбирая слова для продолжения рассказа. Вялым движением он поправил съёжившийся китель, мешковато висевший на округлых плечах, и медленно проговорил:

– А дальше произошло то, за что некоторым из нас придётся отвечать по всей строгости законов военного времени. Едва несколько офицеров вышли из дота, чтобы осмотреть торпеду, она взорвалась. Два человека погибли на месте, ещё один несколько часов назад скончался в госпитале. С «Ленинца» сразу же был изъят и внимательно изучен нашими специалистами весь боезапас. Они установили вот что. В головной части семи из девяти неиспользованных торпед инерционный ударник имел весьма характерные, хорошо видимые невооружённым глазом признаки преднамеренной деформации, замедляющей взрыв. И во всех семи случаях – можете себе представить? – они были совершенно идентичны, а именно: растянута пружина сердечника. Исследование записей в журнале судоремонтного цеха показало, что эти семь торпед, равно как и первая, выкатившаяся на берег, были собраны только что доставленным сюда слесарем Новицким.

После этих слов Буров обернулся к нему. Белое, с дряблыми складками лицо полковника слегка дрожало. Небрежно пригладив взлохмаченные волосы, он с напускной вежливостью попросил:

– Расскажите нам, пожалуйста, товарищ сержант, что толкнуло вас на путь саботажа и диверсии?

– Здесь какая-то ошибка, честное слово! – заикаясь затараторил Андрей. – Я собирал все механизмы в точном соответствии с инструкциями Капустина. Он мне всё подробно показал и на первых порах даже проверял мои изделия. Не знаю, как такое могло получиться, товарищ полковник...

– Не совсем так! – грубо перебил его следователь НКВД, сидевший по правую руку от Букова. – Оставшиеся две торпеды, собранные старшим механиком Капустинным, ни подобных этим, ни каких-либо других дефектов не имеют. Они полностью отвечают всем требованиям, предъявляемым к продукции такого типа, и взрываются вовремя, то есть в момент удара о препятствие. К настоящему времени это уже доказано опытным путём. Что же касается временной отсрочки взрыва, обусловленной преднамеренной деформацией инерционных ударников, испорченных Новицким, то её – и это тоже уже доказано технической комиссией – оказывается вполне достаточно для того, чтобы, ударившись о борт, торпеда утонула и сработала на безопасной для корабля глубине. Думаю, из опытных моряков никто не будет спорить с тем, что лучше уж вовсе не иметь в бою никаких торпед, чем иметь такие, которые создают иллюзию оружия, а на деле не представляют для противника никакой опасности. Так что факт предательства налицо.

– Призываю не спешить с прямыми обвинениями, товарищи! – обращаясь в первую очередь к сотрудникам НКВД, произнёс Холостяков. – Факты, конечно, говорят о многом, но заслуг Новицкого тоже никто не отменял. Не думаю, что здесь что-то серьёзнее банальной ошибки. Он смелый боец и исполнительный солдат, командиры доверяют ему как себе.

Буров глубоко и напряжённо вздохнул, уголки его губ нервно задёрнулись.

– А те русские моряки, которые неизбежно погибли бы, ввязавшись в бой против фашистов с этими торпедами, тоже должны ему доверять как себе, каперанг?! – возбуждённо раздувая крылья хрящеватого носа, вскри-

чал Буров. – Или мои люди, которым в ближайшие сутки предстоит перевернуть с ног на голову десятки кораблей, проверяя и изымая бракованные торпеды, тоже должны ему доверять? Вас-то самого, доверчивый вы наш, не насторожило, что человек, который мог бы ни черта не делать и ещё несколько недель валяться в госпитале вдали от фронта, вдруг по собственному желанию, с незажившими ранами на руках и ногах напрашивается вкалывать с утра до вечера в судоремонтном цехе?

– Стахановец, мать его! – раздался из угла чей-то сдавленный смешок.

– Молчать! – брызгая слюной, рявкнул в ту сторону Буров.

– Не повышайте голос в моём кабинете, товарищ полковник! – простуженным, но твёрдым начальственным баритоном остановил его Холостяков. – Вы, похоже, совсем с ума сошли в погоне за шпионами, что хватаете всех подряд по любому поводу... – с грустной усмешкой добавил Георгий Никитич. – Посмотрите на него, – каперанг показал рукой на Новицкого. – Что, по-вашему, этот слесарь может сотрудничать с немцами? Да он ни слова по-немецки не знает.

В кабинете повисла недолгая пауза. На мгновение стало слышно, как дождь шелестит по стёклам, скатываясь обильными неровными струями.

– Вы всерьёз хотите поговорить об этом, каперанг? – словно вдавливая в напряжённый воздух каждое слово, негромко процедил Буров, исподлобья глядя на Холостякова. – Ну что ж, тогда ответьте мне на один вопрос. У разведчика Мэри, заброшенного вами к немцам в тыл в Новороссийск три недели назад, был с собой белый конверт?

Георгий Никитич застыл в своём кресле, как пригвождённый.

– Допустим... – осторожно ответил он.

– И что же в нём было? – поинтересовался Буров.

– Там было письмо, подтверждающее легенду нашего разведчика. Якобы из плена его родственникам в Германии... – объяснил Холостяков.

– Надо полагать, на немецком языке? – задал вопрос полковник.

– Конечно.

– Вы видели, как Мэри писал его? – спросил Буров.

– К сожалению, нет. Это была инициатива Энделя в самый последний момент. Мне она показалась разумной, и я разрешил ему оставить его.

– То есть вы видели письмо на немецком языке, каперанг? – не унимался Буров.

– Даже если и так, товарищ полковник, чего вы от меня добиваетесь? Я в любом случае не знаю ни одного языка, кроме русского. Прочитаю послание хоть сто раз, не пойму ни слова.

– Я спрашиваю не о том. Подтвердите, пожалуйста, что вы увидели своими глазами, что письмо написано на немецком языке, и, не понимая содержания, разрешили разведчику Мэри взять его с собой в оккупированный фашистами Новороссийск.

– Подтверждаю... – не придав большого значения этой детали, согласился Холостяков и, изумлённо покосившись на следователя НКВД, начавшего неожиданно быстро записывать что-то в большой блокнот, спросил:

– А что вы так привязались к этому письму, товарищ полковник? Какое оно имеет отношение к данному разговору? Откуда вообще, кстати, узнали о нём?

– Не в наших правилах раскрывать свои источники, – скривился в коварной усмешке Буров, расстёгивая потёртый кожаный портфель и вынимая из него стопку подшитых документов, – но для вас я, пожалуй, сделаю исключение. Вот здесь, – он передал папку каперангу через сидевших между ними офицеров, – показания старшего механика Капустина, напарника Новицкого, которые он дал, добровольно явившись ко мне через день после отправки вашего разведчика к немцам. Ох, если бы все были такими же бдительными, как Капустин! – с наигранной мечтательностью патетически воскликнул особист, всплёскивая руками.

Георгий Никитич не заметил его энергичной жестикуляции, так как сразу, едва получив документы, впился в них глазами и начал внимательно читать.

– В тот день, – громко продолжил Буров для остальных, – пришедший в цех Капустин заметил, что Новицкий находится в помещении не один. Он это понял по голосам, раздававшимся за дверью цеха. Поскольку характер беседы свидетельствовал о том, что сержант прощался с очень близким другом, уходившим на боевое задание, Капустин с присущими ему тактом и сознательностью не стал входить, а остался дожидаться снаружи.

– Греть уши – не показатель большого такта, товарищ полковник!.. – раздражённо огрызнулся Холостяков, не отрывая глаз от бумаг.

– Тем не менее, – настойчиво перебил его Буров, – через приоткрытую дверь он увидел, как в конце их разговора Новицкий передал Мэри небольшой белый конверт. Как мы все теперь понимаем, это был тот самый, который затем с вашего разрешения он взял с собой в Новороссийск. Что за информация была в нём? Отчёт о

совершённой диверсии? Сведения о количестве повреждённых снарядов?..

Постойте! – громко выкрикнул со своего места Андрей, привлекая к себе удивлённые взгляды сидящих во всех концах кабинета. – Разрешите мне всё объяснить. Это я виноват. Каперанг предупреждал меня, но я ослушался и попросил Мэри взять с собой в Новороссийск письмо для моей подруги. Я, конечно, дурак, мне очень стыдно, и заслуживаю жестокого наказания, но я не предатель, товарищ полковник! Это было просто письмо девушке. Ничего секретного. Простите меня, пожалуйста! – закончил он упавшим голосом и виновато посмотрел на Холостякова.

В красноватых от бессонницы глазах Георгия Никитича бешено блеснула ярость. Он впился в Новицкого суровым пронзительным взглядом, и тот почувствовал, как стальной отсвет зрачков каперанга почти физически обжигает ему лицо. Андрей отвёл глаза, и его потухший взор остановился на едва тлеющих углях за закопчённой задвижкой печки-буржуйки в углу кабинета.

– И давно вы переписываетесь со своей подругой на немецком языке? – небрежно прервал повисшую в кабинете тишину занудный голос Бурова.

– Бросьте, товарищ полковник! – нервно-взвинченно одёрнул его Холостяков. – Значит, письмо было на русском языке. Что вам ещё непонятно? Двое молодых дураков по глупости ослушались меня, и я даю вам слово, что оба сполна ответят за это по всем законам военного времени. Оставьте его мне! – резко показал каперанг рукой в сторону Новицкого. – И продолжайте заниматься своими делами. Всем очевидно, что это не вопрос энкавэдэ.

– Тогда у нас появляется другой вопрос. Но уже к вам... – откашлявшись, ядовитым голосом заговорил Буров, и в синих его глазах, устремлённых на собеседника, затвердел ледяной блеск. – Зачем вы обманули меня, сказав, что проверили конверт, который Мэри взял в Новороссийск? Мой человек подробно записал, что вы своими глазами...

– Обстановка развивалась стремительно, – покрываясь багровыми пятнами, огрызнулся Холостяков. – Не было времени проверять!

– Значит, мы можем исправить в наших записях, что, направляя разведчика в тыл противника, вы не поинтересовались, какие документы он берёт с собой, и не потрудились изучить их содержание? При таком подходе из вашего штаба можно вынести всё что угодно.

– Нет... – утомлённо выдохнул загнанный в ловушку каперанг и, посмотрев на улыбающихся особистов ничего не выражающим, пустым взглядом, добавил:

– Оставьте как есть. Я проверил все документы.

– Как скажете, Георгий Никитич... – любезно кивнул Буров и, натужно кряхтя, поднялся из-за стола. – Спасибо за сотрудничество. Вопросов больше нет. Нам пора.

Поспешно запихивая большой блокнот в планшетный портфель, вслед за ним поднялся следователь.

– Ах да, совсем вылетело из головы... – не очень старательно изображая забывчивость и деланно хлопая себя ладонью по лбу, продолжил особист. – Разрешите проинформировать, что ваш – или не только ваш – следствие покажет – разведчик Эндель Мэри арестован несколько часов назад моими людьми.

– Что? – изумился Холостяков, будто ошпаренный, подскакивая с резко отшатнувшегося назад кресла. – Как арестован? На каком основании?

– Отряд противодесантной обороны нашёл его на берегу моря у подножия горы Пенай в районе Кабардинки. Он утверждает, что якобы добыл секретную карту, убив двоих немецких офицеров, а затем, спасаясь от преследования, бросился в море и переплыл всю Цемесскую бухту с запада на восток. И всё это с двумя огнестрельными ранениями. В общем, даже смешно повторять такие небылицы, каперанг.

– Почему вы ему не верите? Сильно он ранен? – встревожился Георгий Никитич.

– Пара косметических – чисто для отвода глаз – царапин на руке и ноге, к которым, как мы знаем, Мэри не привыкать. Якобы ему стреляли вслед, когда он бросился в воду. К тому же за час до его обнаружения в двухстах метрах от берега в том месте прошёл немецкий катер. Ну а вскрывшиеся только что факты красноречивее всего остального подтверждают мои самые печальные подозрения. Я должен серьёзно поработать с обоими вашими бойцами, каперанг. Не буду скрывать, скорее всего, их ждёт весьма незавидная доля.

– Уверен, что они оба ни в чём не виноваты, и искренне надеюсь, что ваши подозрения не оправдаются! – твёрдо ответил Холостяков.

Буров сухо кивнул головой и, пропустив вперёд конвоиров, вытолкавших Новицкого из кабинета, быстро вышел вслед за ними в сопровождении своих людей в длинных кожаных плащах, туго затянутых ремнями.

Через непроницаемо сгустившуюся прохладу октябрьской ночи продолжали сыпаться последние сере-

бристые капли. Слабеющий дождь еле слышно шуршал в тускло блестевших под выщербленной луной кустах, и невидимое в ночной черноте море свинцово шумело в неразличимой дали тихо плещущим прибором.

Андрея втокнули в маленькую сырую камеру и с грохотом захлопнули дверь...

Глава XIV

Мэри почувствовал, что проснулся, но ещё не открыл заплывшие от недавних побоев глаза. Накануне обессиленный и уставший, с кровоточащими ранениями, которые нестерпимо жгло от солёной воды, с трудом увернувшийся в открытом море от нескольких пересёкших его путь немецких катеров, он всё же доплыл до казавшегося недостижимым восточного берега Цемесской бухты и, рыдая от счастья, выполз на холодные камни. Что было дальше, Эндель не помнил – похоже, надолго потерял сознание. Очнулся лишь в помещении, куда его на носилках принёс отряд противодесантной обороны, наткнувшийся на лежащее на

окровавленной гальке тело, подававшее слабые признаки жизни.

Первое, что он увидел, придя в сознание, лёжа на узкой кровати, была брошенная на стул немецкая форма. В ней Мэри добрался до берега. Обстановку комнаты, смутные очертания которой еле проступали в полумраке, разобрать было сложно – крошечная, тускло мерцающая лампочка на потолке не справлялась с тьмой, сгустившейся по углам. Сквозь небольшое оконце с заваренными крест-накрест толстыми прутьями брезжило красное, как кровь, закатное солнце. Его багровый свет, преломляясь в мозаике забрызганных дождевой водой грязных стёкол, разбрасывал по узкому подоконнику причудливые тени.

«Всё-таки выжил! – с облегчением выдохнул Эндель. – Добрался до своих. Что может быть лучше?» И, убаюкиваемый сладкими мыслями, он вновь начал погружаться в приятную полудрёму, ощущая, как затихают озноб и боль в ранах...

Уснуть, однако, не удалось. Толстая железная дверь, громко лязгнув тяжёлым металлическим замком, медленно открылась с отвратительным режущим звуком ржавых петель. В ярком потоке света, хлынувшем из коридора, Мэри увидел несколько крупных теней. Кто-то, гулко стуча сапогами по дребезжащему полу, вошёл в комнату. Эндель сразу распознал форму НКВД, плотно обтягивающую рослую плечистую фигуру.

– Эй, фриц, или как там тебя? – небрежно, как будто насмехаясь, заговорил вошедший, пристально всматриваясь в глубь помещения и, видимо, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полумраку. – Шнель, как говорится, хенде хох. Живой ты тут ещё?

– Живой! – обрадованно воскликнул Мэри. – Я не немец. Меня послали в Новороссийск на разведку...

– А-а, по-русски, значит, говоришь... – оборвал Энделя солдат, похоже, совсем не обратив внимания на его слова. – Проснулся уже? Идти можешь? С тобой побеседовать хотят. Собирайся!

Мэри медленно, с трудом преодолевая боль и головокружение, поднялся с кровати и стал натягивать на себя ещё влажную немецкую форму. Едва он переступил порог, несколько человек скрутили ему руки и защёлкнули на запястьях наручники.

– Это точно лишнее, – попытался слабо возразить Эндель, – я же объясняю...

– Там будешь объяснять! – рявкнул один из конвоиров и, резко толкнув его стволом автомата в спину, прикрикнул. – Давай пошёл, гнида, пока не пристрелил!

Пустынные улицы заливала тишина вечерних сумерек. В тёмно-лиловом небе за рассеивающимися тучами скатывалось к горизонту ослабевшее солнце. Из последних сил пронизывая уже плотно наброшенное на округу сумрачное покрывало, оно отсвечивало на бескрайней поверхности моря тускло блестящим серебром. Прохладный воздух, тянувшийся вдоль берега напористым потоком, как ледяная вода, обтекал измождённое тело Мэри, которого вновь начало знобить...

Его привели к незнакомому серому, ничем не примечательному зданию и грубо втокнули в просторный, более чем добротный обставленный для военного времени кабинет. За широким дубовым столом, устало развалившись в высоком кожаном кресле, сидел пожилой полковник. Он внимательно изучал разложенные перед ним документы и, казалось, не обратил никакого внимания,

что к нему, широко распахнув двери, вошли несколько человек.

– Задержанный немецкий разведчик по вашему приказанию доставлен! – бойко отчеканил разбудивший Энделя боец, небрежно поднося ладонь к козырьку фуражки.

Полковник сделал в бумагах последние пометки остро отточенным карандашом и, деловито сдвинув их в сторону, жестом приказал посадить арестованного. Конвойные поставили возле стола непонятно откуда возникший стул и бесцеремонно вдавили в него обессиленного Мэри, который не слишком расторопно, по их мнению, исполнял команды.

– Моя фамилия Буров... – неспешно начал полковник, доставая из ящика стола толстую замшевую папку. – А вы, надо полагать, Эндель Мэри из почти полностью уничтоженного по глупости Холостякова триста пятого батальона?

Задав вопрос, он улыбнулся, но Эндель, глядя на его равнодушное лицо, понял, что это была не настоящая улыбка – просто приоткрытый рот с растянутыми в стороны губами, оскалившими мелкие зубы.

– Так точно! – ответил Мэри. – Но здесь какая-то ошибка, товарищ полковник. Меня арестовали...

– Это мы сейчас выясним... – холодно прервал Буров. – Я с самого начала наблюдаю за твоими похождениями, боец, и, боюсь, тебе придётся очень хорошо потрудиться, чтобы я поверил в ошибку.

– Что за ерунда, чёрт возьми?! – изумился Эндель. – Мне было дано задание, и я его выполнял. Отпустите меня, я не шпион!

Мэри быстро вскочил со стула, но приблизиться к столу не успел – в глазах калейдоскопом сверкнули тыся-

чи разноцветных искр, и он не сразу понял, что его ударил и сбил с ног один из стоявших рядом конвойных.

– Ах, вы ж твари! – прохрипел Эндель, с трудом встав на колени и вытирая рукавом кровь с рассечённой губы. – Вы бы лучше так фрицев на Балке Адамовича били, как меня здесь...

Ещё один свинцовый удар в голову опрокинул его на пол, и несколько человек в тяжёлых твёрдых сапогах начали топтать и пинать его. Закончив избиение, энкаведешники подхватили Мэри за подмышки и швырнули обратно на стул. В ту же секунду Буров резко поднялся со своего кресла и развернул большую настольную лампу. Яркий режущий свет полоснул Энделя по глазам. Ослеплённый на несколько секунд, он зажмурился и почти над самым ухом услышал раздражённый хриплый, словно харкающий жёлчью, громкий шёпот:

– Из этого кабинета живыми выходят только те, кто выполняет мои приказы и отвечает на мои вопросы. Тебя ещё не расстреляли лишь потому, что мне стало интересно, откуда ты взял вот это...

Мэри разомкнул глаза и увидел, что Буров трясёт перед ним немецкой военной картой.

– Я отнял её у одного из убитых мной фашистов в госпитале, куда меня привезли после того, как подобрали в горах... – как можно спокойнее ответил Эндель.

– То есть ты с огнестрелами, которые тебе наставили здесь по указанию Холостякова, убил нескольких фашистов в госпитале, где у тебя, надо полагать, вряд ли даже было оружие, и забрал у них подробнейшую секретную карту?

Избивавшие Мэри конвоиры громко засмеялись.

– А потом что? – продолжил Буров, не убирая светившую прямо в лицо Энделя лампу. – Уйдя от пресле-

дования, но будучи ещё несколько раз ранен, несмотря на ледяную воду, ты переплыл всю Цемесскую бухту, от берега до берега кишачую немецкими катерами?

– Да! – твёрдо ответил Мэри.

– Довольно этого бреда! – остервенело рявкнул Буров. – Значит, так. Ты мне сейчас же расскажешь, с кем встречался, как они на тебя вышли, кто твои информаторы, какие сведения ты им передал, что за дезинформацию приволок сюда в этой вонючей карте, каким образом...

Дверь кабинета, тихо скрипнув, открылась. Внезапно возникший сквозняк забросил в приоткрытую форточку несколько осенних листьев, сорвавшихся с ветки дерева, растущего за окном, и они плавно опустились на пол и край стола.

– Разрешите доложить, товарищ полковник?! – молодцевато отрапортовал вошедший. – Личность диверсанта из судоремонтных цехов установлена. Все бракованные торпеды собирал сержант морской пехоты Андрей Новицкий.

– Найти и арестовать! – гневно приказал Буров. – Подайте машину! Поедем разбираться к Холостякову. Новицкого этого приведите туда же!

И, повернувшись к Мэри, добавил:

– А с тобой мы ещё продолжим, герой недобитый, мать твою! Увести его! – крикнул он напоследок конвойным.

– Обратно в лазарет? – спросил один из них.

Зачем? – удивился Буров. – Он же не при смерти. Бросьте его в камеру!

В кутузке Эндель почти сразу же заснул на узких жёстких нарах, даже не сняв влажного фашистского

кителя. Конечно, всё произошедшее вызывало у него острую тревогу. Но что он мог сделать? Честно выполнив свой долг, Мэри точно знал, что может ответить за каждый шаг.

Он лежал на спине на чём-то сыром и твёрдом, чувствовал, как невыносимо болят плохо перебинтованные раны и впитавшийся в тело колющий холод студёного октябрьского моря до сих пор ломит кости. В сознании мучительно ворочались последние воспоминания, и Эндель не смел разомкнуть глаз, предпочитая реальности мрак ночи.

Через какое-то время ему стало казаться, что в ноздри забивается терпко-солоноватый запах крови и всё ближе слышатся крысиный писк и шорох маленьких когтистых лап по каменному полу. Неожиданно пальцы на правой руке пронзила обжигающая боль, и от внезапно сдавившей горло судороги он даже не смог закричать. Мэри вскочил, испуганно озираясь по сторонам. Краем глаза увидел, как по скользкому полу в мертвящую, плотно сомкнувшуюся вокруг него темноту разбежались несколько огромных жирных крыс. Из его прокусанных пальцев лилась кровь.

Помещение, в котором находился Эндель, не было похоже на камеру, куда его привели накануне, после допроса: не было ни нар, на которых он уснул, ни даже входной двери. С трёх сторон смыкались каменные стены, а вместо последней – зияла неясная пустота. Длинный туннель слабо подсвечивался огнями. Подойдя ближе, Мэри с ужасом увидел перевёрнутые на макушки человеческие черепа, внутри которых потрескивая горел жир.

Ледяной пот крупными каплями покатился со лба Энделя. Едва справляясь с охватившим его страхом, он быстро зашагал по туннелю, осторожно продвигаясь вдоль покрытой мхом влажной стены, но быстро понял, что капающая с потолка влага была кровью. Мэри в безумстве отшатнулся на середину туннеля и, протягивая, чтобы ни на что не натолкнуться, вперёд руки, пошёл дальше. Вокруг царили приторно-сладкий запах мертвечины, шорох и писк бежавших следом крыс. Мрачный холод тёмного склепа забивал ноздри прелой сыростью.

Вдруг он споткнулся обо что-то твёрдое. Послышался стук металла о камни. Эндель осторожно нагнулся, нащупал рукой и поднял с пола новый автомат. Проверил магазин. Тот оказался полностью забит патронами. Мэри с треском вогнал его обратно, передёрнул хорошо промасленный затвор и, выставив автомат вперёд, двинулся дальше.

Перешагнув обгрызенный крысами труп, Эндель бросился по туннелю бегом, желая как можно скорее выбраться из проклятого склепа. Несколько раз он слышал, как сухо и звонко треснули под сапогами сломавшиеся кости. На его пути всё чаще попадались обезображенные мёртвые тела. Иногда казалось, что некоторые из них ещё дышат и вздрагивают, словно живые. В некоторых местах ноги вязли в расползающемся под сапогами гнилом мясе. Жутко белеющие в полумраке кучи человеческих костей высились вдоль кровотокающих стен до самых сводов.

Неожиданно руки Мэри ударились в массивную деревянную дверь, запертую на огромный железный замок. Эндель несколько раз толкнул её, но та не поддавалась. Скинув с плеча автомат, он почти в упор начал

стрелять в деревянный брусок вокруг засова, долго не убирая пальца со спускового крючка. Патроны в магазине уже несколько раз должны были закончиться, но Мэри продолжал стрелять, и автомат не переставал изрыгать раскалённые потоки свинца, яростно крошившие массивные доски.

Наконец, отступив на шаг назад, Эндель вышиб дверь сильным ударом ноги. Сломавшись в нескольких местах, она упала в мрачное помещение. Трупы, привлеченные к ней, соскользнули и рухнули вслед за разломанной дверью. Плескавшаяся на полу кровь хлынула через порог в просторный тёмный зал без окон и дверей, слабо освещённый с потолка несколькими тусклыми фонарями.

Не решаясь войти внутрь, Мэри озирался по сторонам, пока вдруг в глубине зала не мелькнула яркая вспышка. В уши ударил резкий гром выстрела, и в каменной стене прямо рядом с головой сверкнула синяя искра от разрывной пули. Эндель пригнулся, укрылся за грудой тел и, выставив вперёд автомат, начал до рези в глазах всматриваться в непроглядный полумрак.

Из давящей темноты, колыхавшейся по углам сгустившимися тенями, еле держась на тонких кривых ногах, медленно вышел коренастый тяжеловесный Буров. Несоразмерные обычным пропорциям человеческого тела короткие толстые руки болтались по бокам. В одной из них дымился ствол пистолета. Маленькие глаза злобно сверкали в глубоких впадинах. Крошечный нос терялся в неправдоподобной массе жира широкого красного лица.

Поймав его в прицел, Мэри нажал на спусковой крючок. Кипящий свинец с остервенением начал рвать тело полковника, вышибая из него крупные

куску плоти, но тот не только не падал, а продолжал так же невозмутимо шагать вперёд. Подойдя почти вплотную к Энделю, Буров расплылся в ядовитой усмешке, мерзко раскrojившей его лицо от уха до уха. Мэри обречённо поднялся из-за груды трупов, с размаху швырнул раскалённый автомат на пол и иступлённо проорал:

– Я знаю, что это ненастоящее! Всего лишь кошмар!

Буров вытаращил гадко пожелтевшие, испещрённые красно-коричневыми трещинами белки омертвевших, как у трупа, глаз и, придвинув к Энделю грязное, покрытое струпьями лицо, почему-то на немецком языке произнёс:

– Да, это всё сон... Только я не советую просыпаться.

И его раздвоенный язык жёлто-зелёной змеей скользнул между редких почерневших зубов.

– Почему? – опасливо спросил Мэри, чувствуя, как с почти физической болью плавают клетки его утомлённого мозга.

– Потому что по сравнению с тем, что ждёт тебя наяву, – громко расхохотался Буров, – этот сон покажется тебе раем.

Он схватил Энделя за грудки и сильно затряс, не переставая повторять: «Раем, ты понял меня, раем...»

– Проснись, Мэри, проснись! – кричал Андрей, отчаянно тормоша друга за плечи.

Эндель наконец открыл глаза и испуганно отшатнулся, едва не упав с узких нар.

– Кошмар, наверное, приснился? – мягко, словно извиняясь, поинтересовался Новицкий.

– Хуже, чем кошмар... – тяжело вздохнув, ответил Мэри. – У фрицев всякой мерзости насмотришься, до конца жизни глаз не сомкнёшь, лишь бы не видеть таких снов.

– Верю. Ты орал как резанный. Я и подумал, что лучше разбудить.

– Спасибо, дружище! – Эндель хлопнул его по плечу. – Ты сам-то здесь как оказался? Слышал краем уха, как Бурову доложили о каких-то торпедах.

– Из-за торпед, да! Чёрт бы их подрал! – грустно ответил, махнув рукой, Андрей. – Капустин – сволочь – подставил.

– Старший механик твоего цеха? А что вы с ним не поделили?

Новицкий смерил Мэри долгим взглядом, как будто решая, уместно ли об этом сейчас говорить, и наконец произнёс:

– Полину мы с ним не поделили. Видимо, до сих пор не забыл. Отомстил, скотина! – в сердцах воскликнул Андрей и, чуть помедлив, разъяснил:

– Одноклассник он мой бывший. У нас отношения с ним ещё со школы не заладились. Редкостный гад. В начале войны пропал куда-то, а тут вот выскочил, как чёрт из табакерки. Кто дёрнул меня за язык напроситься в этот цех?

– Не ругай себя! – ободрил его Эндель. – Кто знал, что так получится? У меня похожая ситуация.

И он горько усмехнулся. Несколько минут оба молчали. Потом Новицкий заговорил вновь:

– Ладно, к чёрту их всех! Расскажи, как там в Новороссийске.

– Даже вспоминать страшно... – скривившись, словно от боли, ответил Мэри. – Не город, а сплошной ад.

Фрицы, конечно, – редкие звери. Дай бог тебе никогда не увидеть такое своими глазами...

– До Станички дойти удалось? – осторожно спросил Андрей.

Эндель ждал этого вопроса и боялся его. Он потянулся за шнурком с Полининым кольцом, который повесил на шею, когда закапывал её могилу, и с изумлением обнаружил, что его там нет. Подняв глаза на друга, Мэри встретил вопросительный взгляд и решил, что тот нашёл и снял с его шеи кольцо, пока он спал. И теперь требует объяснений. Сердце Энделя сжалось от страшных воспоминаний, но рассказывать Андрею о том, что произошло с Полиной и её семьёй, было еще страшнее. Кое-как собравшись с духом, он медленно заговорил:

– Я убежал в Станичку, спасаясь от преследования, после того, как убил нескольких немцев в госпитале. Во всём посёлке не было ни души, кроме одной-единственной семьи. Незадолго до моего прихода фашисты убили там мальчика и изнасиловали его сестру...

На этом месте Мэри запнулся, но не нашёл в себе сил произнести «Полину». Подумав, что и так всё понятно (откуда ещё у него могло взяться это кольцо), он продолжил:

– Узнав от матери девушки о том, что та ушла ночью из дома, решив отомстить фрицам, я попытался её остановить, но не успел. Она пробралась к немецкой казарме и подожгла. Я прибежал на место в самый разгар перестрелки между нею и немецким патрулём, который прибыл, чтобы спасти запертых в горящей казарме. К тому времени девушка уже была смертельно ранена в живот. Мне удалось отбить её и привезти обратно в Станичку на угнанном немецком мотоцикле, но по дороге она умер-

ла. Когда мы с матерью погибшей заканчивали хоронить её во дворе их дома, появились немцы, и мне пришлось бежать. Я бросился в море, переплыл Цемесскую бухту и спасся, а женщину, похоже, убили.

Закончив говорить, Эндель поднял измученный взгляд на Андрея и, к своему полному изумлению, ничего не прочёл на его лице.

Убедившись, что Мэри больше ничего не добавит, Новицкий нетерпеливо спросил:

– А Полину-то ты нашёл? Или нет?

Эндель уставился на друга растерянным взглядом, не зная, что ответить, спустился с нар и сделал несколько шагов по камере. Рассказать эту историю ему стоило немалых усилий, и он был совершенно уверен в её предельной понятности. «Чего ты от меня хочешь? – раздражённо думал Мэри, еле выдерживая вопрошающий взгляд Андрея. – Чтобы я тебе в подробностях рассказывал, как твою подругу насиловали и убивали фашисты?» Он от досады хлопнул рукой себя по бёдрам, и его ладонь ударилась о маленький круглый предмет. «Чёрт возьми! – чуть не вскрикнул, сообразив Эндель. – Значит, шнурок с кольцом, видимо, спал с шеи, когда меня несли без сознания, и кто-то сунул мне его в карман брюк. Тогда ясно, почему Андрей ничего не понимает. А я-то дурак думал, что он видел кольцо».

– Значит, ничего не получилось? – громче спросил Новицкий, по-своему поняв странное замешательство друга.

Мэри собрал последние капли решимости, чтобы сказать, наконец, правду, но в последний момент страшные слова комом застряли в горле, и он, как ни крепился, не смог вытолкнуть их из себя.

– К сожалению... – жёстким металлическим голо-
сом соврал Эндель и тяжело сел на край нар.

– Это хорошо... – с облегчением улыбнулся Андрей.
– Раз их не было в Станичке, значит, есть вероятность,
что им удалось скрыться и они сейчас находятся в без-
опасности. Огромное тебе спасибо, дружище!

Если ли бы он в это время посмотрел на Мэри, то
сразу бы всё понял по его застывшему лицу. Но Андрей
смотрел в крошечное зарешёченное оконце под потол-
ком, и в его вдумчивом взоре искрились радость и
надежда...

Глава XV

Через несколько недель после ареста Андрея и Эн-
деля на горном серпантине, петляющем по склонам Мар-
котхского хребта к востоку от Геленджика, остановился
«студебекер». Из его кузова ловко выпрыгнул среднего
роста плотный коренастый человек и, помахав на проща-
ние рукой водителю, подвёзшему его до окраины города,
в забрызганное грязью зеркало заднего вида, уверенной
походкой зашагал вниз по склону.

В лёгких движениях его молодой атлетической
фигуры выделялись огромная внутренняя сила и решитель-
ность. Внимательными, искрящимися от известной ему
одному причины карими глазами он осмотрел с высоко-

го перевала широко раскинувшуюся внизу Геленджикскую бухту и поспешил в сторону города.

В ранний утренний час осенний воздух был влажен и зябок. Мокрые тучи медленно ползли над горными вершинами в сером пасмурном небе, вымытом до самой выси напористыми ноябрьскими дождями. Кое-где плавно парили, наслаиваясь друг на друга, редкие облака. Едва заметными точками скользнула за ними группа русских штурмовиков и на полной скорости ушла в сторону Новороссийска.

Придерживая на лобастой голове потёртую пилотку, человек, подняв вверх голову, посмотрел им вслед. Для опытного военного такая картина означала многое: русская оборона пока не прорвана, небо худо-бедно прикрыто, а значит, не всё ещё потеряно. Словно успокоенный этим, он на ходу оправил превосходно сидевший на нём китель с медалью «За трудовое отличие» и ускорил шаг.

Тяжёлая прохлада уже съедала нежную желтизну пёстрой черноморской осени. Промокшая природа утратила краски и потускнела. Ветер буйно колыхал голый кустарник по обочинам дороги. Над рублеными срезами Маркотхского хребта злое туча седой боры́, готовая с минуты на минуту сорваться вниз, сметая, по обыкновению, всё на своём пути. Грузные космы густого тумана местами уже перевалили через гребень и тягуче сползали по отшлифованным вековыми ветрами скатам гор, предвещая близкие зимние холода.

Человек спустился к морю и, жадно вдыхая его терпкий йодистый запах, пошёл по набережной. Лёгкий бриз небрежно подбрасывал в воздух последние тёмно-бурые листья, волочил их по земле и ворохами скидывал

в пустынную студёную воду. В нескольких кабельтовых от берега двумя кильватерными колоннами прошёл к выходу из Геленджикской бухты отряд торпедных катеров. Россыпи солнечных бликов на нахмуренной ими морской глади разгорались в наступлении нового дня алмазно-серебристым сиянием.

Любуясь на ходу беспокойными волнами, человек не сбавлял шаг, словно боясь опоздать к месту назначения. Промелькнув истончённым на фоне синевато светлеющей в утренних лучах воды силуэтом, он свернул в узкий переулочек и напрямик направился к штабу Новороссийской военно-морской базы.

– Разрешите? – проговорил прибывший сочным баритоном, осторожно приоткрыв дверь в кабинет Холостякова и зайдя внутрь, не дожидаясь разрешения.

Георгий Никитич, похоже, всю ночь сидевший над картой, поднял на вошедшего уставшие глаза давно не выспавшегося человека и, выронив из невольной разжавшихся пальцев карандаш, на несколько секунд застыл в изумлении. Прибывший лёгким движением вскинул руку к виску и продолжил:

– Майор Куников по приказу...

Завершить начатый доклад он не успел. Холостяков выскочил из-за стола и, подбежав к майору, крепко обнял его за плечи со словами:

– Цезарь! Ты ли это? Глазам своим не верю! Как добрался? Как здоровье? Тебя уже выписали из госпиталя?

– Жить буду... – отмахнулся Куников. – Врачи всё никак не хотели отпускать, но выписали в итоге, не без боя, конечно, из своей курортной богадельни. Вот только воевать пока не велят. Полюбуйся!

Он вынул из внутреннего кармана кителя аккуратно сложенный документ и протянул командиру базы.

– «До конца года только в прифронтовой зоне», – процитировал Куников, видимо, так сильно задевшие его слова, что запомнил их наизусть.

– Понятно... – сказал Георгий Никитич, внимательно изучая бумагу. – Значит, командиром третьего боевого участка противодесантной обороны. Хорошо. Строго-то говоря, это и не совсем прифронтовая зона, – усмехнулся он. – Хотя есть у нас здесь, конечно, места и погорячее. Так что возможностей поберечь себя для больших дел в любом случае будет больше, чем у некоторых. Радуйся!

– Да чему же радоваться? – удивился Цезарь, в сердцах всплёскивая руками. – Я им русским языком говорил, что командовал батальоном. Просил их отправить меня обратно к моим ребятам. А они ни в какую, мол, в противодесанте ты нужнее. Так и не договорились. На том и уехал.

Мягкая лучистая улыбка, не покидавшая губ Холостякова с момента встречи, внезапно спала с помрачневшего лица.

– Нет больше твоих ребят, Цезарь... – через силу выговаривая каждое слово, понуро проговорил он. – Батальон почти полностью погиб в начале сентября у цементных заводов и был расформирован из-за невосполнимости потерь.

Добродушие схлынуло с лица Куникова. Он отвёл рассеянный взгляд от, будто виноватого, лица командира базы и посмотрел в окно. Гладкое, как зеркало, солнце выплавляло на серой воде Геленджикской бухты золотистую дорожку, которую больше никогда в жизни не увидят погибшие бойцы 305-го отдельного батальо-

на морской пехоты. Слабые лучи просачивались сквозь широкие щели плотных маскировочных штор, контрастно очерчивая скудную обстановку кабинета.

– Как так получилось, Георгий Никитич? – наконец задал вопрос Куников, усаживаясь перед столом, медленно стаскивая с головы пилотку и нервно сминая её.

– Это я поставил их на Балке Адамовича в ту ночь... – решительно, без прелюдий, но так же через силу выговаривая слова, начал Холостяков.

Он обошёл свой стол, сел в жалобно скрипнувшее под ним кресло и, собравшись с мыслями, продолжил:

– Немцы почти с ходу заняли Новороссийск и рвались по Сухумскому шоссе на восток. Их нужно было остановить любой ценой. И этой ценой стал твой батальон, Цезарь. В тот момент у нас не было никого, кроме них. И они остановили фашистов. Пять дивизий Руоффа забуксовали на Балке Адамовича перед твоими ребятами, и то, что все мы здесь до сих пор живы, – только их заслуга. Слушая меня, ты сейчас, наверное, скажешь, что это так банально – рассыпаться в похвалах погибшим, но в моих словах нет ни капли преувеличения. Поверь! Твои ребята действительно спасли нас.

Но Куников думал не об этом.

– Не все же погибли, как я понимаю. Где сейчас те немногие выжившие – с отчаянием спросил он.

– Большинство – в противодесантных отрядах, кто-то – ещё в госпиталях, а двумя ребятами – новороссийцем Новицким и эстонцем Мэри – занялись особысты. Глупейшая история!

Георгий Никитич вкратце пересказал её и добавил:

– До сих пор они сидят в кутузке энкавэдэ. Буров хотел расстрелять их обоих, но пока не может свести

концы с концами в своём расследовании. Остаётся лишь надеяться, что и не сведёт.

– Чёрт знает что у вас здесь творится, если честно! – тяжело вздохнул Цезарь, явно ожидавший услышать после возвращения не такие новости. – Ладно, долой сантименты! Надеюсь, у тебя есть время? Введи меня, пожалуйста, в курс дела по текущей обстановке.

– Если вкратце, она катастрофическая, – неспешно проговорил Холостяков, на ходу размышляя, с чего бы лучше начать. – В руках немцев – весь Таманский полуостров и черноморское побережье до Новороссийска включительно. Таким образом, они надёжно блокируют Крым, имеющий для нас стратегическое значение, и полностью контролируют Азовское море. Наверное, излишне пояснять, какой это превосходный трамплин для последнего броска на Северный Кавказ, где наших заклятых друзей ждут не дождутся турки, пообещавшие вступить в войну, как только немцы захватят нефтепромыслы. И фашисты, которым после Кавказа уже снится вторжение на Ближний Восток, в Среднюю Азию и Индию, очень на это надеются. Поэтому, надо отдать должное их стратегическому чутью и упорству, активно обустраивают так называемую Голубую линию... – командир базы показал Куникову на карте густую сеть жирных зазубренных синих полос, протянувшихся от Ейска до Новороссийска. – На всём её протяжении, – пояснил он, – как минимум, три оборонительных рубежа. А если считать с отсечными позициями, её общая глубина даже в самой узкой точке превышает шестьдесят километров. С нашими нынешними ресурсами, Цезарь, у нас нет ни одного шанса прорвать её. Мы до сих пор из последних сил держим оборону на Балке

Адамовича и с ужасом наблюдаем, как за этой линией немцы собирают мощнейший кулак. Наши возможности тают с каждым днём, а их – нарастают как снежный вал. Когда они почувствуют, что мы достаточно истощены, то ударят по-крупному. И, по-моему, уже никто здесь не строит иллюзий касательно наших возможностей выдержать этот новый удар.

– Какое сейчас соотношение сил? – спросил Куников.

– Смотри сам... – предложил Георгий Никитич, убирая разбросанные поверх карты бумаги. – Пять немецких дивизий, из которых непосредственно Новороссийск обороняют сорок шестая, девятая и семьдесят третья пехотные. Две другие прикрывают подступы. На всех направлениях фашистов поддерживают три румынские дивизии: пятая и девятая кавалерийские, а также третья горнострелковая. Последнюю, впрочем, партизаны большей частью держат на перевалах. Без них нам, конечно, было бы совсем трудно... – как будто с облегчением улыбнулся Холостяков и передвинул карандаш по карте дальше на восток по вершинам Маркотхского хребта. – Под Туапсе фрицы уже сосредоточили до десяти дивизий семнадцатой армии, обеспечив себе значительный численный перевес над обороняющейся на этом направлении нашей восемнадцатой армией Закавказского фронта. Как видишь, тут уже итальянцы, чехи...

– Вся Европа здесь, что ли? – горько усмехнулся Куников, перебивая в сердцах командира штаба.

– Почти вся, Цезарь... – тяжело вздохнул в ответ Георгий Никитич. – И, к сожалению, уже не только здесь.

Он вытащил из верхнего ящика стола другую карту и разложил её поверх первой.

– Это копия немецкой карты, добытой Мэри, – коротко пояснил командир базы. – Оригинал остался у Бурова как вещдок.

Куников рассмотрел на тщательно перерисованной штабистами копии две хищные синие стрелы, означавшие направления немецких ударов для захвата Кавказа. Одна из них проходила вдоль северных отрогов Главного Кавказского хребта до самого Баку со змеистыми ответвлениями на высокогорных перевалах в сторону Чечни. Другая – почти ровно тянулась вдоль черноморского побережья до Батуми и Тбилиси. Начиналась вторая стрела у Новороссийска. На карте Холостякова здесь, у Новороссийска, она и заканчивалась. Дальше немцы не прошли ни на шаг. А вот контуры первой, северной, стрелы почти совпадали на обеих картах.

– Как видишь, – проговорил Георгий Никитич, обводя огромные, захваченные немцами территории к северу от черноморского побережья, – на всём кавказском направлении противника по-настоящему держим только мы. Как только дадим слабину, посыплется всё и везде.

– Подкрепления не обещают? – спросил Цезарь равнодушно, видимо, не очень рассчитывая на обнадеживающий ответ.

– Скажешь ещё!.. – подтвердил его опасения Холостяков. – Всё, что сейчас есть, швыряют, как в топку, под Сталинград. К тому же Волга перерезана – к нам сюда на юг из России ничего не провезёшь. Наша единственная отрада – бесперебойные поставки по английскому ленд-лизу из Персии. Продовольствия, машин, оружия хоть отбавляй, но много ли во всём этом толку без людей?

– Ну ладно... – как будто немного раздражаясь безысходным тоном их беседы, произнёс Куников. – Всем ясно: наше положение – хуже не придумаешь. Но что дальше? Сидеть и ждать, пока нас перемелют? Должны же быть хоть какие-то планы.

Утренние осенние блики солнца косо лежали на полу кабинета. Из открытой форточки тянуло приятным прохладным сквозняком. Погода стояла свежая, волнение на море усиливалось. Серо-зеленоватая гладь Геленджикской бухты хмуρο топорщилась под натиском ветра.

– Пожалуй, расскажу тебе кое-что... – улыбаясь с хитрецей, заговорил командир базы. – Это пока секретная информация, так что никому ни слова. А то придётся и нам с тобой делить нагретые Новицким и Мэри особистские нары, – грустно усмехнулся он. – В общем, пару дней назад генерал Петров намекал на большую десантную операцию, в которой будем задействованы и мы.

Цезарь лишь молча приподнял брови от удивления и недоверчиво округлил глаза.

– Да-да, знаю, звучит, конечно, как форменное издевательство, – почувствовав скепсис собеседника, попытался растолковать Холостяков, – но при более детальном осмыслении понимаешь, что рациональное зерно во всём этом есть. Бесконечно отсиживаться в обороне у нас не получится. Численное преимущество немцев, по крайней мере на новороссийском участке, колоссально. Наши потери в людях и технике, в отличие от них, не восполняются. А тем временем за «Голубой линией» сжимается опаснейшая пружина, которая в любой момент может распрямиться в нашу сторону. Очевидно, что продолжать в том же духе – верное самоубийство, и это все понимают. Таким образом, первоочередная наша цель –

разрушить или хотя бы ослабить «Голубую линию», чтобы снять тем самым угрозу надвигающегося удара.

Куников недоверчиво посмотрел на карту, внимательно провёл пальцем по всей длине мощнейших немецких укреплений и опять вопросительно взглянул на командира штаба.

— А никто и не собирается штурмовать её... — улыбнулся Холостяков. — Идея Ставки в том, чтобы захватить плацдарм на западном берегу Цемесской бухты, где-нибудь недалеко от Новороссийска, чтобы мы могли регулярно и оперативно снабжать его оружием, боеприпасами, продовольствием и, если потребуется, даже поддерживать нашей артиллерией. Во-первых, немцы не двинутся вперёд, пока не уничтожат этот плацдарм, а мы, конечно, сделаем всё возможное, чтобы превратить его в ещё одну Балку Адамовича. А во-вторых, если, дай бог, нашим войскам удастся — не знаю, правда, как, но очень надеюсь — справиться с Паулюсом под Сталинградом, то при переходе всего фронта в наступление у нас будет готовый плацдарм для освобождения Новороссийска со всей его богатейшей портовой инфраструктурой и географическими возможностями.

— На словах звучит, конечно, прекрасно. Хм... — плохо скрывая сомнение, хмыкнул Куников. — Остаётся только найти людей.

— Людей мало, Цезарь, ты прав. И с каждым днём их становится всё меньше. В Ставке это понимают, поэтому хотят действовать как можно раньше. Ты лучше меня знаешь, что тактические задачи подобной сложности решаются лишь путём огромной концентрации сил для создания численного превосходства в направлении удара. Но в наших условиях создание такой кон-

центрации на одном участке неизбежно сопряжено с критическим ослаблением на всех остальных. Мало того, что на Германию сейчас работает вся европейская промышленность, десятки тонн первосортного новороссийского цемента прямо с захваченных складов пошли на строительство мощнейшего кольца укреплений вокруг города. Прорвать их нашими скудными силами ни с севера, ни с востока невозможно. Поэтому морской десант — единственный выход. Генерал Петров обещал выделить из резерва сорок седьмой армии пятнадцать тысяч человек, танки и артиллерию. Этого должно хватить для высадки в районе Южной Озерейки. Все сходятся во мнении, что это лучшее направление для удара.

— А сам-то ты что думаешь, Георгий Никитич? — прямо спросил Куников.

— Если честно, я в значительной степени разделяю твой скептицизм. Хотя бы просто потому, что как морской человек я вижу множество сложностей в столь масштабной десантной операции, тем более прямо под носом у сильного опытного врага. Ну, а с другой стороны, не сидеть же, действительно, дожидаясь, пока тебя прихлопнут, как муху. Поэтому я, со своей стороны, согласился с общей концепцией, но предложил параллельно с основным десантом высадить в черте города отвлекающий, который в первые несколько часов оттянул бы на себя как можно больше сил противника, позволяя нашим ребятам закрепиться на берегу в Южной Озерейке.

— Это правильно! — быстро осмыслив услышанное, проговорил Цезарь.

— То же самое сказали и в штабе армии... — улыбнулся Холостяков. — На том и разошлись. Они занимаются

основным десантом, а мы здесь – отвлекающим. Собственно, над ним я сейчас и колдую.

Куников ненадолго задумался. Он молча сидел, положив ладонь на рукоять заткнутого за пояс штык-ножа, и внимательно рассматривал разложенные на столе карты. Кожа на лбу отливала жёлтым светом солнечных лучей, падающих из окна. Неожиданно сверкнули, словно угольки, его дерзкие карие глаза, и многозначительная улыбка обнажила крепкие блестящие зубы. Он встал со стула и, с силой опершись пальцами о стол – так, что костяшки побелели от напряжения, сказал хрипловатым голосом:

– Доверь отвлекающий десант мне, Георгий Никитич! Похоже, мне есть за что поквитаться с фрицами.

Холостяков не понаслышке знал, что природные мягкость и обаяние этого человека с красивым, светящимся добротой лицом не были обманчивыми, но неизменно сочетались с исключительной настойчивостью и огромным мужеством, не раз позволявшими ему выполнять самые сложные боевые задачи. Тем не менее он помедлил с ответом.

– Сперва посмотри, что ждёт этот отряд, Цезарь. Если верить добытой Мэри карте, – а я, как ты понимаешь, в отличие от Бурова верю каждой пометке на ней – в новороссийском порту, на набережной, на пляжах неприятельская оборона начинается от самого уреза воды. Везде – колючая проволока и мины. На молах и пристанях – пулемётные доты, и каждый будет бить в упор по подходящим судам и десантникам. А дальше – массивные каменные здания и опорные пункты с орудиями на всех этажах, линии инженерных заграждений и ещё чёрт знает что. Подходы к порту и внутренний рейд пристреляны

десятком артиллерийских батарей. Порт охраняют особые отряды, укомплектованные в основном баварцами из семьдесят третьей пехотной дивизии, считающейся в вермахте одной из лучших. За их спинами – Франция, Перекоп, Керчь и Севастополь. А что смогу выставить я? Не больше трёхсот человек. И тех придётся наскребать с огромным трудом по и без того ослабленным подразделениям. Уже представляю, какие разговоры мне предстоят с командирами. А ведь забирать придётся лучших из лучших, чтобы бросить их в такое пекло, из которого обратного пути может не быть. И всё это ради того, чтобы выиграть пару часов драгоценного для нас времени.

Услышанное, похоже, не произвело на Куникова сильного впечатления. Ни один мускул не дрогнул на его лице, ни тени сомнения не промелькнуло в глазах.

– Если доверишь этот десант мне, Георгий Никитич, – уверенно сказал он всё тем же ровным голосом, обнажая зубы в словно насмехающейся над грозящей опасностью улыбке, – я лично отберу ребят и подготовлю их. Обещаю тебе, мы наведём там такого шороха, что ни один фашист не выползет из Новороссийска дальше Мысхако, пока будет жив хоть один мой морпех.

Холостяков не был готов сейчас принимать столь ответственное решение. Он давно знал Куникова и верил ему так же, как себе. Но Цезарь Львович не был кадровым командиром. Инженер по образованию, он проделал стремительный трудовой путь от мастера токарного отделения Московского завода шлифовальных станков, больше известного в народе как «Самоточка», до директора Научно-исследовательского института технологии машиностроения. На последнюю должность Куников был назначен в мае 1939 года – за месяц до своего трид-

цатилетия. С одной стороны, столь ураганной карьере молодой инженер был обязан масштабным репрессиям, охватившим страну в предвоенные годы и расчистившим для него, как и для многих других молодых специалистов, дорогу к высоким должностям. С другой же – следовало признать, что он не только обладал незаурядными организаторскими способностями и громадной технической эрудицией, но никогда не боялся браться за новое сложное дело, которое благодаря колоссальной работоспособности осваивал всегда глубоко и скрупулёзно. Коллеги знали Цезаря как строгого и неумолимого профессионала, которому тем не менее никогда не изменяло чувство меры и такта. В безжалостном огне военного времени эти черты характера быстро переплавились в железное самообладание командира, не теряющегося в самой сложной обстановке.

Пожалуй, именно поэтому на любого человека, незнакомого с подробностями его биографии, Куников производил стойкое впечатление кадрового военного. Подтянутый, сильный – годы изнурительных тренировок по английскому боксу и самбо давали о себе знать, в форме, которая ладно сидела на нём, как влитая, он естественно и привычно соблюдал правила армейской субординации. Крайняя сдержанность также всегда была отличительной чертой его характера. В беседах с высшими военачальниками Куников изъяснялся спокойно и лаконично, ясно выражая любую мысль, что мгновенно выдавало глубокий ум, силу воли и богатый жизненный опыт.

– У меня пока не было приказа отбирать людей, Цезарь... – медленно выговорил Холостяков, не сводя глаз с младшего товарища. – Как я сказал, информа-

ция об этих планах пока закрытая, и я занимаюсь лишь выработкой общих тактических соображений, которые будут рассмотрены Ставкой. Но раз уж ты завёл об этом речь, скажи, что бы ты предложил, будучи командиром десанта?

– Во-первых, – ни на секунду не задумавшись, начал Куников, – десант со всеми приданными транспортными средствами и силами поддержки должен подчиняться отдельному командиру, отвечающему за все его действия независимо от основного десанта.

– То есть не хочешь иметь над собой начальников? – иронично усмехнулся Георгий Никитич.

– Я... В смысле – командир десанта, – не улыбаясь в ответ, серьёзным голосом поправился Куников, – и так будет действовать на пределе возможностей. Сам факт вспомогательной высадки должен рассматриваться основным десантом как усиленное содействие, а не обязанность с нашей стороны. Никто не знает, что может произойти, и с чем реально предстоит столкнуться. Каждый наш шаг будет зависеть от тысячи непредвиденных мелочей и факторов, реагировать на которые придётся молниеносно. Подчинённость кому-либо в таких условиях, да ещё и на расстоянии – худшее, что можно придумать.

– Что ж, согласен... – немного поразмыслив, ответил Холостяков. – Давай дальше.

– Во-вторых, – продолжил Цезарь, – связь между штабом, десантом и силами поддержки должна осуществляться самым надёжным образом. Полагаю необходимым создать и засекретить вплоть до непосредственного времени высадки отдельный код, по которому будет осуществляться передача всех шифрограмм с плацдарма.

– Это будет сложнее, – вздохнул Георгий Никитич, – но точно не лишним. С этим тоже согласен. Что ещё?

– И, пожалуй, последнее, но самое важное. Отбор людей должен осуществляться на основе строжайшей добровольности. До каждого нужно довести полную информацию, на что мы идём... Точнее, десант идёт, – вновь поправился Куников. – Никакого принуждения!

– За это я вообще обеими руками! – ответил Холостяков. – Спасибо тебе за эти замечания, Цезарь. Обязательно включу их в доклад, с которым завтра поеду в Ставку. И знаешь что? Пожалуй, действительно сообщу, что командиром десанта будешь ты.

Куников едва заметно покачал головой, как будто с самого начала был уверен, что добьётся своего.

– Ну что, по рукам? – выпрямился Георгий Никитич, протягивая открытую для рукопожатия ладонь.

Цезарь не шелохнулся и продолжал неподвижно сидеть на стуле перед столом командира штаба, не спеша принимать предложенное рукопожатие.

– Пока нет. Не по рукам... – после неестественно долго затянувшейся паузы проговорил он. – Ребят моих из кутузки энкавэдэ как будем вытаскивать?

Добродушная улыбка на лице Холостякова сменилась напряжением. Протянутая рука, словно плеть, повисла вдоль туловища. Он знал, как тяжело, в отличие от многих других командиров, Куников мирился с потерями, в чём кто-то усматривал слабость, но Георгий Никитич знал, что в этом была сила Цезаря. Солдаты шли за ним безоглядно, твёрдо зная, что ни одна из жизней не оборвётся зря и за каждую каплю их крови враг заплатит вдесятеро дороже.

– Это вряд ли возможно... – натужно пробасил Холостяков. – Неужели ты думаешь, что я не сделал всего, что только мог?

– Уверен, что сделал, Георгий Никитич. Но я-то пока нет, – печально улыбнулся майор.

– Поверь, Цезарь, дело труба! Я уже всё перепробовал. Тем более, энкавэдэ – не та контора, с которой можно так просто...

– Ты ведь говорил, что немецкая оборона в Новороссийске начинается от самого уреза воды, их доты там прямо на берегу, – тактично, но настойчиво перебил его Куников.

– Я много чего говорил. Ну да, в том числе и про доты у уреза воды. Только какое это имеет отношение к нашему...

– А ты не думал, что их можно уничтожить торпедами со стороны моря? То есть прямо непосредственно перед высадкой десанта.

Если бы эти слова произнёс кто-то другой, Холостяков бы наверняка решил, что тот просто сошёл с ума. Но Цезарь с самого начала войны зарекомендовал себя как боец изобретательный и способный на гениальные по своей нешаблонности ходы, залогом эффективности которых было его блестящее инженерное образование...

...Начало войны застало Куникова в вагоне поезда Москва – Ленинград. Едва сойдя на перрон, он направился не на совещание по экономии стратегического сырья, из-за которого прибыл в северную столицу, а в ближайший военкомат и уже через несколько недель активно занимался формированием 14-го отряда водного заграждения. 186 человек под его командованием упорно трудились над строительством и укомплектованием неболь-

шой речной флотилии в подмосковных Химках. В начале августа 1941 года на воде качались два десятка готовых маленьких осведовских полуглиссеров НКЛ и несколько более мощных ЗИСов – все с деревянными корпусами и безо всякого вооружения, которое негде было достать.

Вместе со своим заместителем Вениамином Богословским, тем самым, который принял вместо него бой с фашистами на Балке Адамовича у новороссийских цементных заводов, Куников направился к известному конструктору Б.Г. Шпитальному и по его протекции добыл двадцать авиационных пулемётов ШКАС и пятнадцать ротных миномётов, совершенно не подходивших для малых речных судов. Однако пришлось довольствоваться и этим, поскольку ничего другого в распоряжении Народного комиссариата обороны СССР не было. Цезарь лично выполнил чертежи и при помощи подчинённых провёл необходимые работы по повышению остойчивости катеров и установке на них добытого оружия. Направленный осенью 1941 года на Азовское море отряд стал ночным кошмаром гитлеровцев. Манёвренность и компактность плоскодонок удивительно сочетались с их огромной огневой мощностью: ночью суда рассредоточивались в высоких камышах, а днём, практически незаметные в своей засаде, обрушивали шквал огня на колонны наступавших немцев.

Зимой, с началом ледостава, лёгкие катера с деревянными корпусами больше не могли действовать вдоль побережья. По приказу контр-адмирала С.Г. Горшкова, командующего Азовской флотилией, Куников возглавил отряд морской пехоты, которому было поручено нарушить коммуникации противника, рвавшегося к Ростову-на-Дону.

Январь 1942 года выдался на редкость суровым. Толстый лёд в устье Дона значительно расширил площадь охраняемого рубежа, а вместе с ним – возможности для немецких диверсантов, поскольку отряд Цезаря был физически не в состоянии перекрыть столь протяжённую береговую полосу.

На выручку пришла другая остроумная выдумка Куникова, который поставил своих людей на коньки, выточенные в полевых условиях. Моряки на огромной скорости – стремительно и бесшумно – прочёсывали всё замёрзшее устье, не оставляя медленно крадущимся сквозь непроглядную метель фашистским разведчикам ни единого шанса. Невообразимая мобильность куниковских «охотников», как прозвали их фрицы, сделала береговую линию в районе Ростова-на-Дону полностью непроницаемой для врага.

Но, подчиняясь логике общего отступления советских войск, к лету 1942 года и этот рубеж пришлось оставить. «От Азова до Тамани, – писал Цезарь 28 июня 1942 года своей жене Наталье в одном из немногих писем, которые удалось отправить с фронта, – с боями, 5 раз выходя из окружения, мы шли на наших маленьких катерах, с трудом пробиваясь сквозь шести-, семи-, девятибалльный шторм. Часть утонула. Большинство выдержало. Здесь, едва сойдя с корабля и не успев обсохнуть от морской воды, я был назначен командиром 305-го батальона морской пехоты».

Батальон, сформированный за неполные сутки, сразу же принял бой с 73-й немецкой дивизией. Почти десятикратное численное превосходство не принесло врагу ожидаемого успеха – фашисты продвигались черепашьями шагами по трупам собственных солдат.

Растянувшись по фронту на семнадцать километров, 305-й батальон сдерживал атаки шести немецких батальонов, поддержанных артиллерией, танками и авиацией. И куда бы ни совался противник, его везде встречала ожесточённая пушечная стрельба, хотя формально ни танков, ни артприкрытия у Куникова не было – стреляли 45-миллиметровые пушки, установленные на деревянные автоплатформы из-под брошенных прожекторных установок. Рабочие Краснодарского завода имени Г.М. Седина по чертежам Цезаря покрыли их бревенчатый настил специально изогнутыми стальными листами, образовывавшими упругую амортизационную подушку, не позволявшую дереву расколоться при отдаче.

«Эрзац-танки», как прозвали очередное куниковское изобретение защитники Таманского полуострова, скорее всего, позволили бы 305-му батальону ещё долго сковывать значительно превосходившие их силы фашистской пехоты, но вновь, следуя беспощадному движению линии фронта, непреклонно откатывающейся на восток, пришлось отступить к Геленджику, взорвав уцелевшие машины, которые было невозможно протаскать по камышовым зарослям Кизилташского лимана и узким перевалам крутого Маркотхского хребта...

Холостяков пристально смотрел на Цезаря, тщетно сясь понять, что у того на уме на этот раз.

– Звучит, как сказка о ковче-самолёте... – наконец произнёс он. – Кто же, по-твоему, сделает нам такие чудоторпеды, которые будут выскакивать из воды, взрывая береговые доты?

– Андрей! – быстро ответил Куников. – Ты сам мне рассказал, что он загребел в лапы к Бурову именно за то, что собрал пару десятков таких торпед. Прикажи

выдать мне чертёжные принадлежности и дай время до завтрашнего утра. Переделать инерционный ударник и загнать торпеду на пляж – на самом деле не такая уж сложная задача. Я подготовлю чертежи и всю техническую документацию, которую ты завтра сможешь захватить с собой в Ставку и доложить, что Новицкий действовал по указанию штаба Новороссийской военно-морской базы, разрабатывавшей опытные образцы таких торпед в преддверии готовящейся операции в режиме строжайшей секретности. Этим, мол, и объясняется то, что никто ничего не знал. Уверен, там легко найдут управу на Бурова и заставят его отпустить Андрея. Что касается Мэри, то, как я думаю, подлинность и достоверность карты уже ни у кого не вызывает сомнений. Поэтому, как только решится с Новицким, вопросы и к Энделю отпадут сами собой. Как ты понимаешь, Георгий Никитич, начать формирование нашего с тобой отряда особого назначения я бы хотел именно с уцелевших бойцов своего батальона. Помоги, пожалуйста, мне и ребятам, и мы тебя не подведём.

Налетевший порыв ветра плеснул в окна звенящими россыпями мелкого града. Твёрдые зёрна звонко и часто задолбили в дребезжащее стекло, словно брошенные пригоршни мелкого гравия. Суровая черноморская зима своими превосходящими силами давала первый серьёзный бой обессилевшей осенней природе, заковывая её в колючие торосистые льды. Но Холостяков уже видел мир совершенно в других красках. Радость от встречи с давним другом и укрепившаяся благодаря ему вера в решении многих проблем, ещё несколько часов назад казавшихся непреодолимыми, приятно грели сердце.

– Обещаю, что сделаю всё от меня зависящее, Цезарь! – твёрдо сказал он, уверенно протягивая для рукопожатия широкую ладонь и с удовольствием ощущая, как Куников крепко сжал её...

Глава XVI

Обычный день слякотной черноморской зимы клонился к вечеру. В нахмуренном небе низко висели свинцовые тучи, готовые в любой момент разразиться мокрым снегом или градом. Тоскливо догорал воспалённый закат. Над его перевёрнутым изображением, размазанным невысокими широкими волнами по поверхности угрюмого моря, сгущались, наводя уныние, серые сумерки. Окутанное плотными облаками солнце тусклым багровым шаром медленно скатывалось за горизонт. Между складками гор размашисто петляла крутыми углами узкая серпантинная дорога. По её обочинам дрожали на пронизывающем ветру стволы окочен-

нелых деревьев и ветки чахлых кустов, тонко покрытые хрустальным ледяным панцирем.

Из-за поворота донёсся дружный топот нескольких десятков пар сапог, и через какое-то время на дороге появилась группа из пятидесяти тяжело бегущих морских пехотинцев. Неровно летящие, вихрящиеся в морозном воздухе студёные снежные хлопья кололи их красные разгорячённые лица. Струи пота градом скатывались из-под шапок-ушанок и замерзали на ледяном норд-осте, больно стягивая кожу. Неприятно липли к груди и спине взопревшие под потёртыми ватниками тельняшки. Ремни, грузно оттянутые гранатами, сбились. Громкое прерывистое дыхание слышалось далеко вокруг.

В первых рядах бежали Андрей Новицкий и Эндель Мэри, титаническими усилиями Холостякова и Куникова вырванные из лап НКВД. Сам Цезарь бежал позади отряда, подбадривая людей и подгоняя отстающих.

– Не снижать темп! – грозным рокотом прорывался его голос сквозь упругие нахлёсты свистящего норд-оста. – Тяжело в учении, ещё тяжелее в бою. Так что не расслабляться!

Пару недель назад Холостяков, во время визита в Ставку получивший вместе со званием контр-адмирала указания приступить к формированию первой группы вспомогательного десанта, вызвал к себе подчинённых ему командиров всех рангов и распорядился отпускать в распоряжение Куникова любых людей, которые выразят желание войти в отряд особого назначения. Однако сам майор отбирал не всех. Он лично беседовал с каждым, выясняя мотивы и настроения, отдавая предпочтения тем, кто мог внятно объяснить, зачем соглашается на

участие в опаснейшей десантной операции, и с ходу отказывая пускавшимся в пространные рассуждения.

Беседовать с Мэри и Новицким пришлось ещё в камере НКВД. После возвращения Холостякова из Ставки со всеми необходимыми документами Цезарь ни минуты не сомневался в успехе своей задумки, однако Буров до последнего тянул с подписанием приказов.

– Я помню тебя смелым самоотверженным солдатом... – говорил Куников, положив руку на плечо Андрея. – Но прекрасно понимаю, что беспредел энкаведешников может вызвать отвращение у кого угодно и сильно подорвать веру в то дело, ради которого мы сражаемся...

– Не знаю, за какое дело сражаетесь лично вы, товарищ майор, – воспользовавшись секундной заминкой Цезаря, быстро ответил Новицкий, – а я каждый шаг по этой земле делаю ради своей семьи и подруги Полины, которые остались в Новороссийске. На всё остальное, что бы вы ни имели в виду, мне глубоко плевать. Если выберусь отсюда, в числе первых пойду в этот десант и буду драться до последней капли крови, даже разорванным на части. Я должен быть там, товарищ майор! Обязательно возьмите меня!

– А твоя цель? – спросил Куников у Мэри, убедившись, что мотива, прочнее, чем у Новицкого, подобрать сложно.

– Мстить... – коротко ответил Эндель. – За три недели, проведённые в городе, я увидел такие зверства, какие иные не совершат за тысячи лет. Я сбился со счёта, скольких детей, женщин и пленных солдат фашисты на моих глазах убили или замучили до смерти. Каждый раз был готов пожертвовать собой, чтобы спасти хоть одного из них. Останавливало лишь то, что я должен был любой

ценой остаться в живых, чтобы выполнить задание и вернуться. По крайней мере, там мне казалось, что здесь ждали моего возвращения... – поправился Мэри. – Впрочем, всё равно до конца жизни мне будут сниться изуродованные лица людей, мимо которых я вынужден был безучастно пройти. Чтобы отомстить за этих несчастных, пойду за вами в любой ад, товарищ майор, потому что ничего страшнее того кошмара я уже нигде и никогда не увижу.

– Обещаю, что у тебя будут все возможности отомстить сполна, Эндель! – твёрдо сказал Цезарь и, обращаясь к обоим, добавил:

– Тогда всё решено. Сразу после освобождения – мигом ко мне!

Несколько дней спустя, ранним морозным утром, когда белёсый туман обволакивал город, покрывая кожу мурашками, оба прямо из камеры явились на Тонкий мыс, где Куников собирал первую из пяти боевых групп своего будущего отряда, и встали в строй, в котором к тому моменту было не больше пятидесяти человек.

Защитники Одессы и Севастополя, участники фео-досийского и керченского десантов, выстоявшие в тяжелейших боях на Тамани и в обречённом Новороссийске, – все эти закалённые в адском горниле безысходности первого года войны морские пехотинцы пока ещё плохо представляли, что оставшиеся за их спиной сражения были лишь подготовкой к главной битве в их жизни.

Зыбкая пора декабрьского рассвета, переходившая в холодное ветреное утро, слабо заливалась на тихом безмятежном востоке пастельно-розовым румянцем. С запада, из района цементных заводов, доносился привычный грохот ожесточённого боя.

Каждый острый щелчок одиночных винтовочных выстрелов, вонзающийся в раскатистое басовитое гудение крупнокалиберных пулемётов, зловещим метрономом отсчитывал в мозгу Цезаря ускользающие, как сухой песок сквозь пальцы, бесценные для его отряда дни, часы и минуты. Покрытая мелкими кристаллами льда шапка-ушанка была низко надвинута на нахмуренный лоб и крепко завязана тесёмками на небритом подбородке. Перекрикивая грохочущий морской прибой, взметающий высоко к небу пенные шлейфы брызг, он обратился к бойцам:

– В этом строю – только добровольцы! У каждого из вас были собственные мотивы и причины сделать выбор, но с этой минуты мы связаны единой целью и общей участью. После того как мы высадимся на западном берегу Цемесской бухты, обратного пути не будет. Драться придётся без преувеличения против стократно или больше превосходящих сил противника без возможности манёвра и отступления. И противник этот невероятно силен. Я помню, как в одном из первых боёв на Дону немецкая мотоциклетная колонна, не сгибаясь и ни на секунду не теряя равнения, шла под сплошным ураганным огнём, который мы вели из засады со своих катеров. И выйти из сектора обстрела с минимальными потерями им помогли железная дисциплина и выучка. Это произвело на меня глубокое впечатление, которое только усиливалось с каждым последующим боем. Можно сколько угодно презирать фашистов за их первобытное скотство и бессмысленную звериную жестокость, но воевать они умеют и пока делают это лучше всех. Нам предстоит соревноваться с ними не в широте души, а в умении убивать друг друга. Поэтому перед тем, как мы приступим, я послед-

ний раз спрашиваю: точно ли вы согласны на участие в этом десанте? Каждый, у кого есть хоть капля сомнения, пусть выйдет из строя. Никто не посчитает это трусостью. Возможно, напротив, – оставшись здесь, вы принесёте больше пользы. Даю минуту на размышление...

Над снегом в рваных складках каменистого пляжа трещали от порывистого ветра короткими оголёнными сучьями редкие кусты. Морозный норд-ост безжалостно швырял в лица колючую снежную крошку и тихо гудел в ушах. Минута прошла в полном безмолвии. Ни один боец не пошевелился.

– Напра-а-во! – резко скомандовал Куников. – Бегом марш!

Начались упорные тренировки. Вслед за Цезарем десантники в полном обмундировании, с гранатами на поясе и с автоматами на шее спрыгивали с деревянных макетов катеров в обжигающе студёную воду и насквозь промокшие карабкались на пронизывающем ветру по десятиметровой обледенелой крутизне береговых обрывов, сложенных из хрупких слоистых мергелей, хрустко ломавшихся под сапогами и разрезавших до крови околеченные пальцы. Мокрый ветер острыми ударами сёк в лицо, выдавливая слёзы из глаз и ослепляя тысячами ледяных игл. Едва солдаты выбирались на вершину склона, из-за одинокого камня неожиданно вылетала учебная граната. Они вмиг падали на землю, покрытую ледяной грязью, а боец, оказавшийся к гранате ближе всего, кому при взрыве не было бы спасения, молниеносно отбрасывал её обратно в ту сторону, откуда она прилетела. Такие навыки Куников оттачивал со своим отрядом до автоматизма. До подсознательной машинальности тренировались десантники и в стрельбе по звуку, и в

метании гранат из любого положения, учились быстро окапываться и перемещаться короткими перебежками, постоянно меняя позиции.

Под скрупулёзным контролем майора подробно изучались добытые в последних боях с немцами и их союзниками пулемёты, миномёты и орудия всех систем, какие им, возможно, предстояло захватить во время первого броска и затем повернуть против фашистов. С завязанными глазами они разбирали и собирали хорошо знакомое русское, ленд-лизовское английское и трофейное немецкое оружие, отрабатывали приёмы самбо и способы метания штык-ножей. На очередном совещании у Холостякова было решено, что для бо́льшей мобильности отряд будет иметь с собой только гранаты и автоматы с максимально возможным количеством патронов. Всё остальное, что может потребоваться в зависимости от складывающейся обстановки, предстояло добывать в неравном бою.

Большое внимание уделялось медицине. Под руководством опытных докторов солдаты вместе с Цезарем учились останавливать кровотечения, бинтовать друг друга и даже накладывать шины при переломах. Майор также настоял, чтобы отряду был предоставлен опытный инструктор по сапёрному делу, под контролем которого десантники учились распознавать минные поля и осуществлять разминирование местности.

С каждым днём Куникову становилось всё очевиднее, что солдат надо готовить к ночному бою. Он прекрасно понимал его запредельную даже для опытных командиров сложность, требующую стальной воли и величайшей стойкости духа, умения безошибочно ориентироваться вслепую, грамотно рассчитывать время и

корректировать манёвры своего отряда по едва заметным в оглушающем грохоте сражения шумам и по ярким ослепляющим вспышкам выстрелов. С присущей ему тщательностью Цезарь лично разработал систему коротких команд и жестов, которые облегчали и ускоряли управление, добивался, чтобы солдаты по голосу и даже по шёпоту безошибочно узнавали друг друга в ночи – темнота помогала ему сберечь людей. Расчётливый и предусмотрительный, он всегда сторонился геройского бахвальства, зачастую называвшегося фронтовыми корреспондентами самоотверженностью, и признавал смерть только неизбежную и неотвратимую, за которую враг заплатит втридорога...

– Ускорились, бойцы! Последний участок! – прокричал Куников сквозь белёсую пелену начинавшегося снегопада, наблюдая, как бегущие впереди него, утомлённые длинным марш-броском пятьдесят шатающихся на напористом ветру фигур в промокших от пота и снега ватниках поднимаются по восходящему серпантину. Издали майор видел, как они, мелькая один за другим на фоне пламенеющего морозного заката, ныряют в широкий просвет между обледеневшими скалами.

Не успел хвост колонны втянуться за поворот, как оттуда с раскатистым эхом прогремели несколько длинных автоматных очередей, на которые мгновенно ответили десяток других. Цезарь быстро догнал солдат и, расталкивая их сильными движениями, выбежал вперёд. В начале колонны, уткнувшись ещё горячими лицами в обтаивающий вокруг них снег, лежали четверо убитых краснофлотцев. В тридцати-сорока метрах перед ними беспорядочно валялись около десятка расстрелянных

его бойцами диверсантов из немецкого разведотряда, на который они случайно натолкнулись за поворотом, а вдаль по дороге, уже почти растворившись в пелене усиливающегося снегопада, бросив оружие, убегали трое уцелевших фашистов.

– Догна-ать! – проревел Куников и первым бросился в погоню.

Отряд, утомлённый продолжительным марш-броском, нагруженный тяжёлым оружием и болтающимися на поясе гранатами, был не в состоянии догнать бежавших налегке немцев, и через несколько минут стало очевидно, что фашисты с каждым шагом всё сильнее отрываются от преследователей.

Выбившийся из сил и почти падающий от изнеможения Новицкий заметил, что немцы приближаются к широкой дорожной петле, которую во время их совместного с Щербаковыми похода накануне войны умело обошёл его отец, срезав дорогу по едва заметной, пролежавшей через лес тропинке. Быстро отыскав её взглядом, Андрей стащил с шеи автомат, отстегнул ремень с гранатами и, отшвырнув их на обочину дороги, отделился от отряда. Сшибая на бегу снежные шапки с нависающих на тропинку обледеневших веток, он бросился по короткому пути наперерез и, выбежав на противоположную сторону опоясанной дорогой горы, увидел пробегающих мимо него фашистов.

Собрав последние силы, Новицкий ринулся вниз и, скатившись кубарем с высокого уступа, сшиб с ног последнего. Между ними завязалась отчаянная драка, но спустя несколько секунд на выручку немцу подоспели двое других. Избиваемый с трёх сторон Андрей отчаянно цеплялся за каждого, не позволяя бежать дальше.

Поняв, что так просто им не отделаться и слыша приближающийся из-за горы топот нескольких десятков ног, фрицы решили разбираться с Новицким более решительно. Один из них выхватил из-за ремня длинный нож и бросился на Андрея. Тот, используя хорошо заученные приёмы самбо, перехватил руку, вывернул в кисти и, выбив финку из разжавшихся от болевого приёма пальцев, точным коротким ударом воткнул её в живот нападавшему. Не успел Новицкий оттолкнуть от себя обмякшее тело, как второй немец плотно обхватил его сзади, крепко прижав руки к туловищу, а третий, подскочив почти вплотную, широко замахнулся ножом, намереваясь всадить его Андрею прямо в сердце. Но внезапно он замер и, словно одеревеневший, повалился в сторону.

Позади стоял Куников, сжимавший в вытянутой руке ТТ с дымящимся стволом. Последний фашист сразу же отпустил Новицкого и, бросившись на колени перед майором, быстро и еле слышно залепетал что-то по-немецки. Он ползал по земле, подобострастно складывая на груди трясущиеся от страха руки, и плакал, широко размазывая грязными ладонями слёзы по бледному лицу.

В этот момент к ним подбежали отставшие на марше десантники.

– Двадцать человек – вернуться назад! – громко скомандовал Цезарь. – Забрать тела наших погибших и обыскать трупы фашистов. Оружие, документы, личные вещи – взять всё, что сможете унести. Мэри – ко мне! Сейчас послушаем, что лепечет этот размазня.

Услышав приказ, Эндель быстрыми шагами подошёл к Куникову, но, увидев оставшегося в живых фрица,

замер как вкопанный. Немец тоже ошарашенно сверлил Мэри испуганными и изумлёнными глазами.

– Спроси его имя, звание и из какой он части! – сказал Цезарь.

Эндель немного помедлил, словно обдумывая и вспоминая что-то, и, не переводя вопрос, сам ответил майору:

– Его зовут Вильгельм Шульц, гренадер двадцать третьей дивизии семнадцатой армии вермахта. При штурме Новороссийска был ранен из пулемёта в живот. Несколько недель провёл в госпитале, затем до полного выздоровления был направлен в санитарный взвод – тот самый, который подобрал меня, когда я ушёл в разведку в тыл к немцам в минувшем октябре. Очень рвался обратно на фронт, чтобы, как он выразился, «продолжить истреблять вонючих русских свиней». Я так понимаю, его мечта сбылась, но он, похоже, не очень этому рад...

Губы Куникова изогнулись в жёлчной усмешке:

– Спроси, какова была боевая задача их отряда? По какому маршруту они шли? Сколько подобных групп было направлено в сторону Геленджика?

Мэри подробно перевёл вопросы майора, но, вместо того чтобы ответить на них, Шульц на коленях подполз к Энделю, схватил его за руку и быстро заговорил:

– Рудольф, ты же помнишь меня? Я обещал отомстить за тебя, братишка, потому что ты мне сразу понравился. Ты перешёл к русским? Давно? Скажи, что я тоже готов работать на них. Я сделаю, всё, что мне прикажут. Только пусть не убивают меня! И лишь бы не в Сибирь... Пожалуйста! Скажи это их командиру! Переведи...

– Меня зовут не Рудольф, и я русский! – сверкнув глазами, крикнул по-немецки Мэри, вырывая руку из

трясущихся пальцев Шульца. – Тебе лучше отвечать на вопросы моего командира.

Грязное лицо фашиста скривилось от смертельного разочарования. В приступе страха губы мелко задрожали, плохо скрывая рыдания. Не вставая с коленей, немец начал говорить. Цезарь внимательно слушал перевод и много спрашивал, по несколько раз уточняя детали.

– В целом всё ясно... – задумчиво произнёс он. – Пусть напоследок расскажет, что ему известно о том, как выстроена противодесантная оборона в городе и вокруг него.

– Я не знаю конкретных цифр, господин майор, – быстро заговорил Шульц, – но, по ощущениям, оборона довольно сильная на всём протяжении береговой линии, за исключением небольшого пригородного посёлка Станичка. Там нет никого.

– Как так? – удивился Куников.

– Запутанная история, господин майор. Я знаю лишь понаслышке, но если верить тому, что говорят, какая-то русская девушка якобы из-за мести за убитого немцами младшего брата сожгла находившуюся там казарму вместе со всеми солдатами, а командующий армии, по последним слухам, не хочет раскрывать это происшествие перед Берлином из-за личных амбиций. Поэтому он дал указание не подписывать никаких донесений и приказов на этот счёт. На самом деле, место и так непригодно для десанта: пологий берег, открытый со всех сторон, никаких укрытий, вокруг – плотное кольцо наших войск... Кто туда сунется?

– В принципе, верно... – согласился Цезарь, думая о том, как уверенно, должно быть, чувствуют себя немцы, не заботящиеся даже об элементарных мерах пре-

досторожности. «Неужели настолько убеждены в своей скорой победе?» Эта мысль одновременно озадачила и разозлила его.

– Господин майор! – визгливо взмолился Шульц, понявший, что допрос окончен. – Не убивайте, пожалуйста! Я вам рассказал всё, что знал. Каждое слово – чистая правда. Мне не хотелось на эту войну. Меня заставили. Я не мог отказаться. Дома ждёт невеста...

Он вытащил из кармана уже знакомую Мэри фотографию и протянул ему, чтобы тот передал Куникову.

– Её зовут Маргрет. Она очень любит меня и сильно расстроится, если я не вернусь.

Цезарь мимоходом осмотрел снимок с двух сторон, но, убедившись, что на нём нет никаких полезных для него отметок, протянул фотографию обратно Энделю со словами:

– Переведи, что его судьбу будем решать не мы, а контрразведка. Пусть им рассказывает про свою Маргрет...

Мэри взял у командира снимок, но не вернул его Вильгельму, а брезгливо отбросил в сторону и, быстро выхватив из-за ремня штык-нож, ударил фашиста в горло. Куников в последний момент успел перехватить его руку, однако полклинка всё же вошло в шею. Хрипя и забрызгивая кровью свежавывавший снег, немец упал на землю, извиваясь и корчась от боли.

– Какого чёрта, Эндель?! – грозно заорал Цезарь. – Что происходит, мать твою?

– В Новороссийске я видел, как он и его дружки убили маленькую девочку и её мать! – громко заговорил Мэри – так, чтобы его могли слышать окружившие их солдаты. – Затем он вырезал глаза, изнасиловал и после

этого убил ударом штыка в сердце девушку. Тогда я не мог ничего сделать, а был вынужден просто сидеть и смотреть на это. Но сейчас я убью эту тварь!

– Ты должен был сперва доложить мне... – как можно спокойнее произнёс Куников, но это – очевидно напускное – спокойствие как будто ещё больше вывело Энделя из себя.

– Плевать на доклады! – яростно крикнул он в лицо командира и, с силой оттолкнув его, вновь бросился с ножом на испуганно пятящегося назад фрица.

Цезарь тут же сбил Мэри с ног, с размаху бросил через бедро и, плотно вдавив коленом в колкий, студёно обжёгший щеку Энделя снег, прокричал – как будто не своим – совсем незнакомым в слепом бешенстве, разъярённым голосом:

– Совсем ополоумел, боец?! В штрафбат захотел?!

Толпа десантников неожиданно расступилась, и в центр круга вышел исполинского роста мускулистый украинец – косая сажень в плечах – Владимир Кайда, который не раз убивал фашистов в ближнем бою, особенно когда заканчивались патроны, несколькими ударами своих тяжёлых, как наковальни, кулаков. Он подошёл к скорчившемуся на земле Шульцу неторопливым размеренным шагом, поднял его за ремень и за шею, резко бросил на своё колено и сломал ему хребет. Послышался хруст лопающихся костей. Кайда поднёс несколько раз дёрнувшееся в агонии тело к Куникову и швырнул его под ноги командира.

– Есть в штрафбат! – громко и уверенно сказал он, становясь перед майором по стойке смирно.

Ещё один морпех вышел из толпы, тяжёлым ударом сапога разmozжил голову фашиста и, вытянувшись рядом с Кайдой, произнёс:

– Есть в штрафбат!

Рядом с ними тут же встали несколько человек. К ним присоединился Новицкий.

– Отставить! – закричал Цезарь. – Вы думаете, я бы сам не убивал каждую попавшуюся мне фашистскую мразь?! Не хуже вас знаю, что это за скоты, и какой смерти они заслуживают. Но есть правила, согласно которым мы обязаны доставлять живых пленных в соответствующие подразделения. Я никого из вас не накажу. Обещаю вам. По возвращении доложу, что все диверсанты были убиты в ходе завязавшегося боя, и вы это подтвердите. Ясно? Иначе в штрафбат отправлюсь я.

– Все поняли? Чтобы никаких лишних разговоров начиная с этой минуты! – громко произнёс Кайда. – Кто ослушается, будет иметь дело лично со мной.

Отряд гулко зашумел, давая понять, что в этом не будет необходимости.

– Хорошо! – сказал Куников.

Потом, показывая на уже припорошённые снегом тела фашистов, добавил:

– Прежде чем уйдём, обыщите трупы и заберите документы этих... людей.

Последнее слово он выговорил с трудом...

Глава XVII

Начало 1943 года на Чёрном море выдалось не слишком морозным и ветреным. Сереющий снег вперемежку с застойной грязью неплотно покрывал морщинистые, ставшие ещё более непроходимыми, опасными для передвижения в зимней распутице горы. Свинцовое небо тяжко нависало над ними пасмурной пеленой, изредка протыкаемой иглами одиноких солнечных лучей.

После ночного ливня воздух был свеж. Утренний морозец стянул лужи ледяной коркой. Видавший виды «виллис», продавливая узкими шинами неглубокие колеи в холодной размокшей земле, еле тащился по обочине раскисшей ухабистой дороги, со стуком и шарка-

нием цепляя дрожавшие на ветру ветки мелкого кустарника.

– Нельзя ли хоть немного быстрее? – не очень уверенно попросил Холостяков, зябко кутаясь в новую контр-адмиральскую шинель. – Меня, наверное, заждались.

– Сами видите, товарищ контр-адмирал... – лениво махнул на дорогу водитель. – Тот случай, когда тише едешь – дальше будешь.

Георгий Никитич вздохнул. Ему не терпелось поделиться новостями с ожидавшими его в штабе. Откинувшись на сиденье и положив руку на портфель, где лежал единственный экземпляр приказа, он с давно забытым удовольствием от редких минут вынужденного безделья посмотрел на проносящийся мимо него зимний лес. Ветки невысоких горных деревьев, словно извиваясь в танце, с шелестом колыхались из стороны в сторону. Слабый утренний свет с трудом пробивался из-за заслонивших неяркое раннее солнце лохматых облаков, неподвижно висевших над лесными уступами.

Медленно докатившись по узкой и извилистой просёлочной дороге до асфальта геленджикских улиц, водитель заметно ускорился.

Едва машина, громко скрипнув тормозами, замедлилась у дверей штаба, Холостяков, не дожидаясь полной остановки, выпрыгнул прямо в большую лужу перед подъездом и быстро взбежал по растрескавшимся ступеням к двери, заблаговременно открытой адъютантом.

В кабинете его ждали майор Цезарь Куников, уже официально назначенный командиром отряда особого назначения, капитан Андрей Зубков – командир 394-й батареи, которому было поручено артиллерийское обе-

спечение операции, и капитан-лейтенант Николай Сипягин, возглавлявший 4-й дивизион сторожевых катеров – лучшее в составе Новороссийской военно-морской базы подразделение, которому предстояло переправить отряд на западное побережье Цемесской бухты.

Контр-адмирал так стремительно вбежал в кабинет, что собравшиеся не успели встать. Холостяков быстрым жестом показал, что сейчас не до формальностей. Он небрежно накинул шинель на вешалку и, не скрывая волнения, уселся за свой стол, заваленный морскими картами и документами.

– Похоже, с нового года начинаем играть с фрицами по новым правилам... – сказал Георгий Никитич, окинув подчинённых искрящимися от возбуждения глазами, вытаскивая из портфеля бумаги. – Командующий фронтом подписал представленный генерал-лейтенантом Петровым окончательный план операции на нашем направлении и все соответствующие приказы. Сценарий комбинированного удара по немецкой «Голубой линии» предусматривает проведение двух операций: наступление на Краснодар – условное наименование «Горы», и высадка морского десанта юго-западнее Новороссийска – «Море». Мы задействованы во второй из них в качестве организаторов вспомогательной – отвлекающей – высадки.

Куников, Зубков и Сипягин начали делать быстрые пометки в блокнотах.

– Петров, как и обещал, выделяет до пятнадцати тысяч человек из резерва сорок седьмой армии, – продолжил Холостяков, зачитывая по тексту приказа недлинный список. – Восемьдесят третья бригада морской пехоты, сто шестьдесят пятая стрелковая бригада,

отдельные авиадесантный полк и пулемётный батальон, пятьсот шестьдесят третий танковый батальон и двадцать девятый противотанковый артиллерийский полк. Это всё, что удалось наскрести по крупницам, всё, что осталось у генерала Петрова для захвата плацдарма в Южной Озерейке недалеко от Мысхако, на который должна быть высажена двести пятьдесят пятая Краснознаменная бригада морской пехоты – последний козырь Ставки на новороссийском направлении. У нас же с вами для отвлекающего десанта будут не более трёхсот человек, и поэтому наша задача ещё более сложная и ответственная. Мы должны будем сделать всё возможное, чтобы основная высадка состоялась и необходимый плацдарм был захвачен. Нужно максимально сковать изматывающими боями крупные силы противника, хотя бы на несколько часов посеять панику, дезориентировать немецкое командование, обратить на себя как можно больше внимания, выигрывая драгоценное для главного десанта время. А затем... – Георгий Никитич немного замялся, будто сам не верил, что после многочасового боя трёхсот человек против пяти дивизий ещё может быть какое-то «затем». – А затем действовать по обстоятельствам: либо прорываться на соединение с основными силами, либо эвакуироваться... – наконец, выдавил он из себя.

Холостяков осторожно поднял глаза на Куникова. Тот быстро дописывал своим мелким чётким почерком в трофейной записной книжке последние сказанные слова командира базы, не выказывая ни капли беспокойства или сомнения на, как всегда, уверенном лице.

– Теперь поговорим о судах – резко сменил тему Георгий Никитич, обращаясь к Сипягину. – Наверное, излишне пояснять, что, поскольку наш десант в первую

очередь демонстративный, все необходимые плавсредства вместе с силами поддержки будут направлены в Южную Озерейку. Поэтому придётся довольствоваться лишь теми недобитыми дырявыми корытами, которые им не подошли... – с грустной досадой Холостяков перелистнул приказ на страницу со списком кораблей. – Один пограничный катер, шесть морских охотников, несколько тральщиков, среди них, кстати, эта старая рейдовая посудина «Скумбрия», что уже давно не даёт больше шести узлов, и ещё кое-что, на чём уже даже перед румынами плавать стыдно, не говоря о фрицах. «Тюлькин флот», в общем... – подытожил Георгий Никитич. – Правда, удалось настоять на нескольких торпедных катерах, которые понадобятся для нанесения ударов по береговым дотам. По душе пришлась Ставке твоя идея с сухопутными торпедами, Цезарь, – улыбнулся командир базы и добавил:

– Поступили заказы изобрести ещё и такую, которая сразу по Берлину долбанула бы...

Контр-адмирал хохотнул, и по тому, как он устало, но искренне засмеялся, было видно, что, несмотря на все сложности, Георгий Никитич верит в успех операции.

– Что касается артиллерии, – продолжил Холостяков, обращаясь к Зубкову, – то здесь всё более или менее ясно. Начиная с сегодняшнего дня, не привлекая большого внимания, в ходе ваших регулярных ударов по городу начинайте пристреливать наиболее важные цели. В момент высадки батарея должна сработать с ювелирной точностью, сметая всё, что может стать на пути отряда.

Последнее указание показалось бы избыточным даже самому командиру базы, поскольку Зубков был известен как высокопрофессиональный и талантливый артиллерист с хорошей интуицией и мгновенной реак-

цией, но Георгий Никитич хотел подчеркнуть серьёзность поставленной задачи.

– Разрешите высказать предложение, товарищ контр-адмирал? – воспользовавшись паузой, попросил Цезарь.

И, получив одобрителный кивок Холостякова, заговорил:

– К утверждённым планам, конечно, добавить нечего. Нахожу их вполне разумными и аргументированными. Тем не менее всё, что так легко решается в штабах, всегда сталкивается со множеством непредвиденных сложностей на поле боя. В этой связи я бы разработал запасной вариант высадки. Конечно, маловероятно, что он потребуется, но будет хуже, если его не окажется в случае острой необходимости.

Все внимательно слушали майора. Куников был известен тем, что никогда не пренебрегал мелочами. И в этом, пожалуй, крылся секрет его успехов там, где другие терпели неудачи.

– Что именно вы могли бы предложить, майор? – поинтересовался командир базы.

– Честно говоря, я уже набрался смелости до вашего приезда обсудить один вариант с коллегами. Мне представляется, что хорошей резервной целью мог бы стать пригородный посёлок Станичка на западной окраине города.

– И что думают остальные? – спросил Георгий Никитич.

– С артиллерийской точки зрения, – безусловно, намного более простая цель, чем центр города, – быстро ответил Зубков. – Однако я уже высказал Цезарю свои сомнения касательно целесообразности высадки там.

Это совершенно плоская местность, напрочь лишённая растительности и элементарных укрытий. Мы можем сколь угодно долго утюжить берег из всех стволов, но любой правильно укрывшийся отряд противодесантной обороны потопит катера с людьми ещё на подходе.

– Полностью согласен с капитаном Зубковым по поводу катеров, товарищ контр-адмирал, – добавил Сипягин. – Чисто с логистической точки зрения, Станичка и для нас, моряков, как и для артиллеристов, намного более простая цель – не придётся петлять между молами под обстрелом противника, на ходу прорывая боновые заграждения. Кроме того, это банально ближе, чем первоочередная цель. Но опять же остаются опасения за сам десант. Мне тоже кажется, что сражаться там нашим бойцам будет сложнее.

Холостяков раздвинул бумаги, лежавшие на карте и закрывавшие район Станички, и внимательно его рассмотрел. Это была достаточно обширная территория без единого деревца и кустика, без крупных бетонных строений, без источников пресной воды и даже без сколь бы то ни было пригодного рельефа – ни оврагов, ни балок, ни каких-либо других естественных укрытий. Действительно, всё это легко простреливалось насквозь с любой стороны.

Он задумчиво вздохнул, поднял глаза на Куникова и сказал:

– Капитан Зубков и капитан-лейтенант Сипягин, безусловно, имеют право настаивать только на том, что входит в сферу их компетенции – артиллерия и морская логистика. Бои на суше вести вам, майор. Поэтому решающее слово за вами. Не буду скрывать, для меня их доводы выглядят, по меньшей мере, убедительно и очень

аргументированно. Не удивлюсь, если ваша высадка там закончится после первой же встречи с немецким отрядом противодесантной обороны. Вы же, как я могу судить, не надеетесь, что фашисты перестали охранять берег? На черта вам эта Станичка?! Или вы знаете о чём-то, чего не знаем все мы?

– Конечно, нет, товарищ контр-адмирал. Мне известно не больше вашего... – солгал Цезарь. – Но на то это и резервный план, что он будет применён лишь в условиях кардинальной смены обстановки – как для нас, так и для немцев. А откуда в таких условиях фашисты в первую очередь снимут войска для усиления проблемных направлений? Разумеется, с наиболее защищённых точек, среди которых может быть и Станичка. Так что ничего особенно революционного я не предлагаю. Обычная тактическая логика. Что касается боевой подготовки десантников, то за неё полностью ручаюсь. Ребята оканчиваются за полминуты, владеют всеми видами оружия и готовы вести бой даже на такой равнинной местности.

– Хорошо, я согласен на этот вариант... – неуверенно проговорил Георгий Никитич.

И, обращаясь к Сипягину и Зубкову, добавил:

– Откровенно говоря, не очень понимаю, чем руководствуется майор, но он зарекомендовал себя как опытный командир, мнение которого стоит учитывать. Поэтому попрошу вас, капитан, разработать план резервного удара по указанному им району, а вас, капитан-лейтенант, лично пройти от Тонкого мыса до Станички мерной милей, чтобы рассчитать расстояние и требуемое время для его преодоления.

Затем, повернувшись к Куникову, командир базы произнёс:

– Вам же, товарищ майор, предстоит в течение ближайших нескольких дней завершить формирование своего отряда и приступить к усиленным тренировкам. Точного срока высадки я пока не знаю сам, но, по ощущениям, у нас остаются считанные недели.

На следующий день Холостяков приказал построить на восточной окраине Геленджика весь не занятый в текущих делах личный состав Новороссийской военноморской базы.

– Товарищи! – раскатистым басом прокричал он сквозь нависшую над городом сырую белую мглу позднего январского утра. – Вчера получен приказ о формировании отряда особого назначения для осуществления отвлекающего манёвра на западном берегу Цемесской бухты. Нам предстоит очень сложное и невероятно опасное даже по нашим черноморским меркам мероприятие. Поэтому приказываю всем командирам предоставить майору Куникову любых своих людей, которые изъявят такое желание. Я прекрасно понимаю, что это может серьёзно ослабить подразделения базы, но, поверьте мне, только осознание невероятной трудности предстоящей операции и чрезвычайной роли каждого её участника заставляют меня отдать этот приказ.

Он требовательно посмотрел на стоявшие перед ним длинные ряды бойцов, позади которых в неуютном зимнем море отражались слабые лучи непогожего утра. Небо было затянуто до самого горизонта пепельной гарью низко клубившихся туч. Воздух налился привычным для угрюмого черноморского января студёным запахом. Сильные порывы разгулявшегося ветра трепали одинокие кусты и тяжело толкали в спину. Ледяной

ливень, перемежаясь с мокрым снегом, мелкими острыми каплями хлестал по лицам.

Бодрой пружинистой походкой в центр полукруга, образованного выстроившимися бойцами, вышел Цезарь Куников.

– Всех новоросийцев прошу выйти из строя! – звучным басовитым голосом приказал он.

Около двадцати человек решительным шагом вышли вперёд и выстроились перед майором. Одним из последних к строю присоединился бывший механик Капустин, который после реорганизации судоремонтного цеха и для восполнения потерь был направлен рядовым в 83-ю бригаду морской пехоты.

– Поскольку речь идёт об освобождении вашего родного города, предоставляю вам право сделать свой выбор первыми... – объяснил Куников. – Кто согласен присоединиться к моему отряду – построиться по левому флангу, кто нет – встать обратно в строй. Однако сначала вы должны знать, на что идёте и что вас ждёт. Несколько часов подряд сразу после очень сложной высадки нам придётся драться против многократно превосходящих сил противника. Не исключено, что с его же оружием и патронами, когда закончатся свои. И это будут самые простые несколько часов. После чего, если не сможем эвакуироваться, попытаемся пробиться на соединение с основным десантом. Сколько это займёт? Сутки? Другие? Третьи? И всё время без сна, без отдыха, без воды и пищи. Только если не отобьём что-нибудь у немцев. Поэтому за то короткое время, что у нас есть, вы должны научиться в совершенстве владеть миномётами, гранатами, автоматами и пулемётами всех видов и моделей, минировать местность, метать штык-ножи, драться в ближнем бою

сразу с несколькими вражескими солдатами... – Цезарь на секунду осёкся и, повернувшись к Капустину, спросил:

– Вы что-то сказали, или мне послышалось?

Саркастическая улыбка сменилась на лице Капустина растерянностью застигнутого на месте вора, и он быстро опустил глаза, всё время до этого насмешливо смотревшие на майора.

– Повторите громче, чтобы все услышали! – спокойно потребовал Куников.

– Просто сказал, – виновато промямлил Капустин, и выпирающие кости на его лице задвигались сильнее, чем обычно, – что не только солдаты должны всё это уметь, но и командир тоже...

– Шаг вперёд, сопляк! – не дав ему договорить, рывкнул из-за спины Цезаря Холостяков. – Что ты себе позволяешь?! Пять нарядов вне очереди!

– Прошу вас, контр-адмирал... – вступился Куников. – Наверное, каждый боец имеет полное право знать, чего требует от него командир. Позвольте задействовать для небольшой демонстрации вон тех пленных.

Он указал на четверых немцев, которых конвоировала мимо места их сбора группа краснофлотцев.

Георгий Никитич одобрительно кивнул, и по его приказу пленных подвели к Цезарю.

– Развяжите им руки и дайте ножи! – скомандовал майор.

По рядам тут же передали четыре остро наточенных штык-ножа. Взяв их, фрицы непонимающе посмотрели по сторонам, испуганно перебрасываясь короткими фразами.

– Мэри, переведи им, пожалуйста, – продолжил Куников, – что если они вчетвером убьют меня, то прямо

здесь будут освобождены и доставлены на линию фронта, где смогут беспрепятственно уйти на все четыре стороны. Это им гарантирует командир Новороссийской военно-морской базы контр-адмирал Холостяков.

Георгий Никитич утвердительно кивнул.

– Да, и чтобы им легче сражалось, – добавил майор, – сообщите им, что по национальности я еврей.

В глазах фашистов блеснули искры уверенной радости. Облизывая обветренные губы и возбуждённо переругиваясь между собой, они начали широким кругом обступать Цезаря.

– О чём говорят? – спросил Холостяков отошедшего от немцев Энделя.

– Вроде того, что «сейчас завалим этого жида и отправимся домой. Другой такой возможности больше не представится».

Между тем фашисты, крепко сжимая в руках тускло блестящие ножи, одновременно побежали на Куникова. Выбрав самого быстрого из них, Цезарь бросился в его сторону и в высоком длинном прыжке с разворота молниеносным ударом ноги в голову опрокинул его. Тот грузно рухнул на землю, выплёвывая в грязный снег выбитые зубы. Едва приземлившись, Куников стремительно кувыркнулся под ноги второму фрицу и, сбив его, вскочил прямо перед третьим, легко увернулся от резкого прямого удара ножом и, перехватив руку повалившегося вперёд немца, с широкого размаха ударил стопой по его колену. Нога того звонко хрустнула, неестественно выгнулась в обратную сторону, и из-под прорванной ткани вылез окровавленный обломок сломанной кости. Цезарь выхватил из руки дико взыввшего от боли фашиста штык-нож и прицельно метнул в набегавшего на него

четвёртого немца. Клинок вонзился тому точно в левый глаз, и фриц, сделав по инерции ещё несколько шагов, распластанно рухнул в грязный снег.

Куников спокойно обернулся к остальным троим немцам, ничего не предпринимая. Фашист со сломанной ногой продолжал корчиться на земле и орать, будучи не в состоянии подняться. Двое других тяжело вставали на ноги. Один – выплёвывая изо рта остатки сломанных зубов и утирая рукавом окровавленный рот, второй – прижимая горсть ноздреватого, вперемешку с холодной землей снега к огромной гематоме на лице.

Некоторое время они топтались на месте, словно пытаясь придумать, как лучше атаковать молча наблюдавшего за ними Цезаря, потом швырнули ножи на землю и высоко подняли руки над головой.

– Говорят, что готовы ехать в Сибирь, – громко перевёл Эндель, – но драться больше не будут.

Когда конвоиры увели двоих немцев, тащивших третьего на руках, и унесли убитого, Куников, вновь повернувшись к строю, произнёс:

– Надеюсь, вопросов к командиру отряда больше нет? Если так, повторяю: кто со мной в десант – выстроиться по левому флангу, кто решил, что пока не готов, – вернуться в строй.

Все, стоявшие перед ним, включая замешкавшегося Капустина, решительно двинулись влево.

– С новороссийцами ясно! – удовлетворённо отметил Цезарь. – Кто ещё?

Через час отряд был полностью сформирован. В него, включая первую группу из пятидесяти бойцов, зачислили всего двести семьдесят шесть человек. Хотя число желающих значительно превышало эту цифру –

бóльшего количества, как предупредил Куникова Сипягин, не вместили бы предоставленные отряду плавсредства.

Вечером того же дня Цезарь передал Холостякову два тетрадных листа первого рапорта только что образованного подразделения. Он начинался словами: «Секретно. Приказ № 1 командира отряда специального назначения НВМБ. Мыс Тонкий, 10 января 1943 года». В нём чётким разборчивым почерком майор описывал установленную структуру нового подразделения и перечислял назначенных командиров боевых групп.

Глава XVIII

Десантная операция была назначена на ночь с 3 на 4 февраля 1943 года. Предшествовавшие ей три недели угрюмый, посеревший в тяжёлых боевых буднях Геленджик кипел жизнью так бурно, как никогда раньше за всё время войны.

Пока одна группа куниковцев, как стали называть себя десантники, в полной амуниции с оружием и снаряжением бросалась с деревянных макетов катеров в обжигающе холодную воду Геленджикской бухты и рвалась к берегу, ведя огонь и швыряя вперёд настоящие – только без металлических рубашек – гранаты, другая – уже

карабкалась с завязанными глазами – подготовка к ночной атаке – на крутой скалистый берег, подобный тому, что им предстояло отбить у врага в Новороссийске, третья – в это время отрабатывала приёмы самбо на берегу, четвёртая – училась обезвреживать немецкие противопехотные мины, пятая – разбирала и собирала на скорость трофейные немецкие пулемёты, автоматы и карабины различных модификаций.

Куников добивался, чтобы посадка всего отряда на катера занимала не больше пятнадцати минут, а высадка с полным вооружением укладывалась в две. И ему это почти удалось. Майор также требовал, чтобы каждый из подчинённых ему людей, включая медиков и радистов, владел любым оружием, какое было в отряде.

Из практических соображений Цезарь убедил Георгия Никитича переодеть морских пехотинцев из чёрных фланок с синими гюйсами и бескозырками в стёганные ватные куртки и шапки-ушанки, в которых они тренировались с наступлением холодов. В такой одежде было проще карабкаться по скользким скалам под дождём и снегом – никогда не знаешь, что именно преподнесёт непостоянная черноморская зима, укрываться в сырых холодных расщелинах и вести рукопашный бой. Облачённые в грязные промокшие ватники, бойцы отряда особого назначения теперь больше напоминали не морскую пехоту, а спустившихся с горных перевалов партизан, однако внимательный взгляд сразу мог различить под верхними расстёгнутыми пуговицами сине-белые полосатые тельняшки, с которыми бойцы категорически отказались расставаться.

Со свойственной ему дотошностью и пристальным вниманием к мелочам Куников лично участвовал во всех

тренировках и практических занятиях, будь то самбо или метание гранат, чем быстро снискал себе доверие и уважение каждого солдата.

В редкие минуты свободного времени он проверял состояние дел не только в отряде, но и в других частях, с которыми предстояло взаимодействовать. Почти ежедневно он Цезарь бывал у Сипягина, внимательно изучая скудные ресурсы «тюлькиного флота» и выискивая возможности их наращивания. Оба спокойные и доброжелательные – с крупными чертами выразительных лиц – и даже родившиеся в один день – 23 июня, они неторопливо обходили катер за катером, тщательно исследуя их внутренности и механизмы, на ходу делая необходимые чертежи.

Многие часы Куников проводил на батарее Зубкова, расположенной на горе Высокой, с которой в точном соответствии с её названием превосходно просматривалась вся береговая линия захваченного немцами города, включая Станичку. Склонившись над картами и расчётами с логарифмической линейкой и карандашом в руках, Цезарь скрупулёзно, с точностью до минут и секунд, высчитывал время, отводимое его отряду на высадку и на каждый последующий бросок в глубь вражеской территории.

Ранним утром 3 февраля Куников вывел десантников на заключительную тренировку. На этот раз не было ни изнурительных марш-бросков, ни прыжков в ледяную воду, ни приёмов рукопашного боя – ничего из того, что стало привычным в распорядке дня отряда в течение последнего месяца. Десантники поднялись на вершину отдалённой горы, чтобы посмотреть с неё на раскинув-

шийся в туманной дали Новороссийск. Майор чувствовал, что бойцам нужно увидеть его, чтобы лучше понимать, куда они пойдут уже сегодняшним вечером.

С высоты птичьего полёта город казался совсем крошечным. Нельзя было различить ни слившихся воедино улиц, ни отдельных домов. Однако каждый из стоявших на вершине горы бойцов и так прекрасно представлял себе, как выглядит Новороссийск. Слишком много им пришлось оставить русских городов, которые до сих пор стонали и кровоточили под фашистскими сапогами. Поэтому никто не питал надежд, что Новороссийск в длинном ряду таких городов мог выглядеть как-то по-другому – что обугленные руины обрушившихся домов не перегораживают когда-то просторные светлые улицы и что раскрошенный булыжник, выбитый из перепаханной взрывами мостовой, не валяется в беспорядке на детских игровых площадках.

Новицкий сразу же нашёл глазами почти невидимую среди почерневших квадратов родного города Октябрьскую площадь, на которой где-то вдаль, совсем неразличимая глазу высилась массивная башня из серого крымского известняка – его дом. Из него Андрей ушёл полтора года назад, в последний раз обнявшись с семьёй.

«Что с ним сейчас? Как и все остальные дома, он, конечно, покрыт длинной сетью кривых широких трещин в раскрошившихся от взрывов стенах. В проёмах сиротливо болтаются на ржавых скрипучих петлях изрешечённые пулями двери и оконные рамы без стёкол. Шатающий их ветер разносит по разгромленным изуродованным улицам тяжёлый запах разложения, исходящий от почти целиком утонувших под снегом, землёй и пеплом обезображенных трупов...» – думал Новицкий.

«То же самое и в Станичке...» – продолжил он размышлять. Андрей сразу определил, где находится дом Щербаковых, но рассмотреть с такого расстояния чернеющие в нём, словно выбитые глазницы, оконные проёмы и две неухоженные могилы во дворе он, конечно, не мог.

– Знаешь, о чём я думаю, Эндель? – воодушевлённо сказал Новицкий стоявшему рядом другу, глубоко вдыхая студёный аромат морозного воздуха. – Когда мы освободим наш город, я не уйду из него, пока не найду Полину. Если надо, сбегу и буду её искать. К чёрту всё остальное! Я ведь только ради неё и иду в эту мясорубку.

Сердце Мэри с болью замерло в груди, дыхание перехватило. Конечно, ему уже давно следовало набраться смелости и обо всём рассказать Андрею, но достаточной храбрости у него до сих пор не находилось, тем более что с каждым днём сделать это казалось всё сложнее.

«Но теперь-то уж точно он должен обо всём узнать», – решил Эндель и осторожно спросил:

– А ты не думал, что её уже, возможно, нет в живых?

Новицкий повернулся и непонимающе уставился на друга:

– Ты, вообще, соображаешь, что говоришь?

Мэри смутился и отвёл глаза. Едва он собрался с мыслями, из-за спины донёсся раскатистый голос Куникова:

– Отряд, стройся! К штабу – шагом марш!

Андрей резко развернулся и быстро зашагал прочь, давая понять, что не намерен продолжать этот разговор. Эндель раздосадованно пошёл вслед за ним. Несколько минут они молча шагали бок о бок по замёрзшей и заснеженной после внезапно ударивших холодов серпантинной дороге. В частых просветах между покрытыми ледя-

ной коркой кустарниками серел металлический блеск моря. «Пожалуй, именно так – глухо, утробно и голо – выглядит незнание человека о судьбе своих близких», – подумал Мэри, глядя со щемящей тоской на безрадостную картину свинцово нависающей над ними зимы, и, повернувшись к Новицкому, сказал:

– Ты всё-таки подумай над моими словами...

– Эндель, замолчи! Очень тебя прошу! – резко оборвал его Андрей. – Ещё одно слово, и я за себя не ручаюсь...

Но Мэри уже твёрдо решил рассказать обо всём. Он вытащил из кармана кольцо и, намереваясь отдать его заметно раздражённому Новицкому, продолжил:

– Разве ты совсем не допускаешь, что твоя Полина могла оказаться на месте той девушки, которую фашисты...

Эндель не успел закончить фразу, потому что в глазах внезапно потемнело – тяжелейший удар кулаком в челюсть опрокинул его, и он упал в снег.

Неожиданное происшествие заставило отряд остановиться. Бойцы неровными рядами столпились вокруг Новицкого и Мэри.

– Я просил тебя заткнуться по-хорошему? Так что не обижайся! – яростно проорал Андрей, приближаясь к распластанному на земле другу.

Эндель тем временем обнаружил, что в момент удара Новицким выронил кольцо, и, чтобы не позволить затоптать место, где его потом можно было бы найти, быстро вскочил на ноги и попытался оттолкнуть друга назад. Тот, расценив это как ответное нападение, ударил Мэри коленом в живот, а Эндель, вынужденно защищаясь, повалил Андрея на землю подсечкой. Завязалась

драка. Друзья катались в снегу, отчаянно колотя друг друга. В конце концов Новицкому удалось прижать Мэри к земле, однако, едва он занёс над ним кулак, внезапно возникшая сила оторвала его от Энделя и отшвырнула далеко в сторону. Он с размаху ударился спиной об обледеневшую скалу и рухнул в сугроб под ней. Между дерущимися стоял Куников.

– Что за ерунда тут у вас? – свирепо спросил он.

– Извините, товарищ майор... – произнёс Андрей, поднимаясь на ноги и отряхиваясь от снега. – Я виноват. Первым его ударил...

– Не совсем так... – торопливо перебил Мэри. – Тут больше моя вина. Сам спровоцировал.

– Встать в строй! Быстро! – крикнул Цезарь, понимая, что бойцы не держат друг на друга зла и инцидент можно считать исчерпанным. – Чтобы такого больше не повторялось!

Морские пехотинцы быстро смыкались вокруг Энделя и плотными рядами уходили вперёд, окончательно втаптывая в рыхлый снег непонятно куда упавшее и так и не найденное им кольцо. Ругая себя за то, что он потерял последнюю возможность убедить Новицкого выслушать его, Мэри, понуриив голову, занял своё место в строю и вместе со всеми зашагал в сторону Геленджика...

Построение отряда с последующей погрузкой на катера было назначено на девятнадцать часов. После обеда Куников предоставил бойцам свободное время, чтобы они отдохнули перед ночной атакой, написали письма родным, завершили какие-то оставшиеся дела. Эндель, прикинув, что мог бы успеть сбежать на место утреннего происшествия и попытаться найти кольцо,

решил рискнуть. Он незаметно выбрался из города и со всех ног побежал к хорошо отпечатавшемуся в памяти изгибу дороги.

Погода стояла холодная и ветреная. На замёрзшие горы почти сплошной стеной валились белые хлопья снега. Добежав до нужного места, Мэри обнаружил, что оно сильнее, чем ожидалось, засыпано снегом, но от идеи найти кольцо не отказался. Примерно прикинув, как далеко оно могло отлететь от того места, где его ударил Андрей, и в каком направлении другие могли сдвинуть кольцо сапогами, Эндель опустил на колени и, преодолевая обжигающий холод и болезненную ломоту в костяшках пальцев, принялся скрупулёзно ощупывать каждый сантиметр дороги. Когда терпение и вера уже почти оставили Мэри, непослушные одеревеневшие пальцы наткнулись наконец на маленький круглый предмет. Вытащив его из снега и отряхнув от налипшей грязи, Эндель увидел то самое медное колечко со знакомой надписью: «Полине от Андрея» и бережно положил в карман.

Как только он поднялся на ноги, до него донёлся характерный гул приближавшегося автомобиля. Подойдя к краю дороги, Мэри заметил петляющий ниже по серпантину немецкий «кюбельваген» зимней камуфлированной чёрно-бело-серой расцветки, на большой скорости двигавшийся в его направлении. Укрыться на узкой тропе между отвесной скалой – с одной стороны – и глубоким обрывом – с другой – было невозможно, поэтому Эндель что есть силы бросился вдоль по дороге, убегая от стремительно настигавшего его автомобиля.

Шум мотора за спиной явственно нарастал. Мэри отчётливо понимал, что немецкая машина мая-

чит уже прямо позади него – ещё несколько секунд, и его можно будет легко увидеть сквозь густую пелену снегопада. В этот момент он заметил крутой уступ в слоистом склоне горы на обочине дороги. Собрав последние силы, Эндель быстро свернул в сторону и длинным кувырком вкатился в узкий пролом разрушенной многовековыми норд-остами скалы. Через несколько секунд «кюбельваген» проехал мимо, но, к большой досаде Мэри, намеревавшегося незаметно скрыться, внезапно остановился посреди дороги чуть дальше его укрытия. Эндель вжался в неровную расщелину. Стараясь не двигаться и даже не дышать, чтобы не быть замеченным, он затаился за высокой каменной складкой и стал осторожно наблюдать, что будет дальше.

Из машины вышел немецкий командир, в котором Мэри сразу же узнал старшего офицера, встреча с которым недалеко от госпиталя в Новороссийске едва не стала для Энделя роковой.

Оберст Шэффер несколько раз, то ли разминаясь после долгого сидения, то ли пытаясь согреться на холодном пронизывающем ветру, прошёлся вокруг автомобиля, нетерпеливо поглядывая на часы. Было件нятно, что он кого-то ждёт.

Несколько минут спустя сквозь снежную пелену показалась русская «полуторка». Машина остановилась, и из неё мешковато вывалился в метель... Буров.

– Дорогой Альфред, как я рад тебя видеть! – на чистом немецком языке произнёс он. – Надеюсь, ты не слишком долго меня ждёшь?

– Нет, дорогой Василий, не очень... – ответил оберст. Они обнялись, как хорошие друзья.

– Единственное... У меня есть опасения по поводу безопасности этого места, – проговорил Шэффер, озираясь по сторонам.

– Уверяю тебя, мой друг, нет никаких причин для беспокойства, – весело сказал Буров. – Эти время и место – самые безопасные, какие можно выбрать в настоящий момент. Русские сейчас слишком заняты, чтобы следить за кем бы то ни было в такую погоду. Весь Геленджик готовится к сегодняшним ночным десантам, о которых я ещё давно подробно проинформировал генерал-полковника Руоффа. А те, кто не занят подготовкой, валяются пьяными по всем углам, отмечая случайную победу под Сталинградом...

– Да уж, это, бесспорно, очень болезненный удар для вермахта... – тяжело вздохнул Шэффер. – Именно поэтому после разгрома Паулюса Руофф с удвоенными усилиями спешит развить наступление на Кавказе, пока ещё окончательно не потеряна наша стратегическая инициатива. Благодаря тебе, Василий, он нисколько не сомневается в нашем успехе. К встрече обоих десантов – и в Новороссийске, и уж тем более в Южной Озерейке – всё готово. Как только русские отправятся кормить крабов на дно моря, мы намерены перейти в решительное наступление. Так что очень скоро, дорогой друг, ты, как и просил, будешь назначен помощником командующего местным городским рейхскомиссариатом и сможешь спокойно работать среди нас, пока семнадцатая армия будет добивать остатки русских войск на Кавказе. Ты это заслужил, и генерал-полковник намерен отправить твоё личное дело в Берлин уже ближайшим рейсом.

– Германия – превыше всего! – бодрым восторженным голосом воскликнул Буров.

– А пока у нас к тебе будет последняя просьба... – с этими словами Шэффер протянул ему толстую чёрную папку. – Здесь бланки с немецким орлом и свастикой, отпечатанные по спецзаказу Руоффа. Позаботься о том, чтобы после окончательного разгрома все выжившие русские командиры написали рапорты о сдаче в плен и помиловании лично на имя Гитлера именно на этих бланках. Геббельс уже прислал в Адольфштадт, так теперь будет называться Новороссийск, несколько бригад кинооператоров из «Ди Дойче Вохэншау» и просил, чтобы съёмки были как можно более красочными и убедительными.

– Пожалуй, это самое простое задание из всех, какие мне приходилось выполнять во имя Германии... – усмехнулся Буров, засовывая полученную от Шэффера папку под мышку и протягивая ему другую. – А здесь коды для шифрограмм, которые планировались для использования десантами этой ночью. Не знаю, сильно ли они вам пригодятся, если вы утопите все корабли прежде, чем они успеют высадить хоть одного человека, но тем не менее мой долг довести их до вашего сведения.

– Это ещё раз подтверждает наши высокие оценки твоей работы, дорогой Василий... – удовлетворённо произнёс Шэффер, забирая папку. – Как я понимаю, никаких изменений в планах русских нет? Всё идёт по имеющемуся у нас графику?

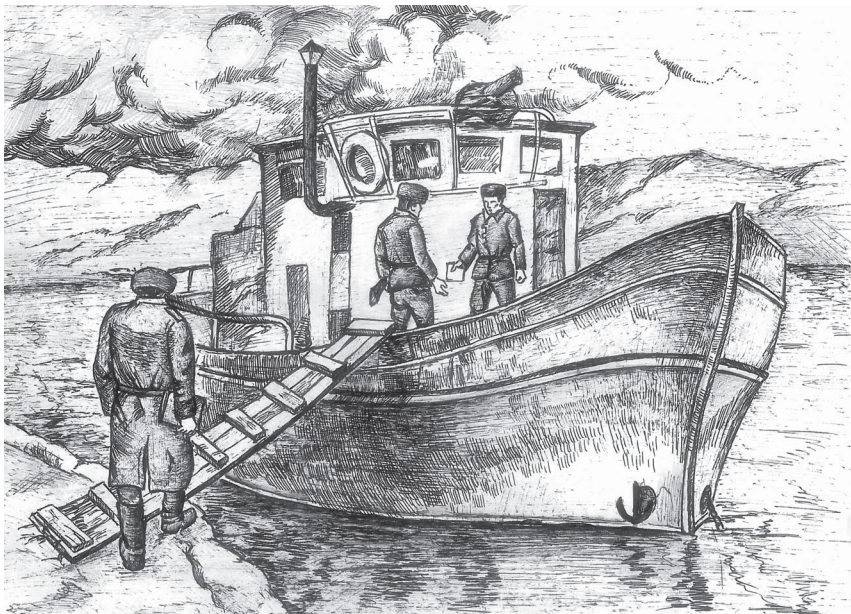
– Совершенно! – заверил Буров. – Никаких происшествий и неожиданностей! Честно говоря, даже боюсь, что вам будет совсем не интересно выиграть это сражение.

– Ничего страшного. На нашем длинном пути до Индии ещё предстоит много всего интересного! – рас-

смеялся оберст. – Что ж, тогда увидимся с тобой уже через несколько дней. Позволишь мне лично взять тебя в плен?

– Готов сдаться прямо сейчас, – отшутился Буров, – но тогда кинохроника «Ди Дойче Вохэншау» не будет такой выразительной, как хотелось бы господам Геббельсу и Руоффу, – он многозначительно похлопал папку с немецкими бланками, – а я не прощу себе, если командование не присвоит нашему любимому генерал-полковнику давно заслуженную им награду. Обязательно передавай ему от меня горячий привет. Буду с нетерпением ожидать в Геленджике его триумфального прихода.

Буров и Шэффер ещё раз крепко обнялись на прощание, и их автомобили, поднимая снежные фонтаны из-под колёс, быстро разъехались в разные стороны...

Глава XIX

Мэри, запыхавшийся и разгорячённый, прибежал на Тонкий мыс почти к самому построению. Когда он встретился с Новицким, тот с удивлением посмотрел на его мокрый грязный ватник, вспотевшее лицо и спросил:

– Ты куда бегал перед самым отправлением? Я тебя два часа не мог найти.

Эндель пристально посмотрел на друга и ничего не ответил. Продолжать их сложный утренний разговор о Полине он был не в состоянии. Сейчас совсем другое занимало его мысли – в ушах до сих пор отчётливо звучали слова Бурова, сказанные на немецком языке, кото-

рым, как выяснилось, тот свободно владел. Мэри отказывался до конца поверить в это.

– Я искал тебя, – продолжил Андрей, – чтобы попросить прощения за то, что не сдержался сегодня утром. Мне, конечно, следовало выслушать твои слова, но если бы ты знал, как больно даже думать о том, что с ней могло такое случиться. Тогда всё, ради чего я живу, не имеет смысла, понимаешь?..

– Не извиняйся... – как можно непринуждённое и успокаивающе произнёс Эндель. – Я могу это понять.

Объявили построение. Начальник штаба отряда – подтянутый, энергичный, как всегда, сверкающий улыбкой Фёдор Котанов – бодро доложил стоявшему перед бойцами Куникову:

– Товарищ командир! Отряд особого назначения в количестве двухсот семидесяти трёх человек в полном боевом порядке построен.

– Друзья и братья! – негромко, просто и без пафоса обратился к отряду майор. – В эти наши, возможно, последние часы на мирной земле хочу напомнить каждому из вас, что мы идём с вами в самый тяжёлый бой, который вы видели за всё время войны. Нам придётся столкнуться с врагом, имеющим колоссальное численное превосходство. У немцев на том берегу есть танки, тяжёлые орудия и миномёты. У нас с вами – только автоматы и штык-ножи. Наши преимущества – скорость и внезапность. Я знаю, что никто из вас не взял с собой ни грамма продуктов и ни капли воды, чтобы заполнить всё свободное место в вещмешках патронами и гранатами. Не буду настаивать на обратном. Сам поступил точно так же. Это лишь в очередной раз подтверждает, что все мы до мозга костей осознаём опасность нашей операции. Поэтому

сейчас я обязан вновь задать вопросы, которые вы уже неоднократно слышали от меня: «Готов ли каждый из вас к этому испытанию? Может быть, кто-то передумал идти с нами? Или просто плохо себя чувствует?» Если такие есть, приказываю выйти из строя.

Отряд не шелохнулся. Мёртвая тишина – ни звука, ни движения – повисла над Тонким мысом. Было слышно, как усиливающийся шторм с угрюмым шуршанием катает обтёртую, покрытую тонким слоем снега гальку на пляже.

– Товарищи. Ещё раз... – мягко повторил майор. – Не приказываю. Прошу. В последний раз. Другой возможности не будет.

И снова молчание.

– Распустите бойцов на десять минут! – сказал Цезарь Котанову. – Те, кто постеснялся выйти сейчас, снова в строй могут не становиться.

– Неужели после всего, что им пришлось пережить, кто-то не встанет? – удивлённо спросил Котанов.

– Не знаю, Федь... – спокойно признался Куников. – Но если кто-то пал духом уже сейчас, пусть лучше уходит, пока не поздно. Цепь, как известно, рвётся по самому слабому звену. Поверь мне как инженеру, – улыбнулся он.

Едва солдаты разошлись, Мэри со всех ног бросился к командиру. Он попросил майора отойти в сторону, подальше от посторонних ушей и подробно доложил ему обо всём, что увидел, прячась за скалой. Цезарь, внимательно выслушав Энделя, быстрым шагом направился в сторону стоявшего неподалеку Георгия Никитича. Даже издали было видно, как побледнело и застыло лицо контр-адмирала после слов майора. Напоследок

они перебросились несколькими короткими кивками и жестами. Затем Куников вернулся к Мэри и тихо сказал:

– Когда десант посадят на катера, пойдём с тобой к Холостякову.

Отряд к тому времени повторно строился в две шеренги. Когда расчёт был окончен, начальник штаба доложил Цезарю:

– Товарищ майор! Отряд особого назначения по вашему приказанию построен. В строю двести семьдесят... – он неожиданно запнулся и чуть тише закончил. – Два человека.

Немного совладав с дрогнувшим голосом, Котанов так же тихо повторил ещё раз:

– Двести семьдесят два человека. Одного не хватает.

– Прекрасно! Ведите отряд на катера! – громко, чтобы все слышали, приказал начальнику штаба Куников.

Выяснить, кого именно недостаёт, майор не стал. В сопровождении мгновенно подбежавшего к нему Энделя он быстрым шагом направился к Георгию Никитичу. На ходу их догнал старшина второго отделения Николай Алёшичев. Рваное парно́е облачко прерывистого дыхания выдавало его плохо скрываемое волнение.

– Мой боец отказался, товарищ майор! – как будто с презрением и досадой одновременно затараторил старшина, стараясь поспевать за широкими шагами Цезаря. – Я его весь перерыв уговаривал, но он словно рогом упёрся. Передумал, говорит, и всё.

– Зря... – небрежно ответил Куников. – С гранатой под танк лечь – тоже уговаривать будешь?

– Извините! – быстро ответил Алёшичев, поправляя на правом рукаве белую повязку – такую же, как у всех бойцов.

По ним десантники должны были отличать друг друга в темноте.

– Только что мне с ним теперь делать? – торопливо добавил он.

– Доложить контр-адмиралу Басистому, что рядовой по фамилии такой-то переходит в его распоряжение, то есть в основной десант! – сказал Цезарь.

– Есть! – бойко ответил старшина.

– Кстати, как его фамилия? – равнодушно спросил Куников.

– Капустин... – немного помедлив, произнёс Алёшичев.

Холостяков, совершенно растерянный, дожидался Цезаря и Мэри в своём кабинете. Он сидел сгорбившись, обхватив голову руками, вперив ничего не выражающий взгляд в стол, по обыкновению, заваленный военными и морскими картами.

– Если всё это правда, – тяжело вздохнул Георгий Никитич, внимательно выслушав быстрый, но очень подробный рассказ Энделя, – то всем нам конец. Что теперь делать? Отменить обе высадки? Но это надо согласовывать со Ставкой, а у нас нет времени. До отправления обоих десантов, – резко вскинув руку, он посмотрел на часы, – осталось пятьдесят минут. Что бы ты сделал, майор – как будто с надеждой спросил Холостяков.

– Я бы отменил оба десанта и бросил все резервы на усиление обороны на Сухумском шоссе... – просто и твёрдо ответил майор. – И уже потом разбирался.

Георгий Никитич провалился в ничего не выражающую задумчивость, а затем, словно спохватившись, быстро заговорил:

– Нет, Цезарь, я такое решение на себя не возьму. Во-первых, не забывай, что мы действуем не самостоятельно. Наши манёвры – лишь часть намного более масштабной операции. Поэтому каждое изменение в планах нуждается в детальной проработке с высшим командованием и в координации с соседями, а такой возможности у нас нет. Во-вторых, если вину Бурова не докажут, ты представляешь, что меня ждёт? А если здесь действительно какая-то ошибка?

– Какая, например? – быстро спросил майор.

Сомнения на лице Холостякова были видны отчётливее контрастных теней от неяркой настольной лампы. Казалось, что напряжёнными складками лба он пытается выдавить из головы хоть одну относительно логичную мысль.

– Какая-то спецоперация энкавэдэшников... – наконец нашёлся Георгий Никитич. – Может такое быть?

– При всём уважении, товарищ контр-адмирал, – напористо, но стараясь не нарушать субординации, процедил Куников, – такого быть не может. Вас бы обязательно поставили в известность.

– Да-да, конечно, ты прав, Цезарь... – заёрзал в кресле Холостяков, словно не узнавая собственного, будто железной петлёй перетянутого, голоса. – Похоже, это действительно предательство. Как теперь быть?

Кустистые брови над его глубоко посаженными глазами изогнулись под прямым углом. Опухшие от бессонницы веки и опустившиеся уголки рта выдавали полное утомление и неспособность принять хоть какое-то решение.

– Похоже, придётся ввести в действие резервный план высадки в Станичке, – твёрдо произнёс Куников,

понимая, что необходимо брать инициативу в свои руки. – Однако, чтобы я был уверен в правильности принимаемого решения, мне нужен Буров. Вы должны помочь мне, контр-адмирал. Сейчас же позвоните ему и под любым предлогом пригласите его ко мне на катер. Как только он поднимется на палубу, я отойду вместе с ним от берега и там, в море, заставлю объясниться. Если это действительно недоразумение, Буров вернётся в Геленджик на том же катере вместе с Сипягиным.

– И что дальше?! – воскликнул Георгий Никитич, уже совсем, похоже, от охватившего ужаса не контролируя нахлынувшие эмоции. Каждый дрожавший в его горле звук обнажал полный упадок сил. – Опять лагерь?! Я там уже был, спасибо! Теперь скорее встану под фашистские пули, чем снова пойду туда. Не дай бог вам оказаться в руках особистов, майор! Вы просто не знаете этих людей!

– И только поэтому я должен вести честных солдат на убой, как стадо скота?! – разъярённый голос Цезаря начал наливаясь той лаконичностью и отрывистой резкостью, какие отличают мужественных людей в минуты неотвратимой опасности. – Если вы боитесь, товарищ контр-адмирал, если уже сдались и заняты сейчас только своим спасением, даже не выбирая между жизнью и смертью, а лишь ища для себя более лёгкого конца, то не тяните, пожалуйста, за собой меня и моих бойцов! – кидал он острые и тяжёлые, как камни, слова на голову Холостякова, не жалея контр-адмирала и не щадя его самолюбия.

Куников был уверен, что так было надо – привести в чувство, озлобить, возбудить опустившего руки команди-

ра, заставить его сопротивляться и бороться. Он быстрыми шагами подошёл к столу контр-адмирала, снял трубку телефонного аппарата и, протянув её Георгию Никитичу, уверенно пообещал:

– Всю ответственность возьму на себя. Скажите, что делаете это по моей просьбе и не знаете, зачем именно я хочу его видеть. Только подчеркните, дело – очень срочное... – медленно договорил Цезарь, словно вбивая в собеседника каждое слово.

Слабея и судорожно озираясь по сторонам, будто опасаясь слежки, Холостяков неуверенно протянул руку и влажными вздрагивающими пальцами нехотя взял холодную телефонную трубку.

Нерешительными движениями он набрал номер.

– Товарищ полковник?.. Да-да, это я... – неожиданное бодрое непринуждённым голосом заговорил Георгий Никитич, хотя его лицо с каждой секундой заметно бледнело и деревенело. – Конечно, готово... Всё как по маслу идёт. Комар носа не подточит. Осталось только прийти, увидеть и победить... – Холостяков даже умудрился более или менее натурально рассмеяться. – И не говорите... Я на самом деле по немного срочному делу вам звоню... Даже не сомневался... Вопрос, собственно, простой: майор Куников хочет увидеться с вами перед выходом в море. Очень настаивает... Мне не доверяет, к сожалению. Говорит, только полковнику скажу... Что-то по вашей части, да... Не знаю... Может, и про это. Мне не докладывает... Наверное... А как же?.. Успеете до отхода? Тогда он будет ждать вас на катере... Предупрежу... Спасибо большое, товарищ полковник... Уверен, там действительно что-то важное. Майор не из тех, кто суетится по мелочам... Взаимно... Всего доброго!

Неслушающейся рукой Георгий Никитич положил трубку и совершенно другим – тихим убитым – голосом произнёс:

– Вам пора, Цезарь. Он будет на пристани через тридцать минут. Чем бы всё это ни закончилось, желаю тебе удачи...

Едва взбежав по трапу на катер, Куников приказал вызвать Новицкого.

– Ты хорошо знаешь горы? – спросил он немного удивлённого Андрея.

– В детстве мы с отцом часто ходили в походы. В принципе, неплохо ориентируюсь... – насторожённо ответил Новицкий, не понимая, к чему этот разговор перед самым отправлением.

– До батареи Зубкова знаешь самый короткий и без-опасный путь?

– Думаю, да... – сразу прикидывая в голове, проговорил Андрей. – Можно через Пенай пойти. Там, правда, немного круто, придётся карабкаться по скалам, но, наверное, это будет быстрее, чем в обход.

– Хорошо! Сколько тебе нужно времени, чтобы добежать туда?

– Я точно не успею до отправления... – ответил Новицкий.

– И пускай! Сколько? – впился в него требовательным взглядом майор.

– Не меньше часа.

– За час надо успеть, Андрей! – настойчиво попросил его командир. – Сейчас же беги к Зубкову и на словах передай лично ему, никому другому, что если я дам красную, а затем зелёную ракету, то мы будем высаживаться

в Станичке по нашему резервному плану. Пусть бьёт туда из всех стволов!

Новицкий, всегда быстрый и исполнительный, неподвижно замер перед майором.

– Пошлите кого-нибудь другого... – предложил он. – Я обязательно должен быть в Станичке, если мы пойдем туда. У меня там...

– Кого, по-твоему, послать? – прикрикнул на него Куников. – Сибиряка, который заблудится на первом же перевале?

– Разве нет связи? – продолжал упираться Андрей.

– Связь есть... – напряжённо выдохнул командир и, быстро осмотревшись по сторонам, понизил голос:

– Нас предали... Весьма вероятно, что наши шифрограммы читают, а линии прослушивают. Всё, что могу, – послать доверенного человека. Больше я ни в ком не уверен. Жизнь всего отряда зависит сейчас от тебя!

Новицкий кивнул и, сняв с шеи автомат, положил его на стоявший рядом ящик с патронами.

– Через час артиллеристы получают ваш приказ! – решительно сказал он.

Прежде чем тронуться с места, Андрей добавил:

– Досадно лишь то, товарищ майор, что мне быть в этом отряде намного нужнее, чем всем остальным, вместе взятым.

– Постой! – окликнул его Цезарь, расстёгивая планшет и доставая из него блокнот. – Рейдовый тральщик «Скумбрия», гружённый патронами и боеприпасами, будет дожидаться моей команды у подножия Пеная. Просто нет смысла таскать его за собой, пока не выяснится точное место высадки, чтобы он не отставал и не задерживал весь отряд. Я дам письменный приказ командиру судна взять тебя на борт.

– Майор убористым почерком быстро исписал узкую страницу блокнота и, вырвав её, протянул Новицкому со словами:

– Но ждать, сам понимаешь, никто не будет. Не успеешь – придётся вернуться в Геленджик!

Андрей выхватил бумагу из руки Цезаря и произнёс:

– Спасибо, командир! Увидимся в Станичке!

– Автомат всё же возьми! – посоветовал Куников. – Уверен, что горы сейчас кишат диверсантами.

Новицкий быстро схватил снятый минуту назад ППШ и, на ходу запихивая за пазуху письменный приказ командира, побежал с катера на берег. На узком трапе он едва не столкнулся с тяжело поднимавшимся по нему Буровым.

– Честно говоря, вы могли бы спуститься ко мне на пристань, товарищ майор... – недовольно проворчал полковник.

– Извините великодушно! – широко улыбаясь и протягивая ему руку, сказал Куников. – Сами знаете, эти дурацкие морские суеверия, что если уже поднялся на палубу, то будь добр сойти с неё только в месте назначения. Иначе – беда.

– Надеюсь, приметы вам помогут... – усмехнулся Буров. – Не зря же я карабкался на эту посудину. Ну, давайте выкладывайте, что у вас там.

– Вопрос, с одной стороны, – простой, но с другой – требует, чтобы вы об этом знали, а может, поделились с нами некоторой информацией, если она у вас есть. Начальник высадки – капитан-лейтенант Сипягин – отмечает странные перемещения румынских судов по курсу нашего следования... – очень быстро заговорил майор, не давая Бурову вникнуть в происходящее. – Кста-

ти, будет лучше, если он сам доложит, чтобы я ничего не напутал.

– Ко-оля-я-я! – закричал Цезарь во весь голос в сторону рубки.

Это был условный сигнал. Моторы катера бешено взвыли, круто качнулась под ногами палуба, и судно, быстро набирая скорость, поползло прочь от берега. Потерявший точку опоры, трап повалился в воду, подняв фонтаны пенных брызг. Вслед за головным катером от причалов один за другим начали отходить остальные.

Буров растерянно оглянулся, но быстро придя в себя, заорал:

– Что, чёрт возьми, происходит?! Высадите меня обратно! Слышите?!

– Похоже, я совсем забегался и пропустил время выхода в море... – словно оправдываясь, заговорил Куников, постукивая пальцем по наручным часам.

– Условленное время – двадцать один сорок пять, а сейчас – двадцать один сорок три... – сквозь зубы процедил Буров, сверля взглядом собственные часы. – Что за дурацкие выходки, майор?! Под трибунал захотели? Быстро высадите меня на берег!

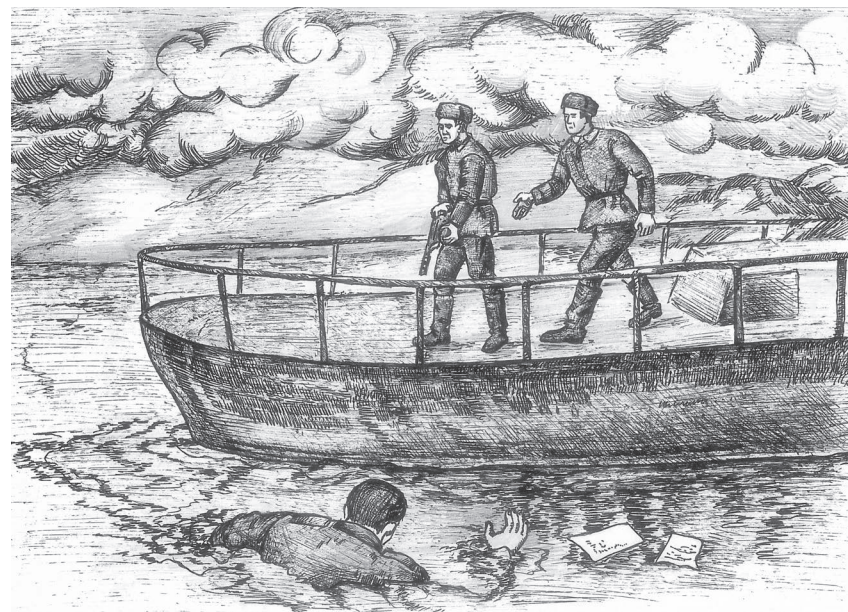
– Боюсь, это уже невозможно, товарищ полковник. Мы ложимся на курс. Любое промедление неизбежно поставит под удар всю операцию. Обещаю, что после высадки отряда вас в целости и сохранности доставят обратно в Геленджик.

– Кто же, интересно, отвечает за мою целость и сохранность? Вы? – ещё более разъярённо заорал тот.

– Да, я... – спокойно ответил Цезарь. – Скорость и внезапность – на нашей стороне. Прежде чем фашисты

успеют сделать первый выстрел, вы будете уже далеко от берега. Поэтому не волнуйтесь! Ещё спасибо мне скажете, когда после нашей победы будете иметь предлог записать её и на свой счёт. А сейчас, извините, мне нужно командовать десантом.

С этими словами он оставил взбешённого, тяжело дышащего Бурова на палубе и удалился в рубку...

Глава XX

Выскочив на берег, Андрей со всех ног бросился по непривычно опустевшим улицам. В просветах между домами он видел, как тусклые огни катеров одни за другими удаляются от причалов и быстро выстраиваются в ровные кильватерные колонны. В сереющем метельным снегом морском пространстве бледно искрилась в свете прожекторов мелкая изморозь. Но вскоре в целях маскировки фонари погасили, и Новицкий уже ничего не мог различить в слабо освещавшейся мерцающими ледяными звёздами ночной черноте.

Он выбежал за город и, легко отыскав узкую извилистую тропинку, свернул в горы. Его ноги предательски скользили по обледеневшим камням. Обступивший со всех сторон лес глухо трещал от порывов ветра. Луна, выкатившаяся на середину неба, слабым ровным светом заливала подпиравшие тёмный небосвод горы.

Андрей, уже порядком выбившийся из сил, понимал, что не преодолел ещё и половины пути, поэтому на пределе возможностей карабкался по почти отвесным горным тропам, лишь иногда позволяя себе коротко петлять вдоль по склонам. Выбравшись на один из относительно плоских участков, он забросил ПППШ за спину и, не осматриваясь по сторонам, бегом бросился к следующему перевалу.

В темноте сбоку от него внезапно треснул оглушительный гром, и блеснувшая череда коротких вспышек контрастно высветила три фигуры в песочно-коричневой румынской форме. Новицкий припал к земле, и в лицо ему ударило комками замёрзшей грязи, выбитыми близко прошедшей автоматной очередью. Он быстро откатился за невысокий камень, стащил со спины автомат и только тогда, после этого резкого движения, почувствовал сильное жжение в боку. Быстро осмотревшись, Андрей заметил, что на порванной пулей поле ватника, вмиг промокшей, расплзается красное пятно.

Резко вспоров тугой полог недолго длившейся тишины, в камень, звонко рикошета, хлестнули пули. Натренированным чутьём Новицкий определил, что стреляют из двух стволов, значит, третий подбирается к нему под прикрытием других. Он переложил автомат в левую руку, выждал несколько секунд и, резко высунувшись из-за камня с неожиданной для нападавших сто-

роны, почти в упор всадил полмагазина патронов в уже близко подбежавшего румынского пехотинца.

Едва двое оставшихся в живых румын успели перенести на Андрея направление своей стрельбы, он перехватил автомат правой рукой, перекувыркнулся за укрытием и, внезапно показавшись с другой стороны, выпустил в растерявшихся румын оставшуюся половину патронов. Один из них успел отпрянуть за дерево, а второй, неуклюже пошатнувшись, упал с простреленной грудью.

Последний диверсант принялся длинными раскатистыми очередями отчаянно палить по камню, за которым затаился оставшийся без патронов раненый Новицкий. Когда пехотинец полностью расстрелял боезапас, Андрей выскочил из-за укрытия, чтобы подобрать оружие первого убитого. Однако, прежде чем Новицкий успел до него добраться, сильнейший удар сбил его с ног – последний румын оказался намного быстрее и крепче Андрея.

Это был необыкновенно высокий и жилистый солдат, яростно сжимавший длинные крепкие руки в огромные кулаки. Его большой рот растянулся в широкой улыбке, в глазах сверкала ярость победителя, подбежавшего добить жертву. Не дожидаясь, пока верзила размозжит ему череп, Новицкий вскочил и первым бросился на него, однако тот вновь мощнейшим прямым ударом ноги легко отбросил его. Андрей далеко отлетел и упал в нескольких метрах от крутого обрыва.

Румын выхватил из-за голенища сапога длинную финку и двинулся на Новицкого. Тот начал отползать, пока не обнаружил, что позади него – скользкий край пропасти. Диверсант, воодушевлённо что-то выкрикнув,

кинулся на Андрея и, навалившись сверху всем телом, попытался ударить ножом. Новицкий перехватил его руку и на несколько секунд задержал удар направленного прямо в горло лезвия. Однако силы были явно не равны, и клинок стал медленно опускаться вниз.

Отстраняясь от ножа, Андрей свесил голову с края обрыва и, сильно запрокинув её назад, увидел широко раскинувшуюся позади него чёрную пустоту. Где-то там, вдалеке, плескалось недоступное его взгляду море, по которому шли катера с куниковским десантом – прямо на верную смерть... Вдруг Новицкий вспомнил ночь, проведенную до войны в походе двух семей на гору, когда он напугал Полину, спрыгнув на уступ. Тогда была такая же красивая звёздная ночь, непроглядная мгла тоже окутывала скрывающийся под скалой морской простор, и так же отсвечивали нависавшие с обеих сторон горы.

«Да это же и есть тот самый обрыв со скалистым уступом!» – вдруг сообразил Андрей. Он согнул ноги в коленях, изо всех сил оттолкнулся от холодной земли и вместе с румыном, уже почти вонзившим клинок в его горло, опрокинулся вниз. Больно ударившись об обледеневшие камни, Новицкий прижался спиной к стене скалы и, собрав все силы, отбросил ногой рухнувшего рядом с ним диверсанта. Тот откатился на противоположный конец уступа и повис с него, успев в последний момент схватиться одной рукой за каменистый край. Андрей быстро поднял валявшийся рядом широкий обломок мергеля и с размаху ударил остро зазубренной гранью по зацепившимся за обледенелый край уступа пальцам. Румын, дико заорав, сорвался вниз. Мрачная глубина тут же скрыла его, но Новицкий, хорошо помнивший эту

пропасть, мог представить, как тот падает с огромной высоты, разбиваясь о заострённые углы скал...

Андрей вскарабкался с уступа вверх на обрыв. Сквозь прижатые к простреленному боку пальцы кровь капала на снег. Подобрал последний снаряжённый патронами автомат, он побежал дальше к батарее Зубкова...

Выглянувшая из небольших лохматых туч, казалось бы, безжизненная луна неподвижно висела посреди фиолетово-чёрного неба. Холодная ночь раскинулась над заваленными снегом высотами и тёмной водой оставшейся позади Геленджикской бухты. Где-то вдали сонно светился тусклыми огнями Новороссийск. Кристальную тишину нарушали лишь дремотно поскрипывающие уключины и изредка звякающие ржавые цепи лееров. Студёные зимние волны с еле слышным шелестящим лепетом тёрлись о борта катеров, остановившихся у входа в Цемесскую бухту перед последним броском. В кромешной темноте невидимая сверху вода стеклянно хлюпала под форштевнями, мягко разламывающими синие зигзаги тускло подсвеченных луной волн.

Куников вышел на палубу. Буров, неподвижно смотревший на неярко светившийся за изгибом Тонкого мыса Геленджик, не обернулся.

– Мы скоро атакуем, товарищ полковник, – обходительно предупредил майор, приближаясь к леерам, возле которых стоял Буров. – Сейчас машины дадут самый полный, а ближе к берегу будут вынуждены включить прожектора, поэтому в течение нескольких минут мы будем достаточно заметной целью для немцев. Я бы советовал вам укрыться в рубке.

– Это всё не имеет ровным счетом никакого смысла, дорогой Цезарь... – неожиданно спокойно заговорил особист. – Не думаю, что там будет больше шансов выжить, когда немцы накроют нас прицельным огнём прямо посреди гавани.

– Почему вы так уверены, что нам не удастся дойти до берега? – не забываясь изображать удивление, задал вопрос Куников.

– Потому что я лично не так давно передал немцам подробные планы этой операции... – Буров обернулся и застывшим ледяным взглядом посмотрел прямо в глаза Цезарю. – Они знают каждый наш шаг с точностью до секунды, майор. У вашего отряда нет ни единого шанса.

Его лицо скривилось в усмешке. Брови изогнулись пополам, как будто невероятная тяжесть ломила его виски и путала мысли.

– Вы, наверное, хотите знать, зачем? – немного погодя продолжил он, вновь поднимая глаза на Куникова, молча смотревшего на него в упор. – Потому что я ненавижу всё, что окружает меня здесь, в России. Чем раньше мы сбросим с шеи ярмо большевистского гнёта, тем лучше для всех нас. Немцы помогают нам. При них можно будет жить и работать достойно, при Советах – никогда. Германия – это сила, закон и порядок!

– Разве человек не сам творит свою судьбу? – задумчиво спросил Цезарь. – Разве немцы не сами построили у себя тот порядок, ради которого вы обрекли на гибель тысячи своих соотечественников?

– Думаю, этот вопрос вам лучше задать своему брату Вениамину... – с садистской усмешкой процедил особист.

Куников словно врос в мелко дрожавшую под ним металлическую палубу. Судьба его старшего брата, воевавшего во время Гражданской войны на стороне белых, затем эмигрировавшего в Швейцарию и теперь, по слухам, сотрудничавшего с фашистами, всегда была тайной за семью печатями даже для некоторых членов его семьи. Откуда в НКВД знают об этом?

– Я могу всех нас спасти, майор... – лукаво заговорил Буров.

Он расстегнул свой портфель, извлёк из него новенький, напечатанный на хорошей плотной бумаге бланк с эмблемой – чёрный орёл, держащий в лапах стилизованный дубовый венок со свастикой в центре, и предложил:

– Напишите прошение о помиловании на имя генерал-полковника Руоффа и дайте мне радиосвязь. Одно-го моего слова будет достаточно, чтобы вам позволили беспрепятственно подойти к берегу и спокойно сдаться в плен.

– Никогда не сделаю этого! – быстро и уверенно сказал Цезарь.

Буров тяжело вздохнул и поднял глаза к огромному, тускло переливавшемуся холодными звёздами небу, чья бездонная студёная высота была неровно перетянута туманно искрящейся лентой Млечного Пути.

– Тогда что вы сделаете, майор? – с непритворным любопытством поинтересовался особист. – Пойдёте прямо под немецкие снаряды и разорванный на части утонете? Или вернётесь в Геленджик дожидаться, пока немецкие дивизии сметут его с лица земли вместе с вами? Вы очень мудро придумали, заманив меня на борт, потому что я – ваше единственное спасение. Так поступите же ещё мудрее и сейчас. У вас нет другого выбора.

– Мой долг...

– Какой к чёрту долг?! – почти в истерике оборвал его Буров. – Сдохнуть за паршивое захолустье, где и имени вашего знать не захотят? Это ваш долг? Ради кого и чего вы готовы пожертвовать своей единственной жизнью, майор? Ради правительства, заморившего голодом миллионы своих граждан? Ради командиров, для которых вы не более чем пушечное мясо? Вы действительно готовы умереть за эту страну? Чем же она, по-вашему, лучше Германии, с которой вы так отчаянно сражаетесь?

– Я готов умереть за свою страну не потому, что она лучше других, а потому, что она моя! – твёрдо ответил Куников.

Ночной ветер становился напористее. Начинался шторм...

– Какая беспросветная тупая наивность! Слышали бы вы себя со стороны... – развёл руками и досадливо покачал головой полковник.

В этот момент далеко на западе крошечными раскалёнными мотыльками, лихорадочно разбрызгивая пульсирующий огненный свет, задрожали в бешеной пляске острые извилистые вспышки. Некоторое время спустя ветер донёс до ушей ослабленный длинными морскими милями пронизывающий звук мощных бомбовых разрывов.

– Вот и конец... – сказал Буров, многозначительно кося глазами в сторону красных кустов взрывов, отчаянно грохочущих где-то в районе Южной Озерейки. – Основной десант разгромлен прямо перед Вами, майор. Ваш отряд пока не гниёт на дне лишь потому, что не представляет для немцев никакой опасности. Но это ненадолго. Ситуацию вы уже не спасёте, а себя – ещё успеете. Под-

пишите бумагу, – он вновь протянул ему бланк с орлом и свастикой, – и дайте мне связь!

Цезарь на несколько секунд закрыл глаза, словно ощущая, как от близких взрывов разламываются пополам последние имевшиеся в распоряжении Новороссийской военно-морской базы эсминцы и канонерские лодки, как срываются с неповоротливых болидеров и, путаясь в перебитых тросах, уходят под воду орудия и танки. Его сердце обожгла мучительная боль пятнадцати тысяч человек, расстреливаемых «мессершмиттами», низко пикирующими над кораблями и сеющими злобно пульсирующие рваные вспышки. Он как будто сам почувствовал, как сотрясаются накренившиеся, разрываемые кипящим багровым пламенем борта, и оказался вдруг на месте солдат, мучительно захлёбывающихся в ледяных солёных волнах.

– От вас уже ничего не зависит, майор! – настойчиво проговорил Буров. – Кавказская кампания проиграна! Всё кончено!

– Нет, пока не всё... – медленно произнёс Куников, открывая полные гнева и ненависти глаза. – Почти три сотни бойцов моего отряда ещё живы!

– Вы рассчитываете захватить этими силами плацдарм? – удивлённо спросил Буров.

Вместо ответа Цезарь сделал широкий шаг и прямым ударом ногой толкнул полковника в грудь. Тот отлетел назад и, перекинувшись через громко скрипнувшие леера, вывалился за борт.

– Не совершайте ошибки, майор! Вы же благоразумный человек! – истошно закричал дрожащим от страха голосом Буров, беспомощно барахтаясь между широкими, стремительно набирающими силу волнами и громко отфыркиваясь от заливавшей в ноздри воды.

Цезарь выхватил из оружейного ящика новый, щедро смазанный маслом и забитый патронами ППШ и наставил его на полковника. Однако, прежде чем он успел нажать побелевшим от напряжения пальцем на тугой спусковой крючок, неожиданно появившийся за его спиной Сипягин быстрым движением схватил автомат за ствол и резко выдернул его из рук опешившего Куникова.

– Спасибо, Николай! – продолжая захлёбываться на крутых, перекатывающихся через его голову волнах, закричал особист. – Хорошо, что хоть вы всё понимаете. Просто подпишите бумагу, и гарантирую вам жизнь. Только я сейчас могу всех вас спасти.

Сипягин, не обращая внимания на слова полковника, взглядом показал Цезарю на близкий новороссийский берег, с которого автоматная очередь могла быть хорошо слышна, и молча протянул ему остро заточенный штык-нож. Куников взял его и сильным привычным движением метнул в Бурова. С выкатившимися в предсмертном испуге глазами особист ушёл под воду, и чёрная бездна плотно сомкнулась над ним.

– Идём на Станичку, Коля! – стальным голосом приказал Цезарь, заряжая второй сигнальный пистолет не предусмотренной первоначальным планом зелёной ракетой.

Ночное февральское небо над Маркотхским хребтом загадочно мерцало и тускло переливалось холодной синеватой чернотой. Бледно расцветшие созвездия висели над сбегающими к морю крутыми уступами, покрытыми лесами. Набравшая силу и высоту луна светло заливала неподвижный рельеф гор и кипящее беснующимся штормом море...

Командир 394-й батареи капитан Зубков, периодически поправляя резкость скользкого, в холодной изморози бинокля, сверлил напряжённым взглядом сквозь узкую амбразуру бескрайнее пространство Цемесской бухты. На широком столе из фанеры, застеленном крупномасштабной картой Новороссийска и окрестностей, с приглушённым монотонным гудением горели две наполненные бензином артиллерийские гильзы, освещающие запланированный участок высадки. Время начала операции стремительно приближалось. Орудия были заряжены. Личный состав в нетерпении ожидал команды.

Наконец в тёмное небо, тонко распуская тусклый кровавый свет и роняя почти мгновенно гаснущие искры, взмыла красная ракета. Зубкова смутило, что она появилась не в запланированном месте, а намного левее, но, списав это на непредвиденную боевую ситуацию, капитан набрал в лёгкие воздух, чтобы громким голосом выкрикнуть первую команду. Однако в ту же секунду окуляры бинокля осветила ещё одна – зелёная – ракета. Косо опускаясь в беспокойное море, яркие огни долго и высоко летели над акваторией, пока не осыпались в чёрную ночную бездну двухцветным дождём. Зубков неподвижно застыл на месте, не понимая, что делать.

– Вот чёрт! – раздражённо выругался он в пустоту, вновь нависшую над бухтой. – Что всё это значит?!

Массивная деревянная дверь в толстой бетонной стене командного пункта с грохотом отворилась. На пороге стоял человек, плотно прижимая ладонь к окровавленному ватнику. Пошатываясь от напряжения и усталости, он тяжело привалился к косяку.

– Это значит, стрелять нужно по Станичке... – прохрипел Новицкий. – Приказ Куникова.

– К бою! – тут же проорал Зубков, быстрым движением сдвигая горевшие гильзы на левую часть стола.

Первые орудия содрогнулись от мощных выстрелов, раскалывая на мелкие части и стряхивая со своих длинных стволов ледяную корку. Резкий блеск широко полыхнувших от снарядов молний рассёк небо. В темноте контрастно осветились обнажённые силуэты деревьев, по которым короткими рывками поползли чёрные тени кустов. Ухнули, разбив морозный воздух, тяжёлые взрывы. Стреляные гильзы со звоном вылетели из казённых, дымясь свежим паром. Тошнотворная вонь сгоревшего тола быстро расползлась в стороны. Берег на противоположном конце Цемесской бухты опалился острыми огненными брызгами. пышные фонтаны жёлто-красного пламени плотными рядами взметнулись над Станичкой. Плещущее в чёрное небо пламя густо клубилось и высоко поднималось над рушащимися крышами и стенами домов, оставляя после себя белёсую муть дыма.

«Хорошо, что Полины там сейчас нет...» – подумал Андрей и бросился обратно вниз по склону, чтобы успеть на «Скумбрию», которую уже совсем скоро, после высадки десанта, Куников должен был вызвать на занятый плацдарм.

– Постой, парень! – крикнул ему наводчик, выбежавший с биноклем примерно на десять шагов вперёд по направлению к Станичке, чтобы засечь трассы и скорректировать огонь. – Ты же ранен! Вернись, сделаем перевязку!

Но Новицкий не слышал его. Оставляя за спиной рвущийся из стволов сумасшедший огонь, звонкий грохот гильз, падающих в грудь между обледеневшими станинами, страшные – в копоты – глаза артиллеристов, он со всех

ног бежал к подножию Пеная, чтобы успеть на последнее судно, которое ещё могло забрать его в родной город...

Выбежав на пустынный, покрытый ноздреватым снегом пляж, Андрей услышал стелющийся над водой медленно удаляющийся тяжёлый прерывистый гул малоомощного мотора. На расстоянии нескольких десятков метров от берега тускло мерцали качающиеся на крутых волнах синие маскировочные огни «Скумбрии».

– Стой! – во всё горло проорал Новицкий, ускоряя шаг и размахивая руками.

«Не видно, наверное, – сразу подумал он, – с борта судна».

Андрей сбросил с плеча «беретту» убитого румына и, прицелясь чуть выше рубки, до онемения вдавил палец в спусковой крючок. Непривычно узкий деревянный приклад яростно, словно живой, заколотил в плечо, простреленный бок отозвался болью. Все патроны вылетели в ледяную черноту одной непрерывной очередью, и пистолет-пулемёт смолк. Огненные нити пуль широким веером разошлись прямо над судном и быстро погасли в сгустившейся тьме. Новицкий ещё несколько раз торопливо и бесполезно дёрнул спусковой крючок и опять заорал:

– Стой! Приказ командира отряда!

Еле видимый силуэт тральщика начал медленно приближаться к берегу. Андрей бросился навстречу ему, не чувствуя холода воды, едва не сводившей ноги судорогой.

– Кто такой?! – громко прокричали с быстро надвигавшегося на него борта. – Что здесь делаешь?!

– Сержант Новицкий. Передавал указания майора Куникова артиллеристам, – крикнул Андрей, продолжая

пробиваться сквозь ледяные волны к судну. – Есть его письменный приказ – взять меня на борт.

Оказавшись у катера, он протянул промокший листок свесившемуся через леер краснофлотцу. Матросы подали ему руки и помогли взобраться на палубу. Взявший записку включил фонарь, прочитал приказ и перевёл яркий пучок света на Новицкого.

– Ты же ранен... – неуверенно сказал он, рассматривая порванный, мокрый, сильно пропитанный кровью ватник.

– Ерунда! – отмахнулся Андрей.

– Нет, парень! – твёрдо добавил ещё один матрос. – Какой тебе десант? Возвращайся в Геленджик!

– Я пойду с вами... – упёрся Новицкий.

– Как ты с нами пойдёшь? – оборвал его первый. – Ты же на ногах еле стоишь!

– Забирайте меня с собой! – раздражённо заорал Андрей, вскидывая к плечу пустой пистолет-пулемёт и направляя на упрямого матроса.

Стоявший рядом краснофлотец легко вырвал оружие из рук Новицкого, и тот беспомощно упал на одно колено.

– Давай быстро на берег и в медсанбат! Без глупостей! – громко велел матрос.

– Не уйду!.. – негнувшимся металлическим голосом процедил Андрей.

– Что здесь происходит? Почему встали? – прогремел из-за спин моряков громкий голос командира тральщика Владимира Жолудова.

– Солдат в десант рвётся, товарищ старший лейтенант, – доложил краснофлотец, державший в руках записку Куникова, – а сам ранен, еле на ногах стоит.

– Есть письменный приказ командира отряда, – решительно ответил Новицкий. – И в нём нет ни слова, что меня не надо брать на борт, если я ранен.

Жолудов выступил из темноты, взял промокший листок из рук краснофлотца, в дрожащем свете фонаря быстро пробежал его глазами и, аккуратно сложив и убрав во внутренний карман бушлата, приказал:

– Взять на борт и оказать первую помощь! И живее отходим! Шторм усиливается. Ещё немного замешкаемся и вообще не пройдем через бухту.

Поднимая невысокие пенные волны позади широкой кормы судна, плотно заставленной ящиками с гранатами, патронами и противотанковыми ружьями, негромко заревели кое-как проворачиваемые маломощной машиной винты. В ноздри ударил прогорклый запах сгорающей соляры. С трудом пробиваясь сквозь водяные валы, «Скумбрия» начала отходить от берега.

Андрея посадили на палубу и, сняв с него ватник, стали перебинтовывать. В Цемесской бухте к этому времени уже всюду бушевал яростный шторм, достигая семи баллов. Набравший неистовую силу ледяной морской ветер, наполненный мельчайшими водяными брызгами, больно сёк глаза, натягивал кожу на лице и пробирал до костей. С сильными кренами и дифферентами судно то круто взлетало на гребни бурлящих пеной штормовых волн, то почти отвесно проваливалось, словно в пропасть, между ними. Новицкого, вцепившегося мёртвой хваткой в пропитанный тавотом трос, и пытавшихся сделать ему перевязку матросов швыряло по захлёстываемой свирепыми волнами палубе из стороны в сторону.

За бортом всё вокруг безудержно ревело и клочкотало. Над тревожным ночным морем бушевала непрогляд-

ная снежная пурга. Февральская борá – самая злая в здешних краях – превратила Цемесскую бухту в бурлящий ледяным «кипятком» котёл. Валивший с мглистого неба густой снег хорошо скрывал тихоходную «Скумбрию» от катеров противника, уже наверняка прочёсывавших акваторию в поисках русских судов, но вынуждал и её саму идти через бухту почти вслепую.

Андрей, надев, наконец, после перевязки свой промокший ватник, привалился спиной к болтающемуся из стороны в сторону деревянному ящику и сидел, осыпaeмый брызгами высоких вспенённых волн, разбивающихся о борт и хлещущих в лицо плотным, косо секущим дождём.

– Разобрать оружие! – неожиданно разнёсся над палубой отчаянный крик Жолудова. – К бою!

Матросы быстро забегали, распахивая оружейные ящики и выхватывая из них ППШ. На середину палубы швырнули открытый короб с гранатами. Схватив автомат и несколько магазинов, Новицкий залёг на правом борту и увидел, что их судно на полном ходу движется прямо на линию хорошо заметных, ползущих слева направо огней. Это была кильватерная колонна немецких торпедных катеров, и командир «Скумбрии», судя по всему, решил не поворачивать обратно, а с боем прорваться сквозь неё посередине, чтобы успеть доставить высадившемуся под Станичкой и уже вступившему в первый бой отряду Куникова жизненно необходимые вооружение и боеприпасы. Обогнуть строй быстроходных катеров противника, уже заметившего «Скумбрию», было невозможно.

Неправдоподобно плотная, как перед безжалостной бурей, темнота взорвалась сотнями оранжевых вспышек

на обеих сторонах. На всех судах разом беспорядочно затряслись огненные всплески автоматов. Торопливо смешиваясь, извиваясь в небе и над волнами, крестнакрест запульсировали длинные струи трасс. Замелькали, вонзаясь в воду, тяжёлые пулемётные очереди.

Пытаясь как можно глубже вжаться в вибрирующую под ним металлическую палубу, Андрей, едва успевая менять магазины, без остановки поливал свинцом стремительно надвигавшийся немецкий катер. Стаи пуль, будто обгоняя друг друга, дробно вонзались в борта, палубы и рубки. Острые удары гулко отдавались в замёрзшем металле.

Выбрасывая из волн высоко поднимающиеся, вспенённые столбы и хлётко шлёпая осколками по воде, сочно, с оглушительным треском лопались гранаты. Напористый норд-ост швырял в лица едкий запах тротила. Чем ближе «Скумбрия» приближалась к немецкой колонне, тем сильнее пенилась вокруг неё вода.

Выбрав момент, Новицкий тоже метнул несколько гранат. Одна разорвалась точно под бортом вражеского катера. Как живые, задрожали вогнутые и вывернутые наизнанку несколько листов серой стали, и отколотый взрывом кусок бортовой обшивки волной сорвало в море. На судне начался пожар, и он, заволакиваясь дымом, стал тонуть.

Насколько позволяли её слабые мощности, «Скумбрия» на полном ходу врезалась между этим и соседним катерами и, раздвинув их, протиснулась через колонну. С обеих сторон почти в упор ударили автоматы и пулемёты. Жуткий треск десятков стволов выбивал барабанные перепонки. Всё происходило так близко, что Андрею казалось, будто каждая взвизгнувшая пуля летит в него.

Морская вода вздувалась вокруг тяжёлыми взрывами. Вдруг жарко и колюче ударило в щёку, но Новицкий, не обращая внимания на текущую кровь, продолжал яростно отстреливаться широкими – во все стороны – и длинными очередями, быстро опустошая один автомат за другим.

Расстояние от фашистских катеров начало увеличиваться. Взорвались два из них, между которыми прорвалась «Скумбрия», и теперь высоко полыхали, размахисто качаясь на крутых волнах. Казалось, как будто горела сама вода, и в красно-оранжевом зареве среди обломков плавали и кричали от боли и обжигающего холода сброшенные за борт немцы.

Кипенно-белые волны, стихающие за кормами вражеских судов, свидетельствовали о том, что фрицы не намерены преследовать сплошь изрешечённый тральщик и остаются на месте поднимать из воды своих.

Прорвавшейся сквозь неприятельскую колонну «Скумбрии» удалось не только остаться на плаву, но и, выжав последние ресурсы из единственного уцелевшего, еле работавшего мотора, затеряться в ночном штормовом море. Несмотря на пронзительно дующий норд-ост, терпкая горьковатая гарь недавнего боя прочно висела над разорванной в нескольких местах палубой, заваленной мёртвыми телами, лежащими среди катающихся в лужах крови гильз. Все, оставшиеся в живых, включая контуженного близким разрывом командира Жолудова, были тяжело ранены. «Скумбрия» продолжала, хоть и с очень большим трудом, идти вперёд сквозь бушующие косматые волны.

От Станички судно всё ещё отделяло внушительное расстояние, однако ориентир уже хорошо был виден

даже невооружённым глазом. Казалось, крошечный клочок земли на западном берегу Цемесской бухты пунцово плавился в высоких всплесках багрового пламени и почти жидкой огненной массой стекал в ночное море. По чёрному небу, яростно брызжа ослепляющими рдяными хвостами, часто проносились снаряды – Зубков со свойственной ему ювелирной точностью продолжал наносить удары по Станичке через всю бухту, аккуратно отодвигая широкую стену огня в глубь территории.

Ревущий норд-ост обжигал морским холодом, вдавливая в уши отголоски гремющей пальбы боя, завязавшего под Станичкой. Хлестало сметаемой с раскуроченной рубки ледяной крошкой, которая, как битое стекло, колола лицо.

Тревожно прислушиваясь к артиллерийскому грохоту, заглушающему несмолкаемый шум плещущей в борта воды, Андрей лежал на палубе с распоротой осколком щекой и сильно ноющей раной в руке. Ватник был часто посечён осколками, на нём чернели пятна рваных дыр. Бинт, второпях наложенный матросами на рану в боку, промок от бурой крови и обвис под её тяжестью. Обнажив зубы и впившись в деревянную рукоять чьей-то финки, Новицкий мертвенно-синими, замёрзшими пальцами пытался перетянуть бинтом простреленное навывлет предплечье, но дрожавшие от напряжения и холода, перепачканные кровью руки не слушались его.

Тонкие острые струи бушующего ветра свистели в отверстиях изрешечённой осколками и пулями рубки. Посреди неё, из последних сил упираясь ногами в дрожащую, опасно шатающуюся под ним палубу, стоял у штурвала командир катера Жолудов. В уголках крепко сжатых губ и на мочках ушей толстой коркой запеклась

кровь. Он был сильно контужен, но знал, что, прежде чем провалиться в беспамятство, должен доставить оружие и боеприпасы отряду Куникова, и, похоже, только эта мысль удерживала сейчас командира на негнущихся, с трудом держащих его ногах.

Когда «Скумбрия» миновала середину залива и до берега, казалось, осталось совсем немного, по левому борту появилось несколько быстро приближающихся огней. Жолудов заглушил машину в попытке переждать, пока неприятельские суда пройдут мимо, но немецкая колонна уже заметила русский тральщик и двинулась прямо к нему.

Не дожидаясь команды, матросы начали разбирать оружие и готовиться к последнему для них бою. Андрей лёг за пустым деревянным ящиком из-под гранат с пулемётом ДП и взял на прицел медленно пробивающийся сквозь шторм и метель первый катер колонны.

Каждому было понятно, что предстоящего сражения «Скумбрии» не пережить и единственная цель этого боя – прежде чем погибнуть, успеть утопить ещё хотя бы одно вражеское судно.

В ту секунду, когда Новицкий уже был готов нажать онемевшим пальцем на спусковой крючок, с головного немецкого катера вдруг засигналили фонарём: «тире – точка – тире».

– Не стрелять! – громким шёпотом скомандовал вышедший на палубу Жолудов. – Убрать оружие!

Опытное чутьё бывалого моряка не подвело его. «Если немцы, вместо того чтобы сразу открыть огонь, передают запрос, значит, ожидают встретить на этом направлении кого-то, кто может им ответить», – рассудил командир.

– Быстро передавай то же самое направо! – приказал он сигнальщику.

Едва матрос скопировал немецкий код, справа, с борта другого – невидимого сквозь непогоду – судна, тотчас отозвались: «точка – тире – тире». Сигнальщик тут же повторил его ответ на левый борт, и вражеская колонна, круто изменив курс, начала уходить в сторону. Понимая, что ему теперь нужно держаться подальше от обеих групп немецких катеров, прочёсывавших бухту в поисках русских конвоев, Жолудов дал самый полный вперёд и, срезая галсами, начал уходить к Станичке.

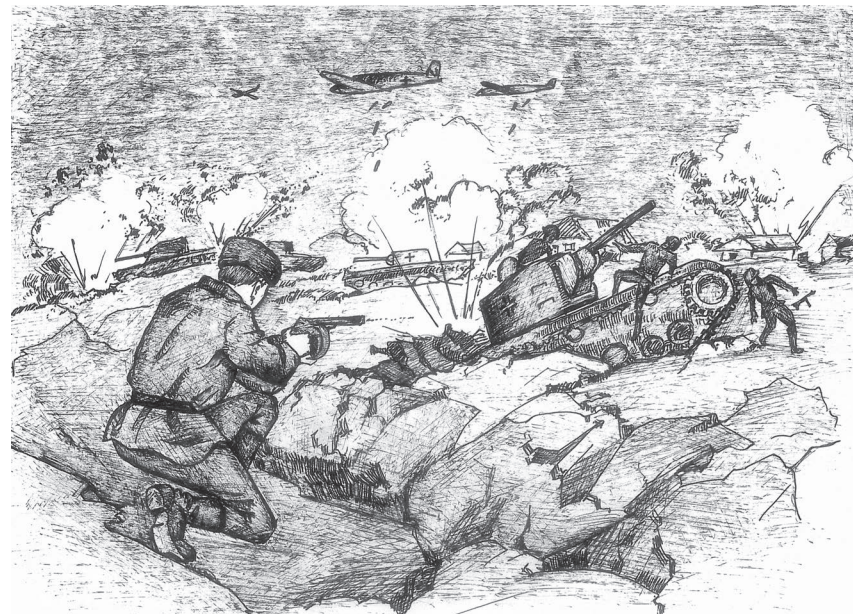
Обросшая до верхушек мачт ледяным панцирем и осевшая кормой в воду почти по самые леера «Скумбрия» не дотянула до берега несколько десятков метров и мёртво легла на дно с разгромленной, чёрной от копоти рубкой, обгорелыми, густо посечёнными бортами, расколотым гребным валом и многочисленными пробоинами, заткнутыми даже телами погибших.

Андрей в числе немногих уцелевших спрыгнул с тральщика в обжигающе холодную воду и, сбиваемый с ног высокими волнами, побрёл к берегу.

Отряду к этому времени уже удалось перенести бой в глубину суши. При первом же броске куниковцы захватили девять орудий противника, заняли несколько кварталов в южной части Станички и береговую полосу вдоль разрушенного железнодорожного полотна. Вокруг плацдарма в кромешной темноте гремел беспощадный и яростный – до мелочей отработанный десантниками, и потому страшный для врага – ночной бой.

На обледелом галечном пляже матросов встречал сам майор с группой солдат. Разбившись на две части, они начали разгружать оружие и боеприпасы с утонув-

шей «Скумбрии». Пока одни, раздевшись догола, вытаскивали из судна тяжёлые ящики, другие, надев ватники, грелись на берегу. Куников лично засекал время, чтобы люди не находились в ледяной воде дольше пяти минут...

Глава XXI

Жёсткий норд-ост мощно гудел над головами и разносил над клокочущей штормом Цемесской бухтой канонаду яростного боя. Выбежав на охваченный пожарами берег, Новицкий сразу бросился на передний край. Впереди всё пульсировало тёмно-красными вспышками. Пламя полыхающих домов густо смешивалось с тяжёлым жирным дымом. Снежная крошка сыпалась на шапку-ушанку. Усиливающийся ветер насквозь продувал разорванный в нескольких местах ватник. Влажное от пота, мокрого снега и морской воды тело быстро теряло тепло под слипшимся от крови нижним бельём. От пронизывающего холода начинало сводить челюсти.

Косые тени сгорбленных фигур заячьими скачками перемещались вокруг него среди частых всплесков мин и снарядов. На лицах бойцов, красных от напряжения и нахлёстанных ветром, высвечивались в отблесках трассирующих очередей жуткие гримасы.

К трём часам ночи бой прекратился. Расчёт Куникова на внезапность оправдался. Слабая противодесантная оборона фашистов в районе Станички позволила русским бойцам с ходу разгромить брошенные туда немецкие и румынские отряды и захватить небольшой плацдарм. Однако майор прекрасно понимал ненадёжность первого успеха, поэтому, не дав людям ни секунды отдыха, приказал окапываться. Многократное превосходство противника в живой силе и технике делало обстановку, в которой оказался отряд, весьма тяжёлой, а бушевавший за спинами шторм лишал всякой надежды на подкрепление: море стало несудоходным.

– Продовольствия и патронов мало, – сказал Цезарь Котанову, пока они наскоро размещали штаб в наиболее уцелевшем после первого боя доме, – но это полбеды. Десант у Южной Озерейки, судя по всему, полностью разгромлен. Значит, примерно через сутки – думаю, раньше немцы вряд ли перебросят оттуда войска – все освободившиеся силы навалятся на нас, и мы уже не сможем их сдержать. Но если бригада Потапова успеет высадиться на плацдарм и закрепиться здесь, тогда, возможно, фрицам не удастся сбросить нас в море. Поэтому наша единственная задача сейчас – выстоять хотя бы сутки и не отдать эту землю любой ценой.

– Лишь бы перестало штормить и Потапов смог сюда прийти, – хмуро отвечал Фёдор, вынимая из чехла радиопередатчик. – Иначе грош цена нашему героизму.

– Перестанет, никуда не денется... – успокоил Куников, доставая испачканными в земле пальцами ручку и блокнот из планшета. – Так сильно штормить долго не может... А пока передай Холостякову вот это...

Он протянул начальнику штаба листок, только что исписанный аккуратным убористым почерком.

– Какой смысл? – недоверчиво спросил Котанов, не глядя на записку. – Буров, надо полагать, сдал нас не только с потрохами, но и с радиошифрами.

– Передай! – твёрдо повторил Цезарь.

Фёдор взял листок, бегло пробежал его взглядом и медленно поднял на Куникова недоумённый взгляд.

– Так и радировать? – удивился он.

– Именно так. Слово в слово... – ответил Цезарь и вышел на улицу проверить, как окапываются десантники.

Станичка угрюмо темнела под крупными зимними звёздами. Снежная позёмка густыми клубами стелилась по земле в крепких порывах усиливающегося норд-оста. Белые шлейфы широкими жгутами скользили между домами и плотно обвивали заиндевевшие, впаянные в лёд редкие деревья. Ночь была наполнена частым стуком металла о мёрзлую землю и сыпучим шорохом отбрасываемых комьев. Низовой ветер разносил повсюду тупые удары и скрежетание металла по звонкой каменистой поверхности. Вгрызаться в твёрдый, как железо, грунт было невероятно сложно. Сапёрные лопаты не брали замороженную влажными приморскими холодами почву, а лишь глухо клевали её, брызгая в стороны крепкими, как кремь, осколками. С невероятным трудом кроша неподатливый грунт, в свете яркой луны сверкающий сталью, бойцы медленно углублялись в землю и

выкладывали перед собой низкие брустверы из отколотых комьев.

Андрей, преодолевая нестерпимую боль от ран, с размаху рубил твёрдую заледеневшую почву острым ребром сапёрной лопаты. Каждый удар отдавался в висках большими толчками крови. По телу шершавыми змейками полз озноб. Ныли мышцы плеч и рук, ломило шею, горели мозоли на ладонях, с пронизывающим покалыванием по спине пробегали мурашки. Его не оставляли жгучее чувство голода и неутолимая жажда. Он сгрёб дрожащей рукой с земли пригоршню колкого, как битое стекло, снега, стал раскусывать и глотать острые, быстро тающие в горле кусочки. Холодная влага леденила рот, на зубах скрипел песок. Высосав из перемешанного с землёй снега последние капли, Новицкий выплюнул оставшуюся во рту грязь и продолжил копать.

Ближе к рассвету в прояснившемся небе отчётливо послышался и начал стремительно нарастать надвигающийся со всех сторон утробный, тяжело вибрирующий гул. Андрей почувствовал, как затряслось под ним, словно живое, холодное тело земли. Гремящий издали раскатистый грохот плотно заполнил небо. На сером метельном фоне начал явственно проступать стройный косяк тяжело нагруженных «юнкеров». Мощный рёв их моторов стремительно расползлся по окрестностям и отчаянно бил в уши, подавляя все другие звуки. Тонкими красными и синими полосами по периметру крошечного плацдарма поднялись ракеты – немцы спокойно, как будто никого не боясь, уточняли световыми сигналами район предстоящей бомбёжки. Новицкий, судорожно оглядевшись по сторонам, только сейчас понял, насколько мал и без-

защитен этот клочок земли, на который им удалось выбраться.

Искрящиеся струны тем временем всё туже стягивали петлю вокруг Станички. Их огненная паутина быстро оплела плацдарм, сворачиваясь вокруг него смертельным змеиным кольцом, словно давая понять, что обратной дороги отсюда нет.

Первый «юнкерс», как будто споткнувшись в воздухе, опустил вниз хищный нос и, яростно сверкнув большими чёрными в белой обводке крестами на крыльях и фюзеляже, стал отвесно падать вниз. Из железного брюха вывалились несколько тёмных бомб и неумолимо понеслись вниз, стремительно увеличиваясь в размерах и грузно покачивая боками. В ту же секунду тонны смертоносного металла начали падать на плацдарм из других самолётов.

– Ложи-ись! – призывно разнёсся над берегом густой голос Куникова.

Андрей отбросил сапёрную лопату и свалился лицом вниз в неглубокий ровик, который ему удалось выдолбить. В тот же момент его сильно обдало жаром и накрыло ураганом. Недорытый окоп как будто трянуло, подбросило и сдвинуло в сторону. В нос и горло поползли удушливые струи химического толового смрада, словно невидимая рука с размаху швырнула в лицо ядовитую гарь клубящегося чёрного дыма. На зубах закричала земля. Воздух мгновенно забился душным густым туманом, из-за которого уже не было видно неба. Новицкий лишь чувствовал, как оно кипело и наливалось грохотом. Сотни осколков с мерзкой разнотонной визготнёй пропарывали туго натянувшиеся струи усиливающегося ветра. Каждый его удар мучительно рвал барабанные перепон-

ки. Перемешанная со снегом земля обрушивалась сверху тяжёлыми пластами, больно била по телу.

Вжавшись в недорытый окоп и боясь пошевелиться, Андрей изо всех сил цеплялся за последнюю нить сознания, удерживающую разум над пропастью безрассудного страха. Титаническим усилием он оторвался от казавшейся единственным спасением ледяной земли и осторожно поднял глаза. Повсюду дымились свежие воронки. Яростно слепя зазубренным пламенем из пулемётов, крестообразные силуэты бесконечно ползли по небу над высоко взметающимися взрывами. Туго скрученные толстые пучки трасс хлестали берег. Пули, звеня и жадно чавкая, жёстко раскалывали камни и с шипением впились в мёрзлую землю.

В оглушительный гром разрывов и гулкое урчание самолётов вдруг врезался надрывный крик: «Танки!». Отбомбив заданный участок, «юнкеры» начали один за другим разворачиваться над морем и уходить обратно, разбрасывая в уставшем небе быстро затухающие булькающие звуки. А со стороны крутого ската Навагирского хребта, обёрнутого вдалеке сизой дымной пеленой, зашевелились и хищно поползли к морю ровной линией серые квадраты. Соединившаяся в сплошную пепельную тень полоса танков надвигалась прямо на десантников с глухим дребезжащим рокотом. Синхронная вибрация множества моторов гулко отдавалась в развороченной авиабомбами земле зловещей дрожью.

– Гранаты к бою! – гремящим голосом проорал Цезарь. – К орудиям! Бронебойными!

Среди воронок зашевелились бойцы с окровавленными, перепачканными землёй головами. Несколько солдат, спотыкаясь о тела убитых, побежали к четырём

из девяти уцелевших немецких орудий, захваченных во время ночной высадки, и принялись вставлять панорамы в гнёзда. Другие – тащили ящики со снарядами к раздвинутым станинам.

Новицкий перебежал из недорытого окопа в глубокую воронку от бомбы. Фашистские танки неумолимо неслись вперёд, грузно покачиваясь на бугристой земле и пепельным облаком закручивая вокруг гусениц лохматые вихри снега и грязи. Андрей сдёргнул с пояса гранату и уверенно вырвал чеку.

– Не торопиться! – услышал он по-прежнему твёрдый голос Куникова. – Ждать! Не тратить снаряды впустую!

Танки начали быстрым, хорошо отточенным манёвром перестраиваться для последнего броска, вытягивая вперёд для тарана проламывающее остриё складывавшегося на ходу треугольника. Железный лязг и страшный скрежет нарастали с каждой секундой. Новицкий уже мог видеть искры из выхлопных труб и снег на покачивающейся в такт движению броне. Каждый его мускул напрягся до окаменения. Сузившиеся под секущим норд-остом глаза вперились в быстро надвигающиеся машины.

– Ого-о-онь! – наконец скомандовал майор.

С резким грохотом ударили трофейные орудия. Тотчас же рассветный полумрак разорвался безудержным эхом ответных танковых выстрелов. Строй серых силуэтов, напористо слепящих мощными фарами, в ту же секунду окутался кипящими огненными вспышками. Взрывы снарядов, глуша уши жаркой болью, запрыгали вперёд ярко-красными скачками. Казалось, то здесь, то там берег внезапно вскипал кроваво-багряными валами,

словно адское пламя вдруг начинало вырываться из-под пробитой насквозь земли.

Подпустив один из танков на расстояние уверенного броска, Новицкий швырнул гранату под его гусеницу. Рывок огня вышиб из неё несколько траков, которые, отлетев в сторону, со звоном ударились о корпус соседнего танка. Подорванную машину повело в сторону, она забуксовала, беспомощно осела на бок, загорелась от прямого попадания чьего-то снаряда и остановилась, предсмертно воя, словно раненый зверь, от жалившего её изнутри огня. Из быстро распахнувшегося люка вылезли трое танкистов. Андрей тут же срезал двоих из них одной очередью и после короткой паузы с внезапно охватившим его мстительным восторгом прострелил голову третьему. Тело неуклюже сползло по заснеженной броне, жирно перечеркнув кровью большой чёрный, обведенный белым контуром крест, и рухнуло под задравшиеся вверх и бесполезно крутящиеся на весу колеса.

Нескончаемый поток танков, часто мелькая острыми вспышками тяжёлых выстрелов, не прерываясь ни на минуту, волна за волной накатывался на плацдарм из глубины немецкой обороны. В орудийный грохот с деревянным хрустом впивались сухие щелчки противотанковых ружей. Несколько машин, как будто с ходу натолкнувшись на невидимую стену, остановились и, мощно тараня друг друга грохочущим металлом, начали ввинчиваться в землю, оставляя на ней плоские ленты перебитых гусениц.

В мутно стелющейся по берегу жёсткой пороховой гари, под взрывами, забивающими глаза мокрым песком и окатывающими мелко раздробленными комьями земли, Новицкий почти утратил чувство реальности. Краем

глаза Андрей замечал густо измазанные копотью, аспидно-чёрные, окровавленные лица отчаянно дерущихся друзей, но уже не мог сказать, сколько времени прошло с начала первого удара, и сколько ещё он выдержит в этом сумасшедшем ритме неравного боя.

Несколько десятков танков уже горели на подступах к маленькому плацдарму. Разносящийся по ветру огонь жадно облизывал их. От закопчённых машин густо валил жирный чёрный дым. Внутри некоторых толчками рвались неиспользованные снаряды, заставляя безжизненно замершие башни и гусеницы мощно вздрагивать. Из-под трескучего пламени, смешиваясь с запахом стораемых масла и соляры, вырывалась смердящая вонь горящего человеческого мяса.

Через несколько часов стало ясно, что танковая атака ослабла. Бесцельное кружение уцелевших машин вокруг десантников давало понять, что ещё на одну атаку фрицы не решатся. Каждый метр плацдарма был плотно измят гусеницами, изрыт и искромсан пулями и снарядами. Продавленные танками в земле широкие следы густо заполнились мокрым снегом, грязью и кровью. Вокруг подбитых машин в нелепых позах бугрились трупы немецких танкистов в чёрных униформах. В глубине их остекленевших глаз, широко раскрытых в последнем ужасе, отражались отблески незаконченного боя – вслед за танками начали прибывать бронетранспортёры с вражеской пехотой. Рявкнула и загремела гитлеровская артиллерия. Небо вновь запылало трассами и косматыми искрами ракет. Гулкие раскаты орудий гудели в такт штормовой погоде, обрушивавшей на берег ревущие волны прибоя. Огневые волны вновь накрыли плацдарм.

С противоположной стороны бухты отчаянно утюжил Станичку громыхающим катком артиллерийского огня Зубков.

Взбешённо пронизывая утреннюю зарю вспышками выстрелов, на куниковцев двинулись длинные пехотные цепи немецких солдат. Порывы ветра разносили отчаянную трескотню тысяч пулемётов и автоматов. В воздухе звонко лопались бризантные снаряды. Горький запах окалины и пороха забивал ноздри. Шершавый холод, словно наждаком, драл одеревеневшие лица. Закоченевшие пальцы обжигались на толстых раскалённых стволах ППШ. Сердца захлёбывались, неровно стуча сдвоенными ударами. Ненадолго замершая после отбитой танковой атаки земля вновь превратилась в сплошное кипящее месиво.

Многочисленные немецкие отряды, поддерживаемые уцелевшими бронемашинами, неумолимо шли вперёд. Землю с грохотом разверзали свежие воронки. Взламывая непрерывный гром боя, резко хлопали противотанковые орудия, всаживая в тупые лбы фашистских машин один бронебойный за другим. Тяжёлые гаубичные разрывы, фосфорические росчерки реактивных снарядов, одиночные выстрелы и протяжные пулемётные очереди – всё это щедро перемешивалось в пульсирующих клубах огня и дыма. Широкие косяки полыхавших над посёлком пожаров перекрещивались над крышами домов. Повсюду звенели высаживаемые взрывами стёкла...

В кабинете генерал-полковника Руоффа царило оживление. Срочно вызванные на оперативное совещание генералы и офицеры переговаривались между собой

возбуждённым шёпотом. С одной стороны, они радовались успеху под Южной Озерейкой, с другой – недоумевали, как русскому отряду удалось закрепиться под Станичкой.

Сам командующий армией стоял возле стола, склонившись над широкой картой Новороссийска и окрестностей.

– Как мы видим, никакого отвлекающего удара по центру города, о котором предупреждал наш осведомитель в энкавэдэ, не было... – громким нетерпеливым голосом говорил он. – Теоретически это можно объяснить тем, что наши авиация и артиллерия начали уничтожение сил основного десанта в море раньше, чем вспомогательная группа русских войск подошла к бухте. Допустим, что, увидев или получив сообщение о гибели головных сил, они приняли решение не высаживаться, поскольку это потеряло смысл. Но кто мне объяснит их странную высадку в Станичке? Буров о ней не сообщал. Местность для десантирования – сложная. Если не знать о критически слабой нашей обороне именно в этом месте, никому не пришло бы в голову атаковать там. В наличие русских шпионов среди нас я не верю. Для случайного совпадения, по-моему, чересчур. У кого-нибудь есть версии, что происходит?

Стоявший у противоположного конца стола худой и высокий, с жёлтым, как шафран, лицом генерал-майор Вильгельм Ветцель слегка наклонился вперёд и, устремив взгляд в карту, негромко заговорил:

– При всём уважении, господин генерал-полковник, хорошо ли вы знаете этого Букова, что так доверяете его информации? – на бледных губах Ветцеля задрожала улыбка, и глаза загорелись блеском. – Не в моих прави-

лах лезть в чужие дела, но до всех нас дошли слухи, как минувшей осенью русский лазутчик выкрал секретную карту прямо из-под носа гестапо. О нём вас тоже предупреждал Буров? Сильно нам это помогло?

– Что вы имеете в виду? – пристально глядя на него, спросил Руофф.

– То, что Буров, судя по всему, снабдил своего русского разведчика намного более полезной информацией, чем нас... – мелко двигая длинным тонким носом, ответил Ветцель. – Не происходит ли и сейчас дело с похожей хитростью? Доверившись Бурову, мы вывели из города, перетасили через горы и перебросили под Южную Озерейку достаточно крупные силы. В бой они там ни с кем не вступили, потому что основной десант был якобы разгромлен ещё в море. А кто-нибудь из нас видел этот десант? Да, мы знаем, что расстреляли какую-то группу кораблей. Но кто подтвердит, что там действительно были крупные русские силы? Кто поручится, что вместо настоящих танков и орудий мы не утопили сотню макетов?

– Вы хотите сказать, что Буров обманул нас? Зачем? – задумчиво проговорил Руофф.

– Затем, чтобы мы не успели перебросить наши силы обратно в Новороссийск, когда русские высадутся в Станичке, – твёрдо ответил генерал-майор. – Я совершенно убеждён, что основной десант – именно там, и нам не стоит недооценивать его возможностей.

В кабинете повисла долгая напряжённая пауза, которую осторожно нарушил оберст Шэффер.

– Позвольте мне высказать свое соображение... – неуверенно начал он. – Вчера вечером по приказу генерал-полковника я встречался с Буровым в горах. Рус-

ский офицер производил впечатление человека, всецело заинтересованного в сотрудничестве с нами и очень рассчитывающего на нашу победу. Поэтому я категорически не могу принять утверждение, что он сознательно предал нас. Скорее всего, имело место обычное для любой сложной боевой ситуации непредвиденное стечение обстоятельств. Скажем, после разгрома основного десанта отвлекающий отряд, возможно, решил зачем-то высадиться на берег в Станичке, а не в центре города...

– Если верить тому же Бурову, в отряде должно было быть не больше трёхсот человек, господин оберст... – тут же огрызнулся Ветцель. – Такие силы русских уничтожаются силами одной нашей дивизии за полчаса. А этот десант дерётся против нашей двадцать шестой пехотной дивизии, поддерживаемой танками и авиацией, уже дольше шести часов. Значит, у них там явно более крупные силы...

– Похоже, вы совершенно не учитываете такие понятия, как стойкость и героизм, – возразил Шэффер. – Особенно, когда речь идёт о загнанных в угол людях.

– Стойкость и героизм – не более чем предельные значения статистически допустимых величин... – высокомерно заявил Ветцель. – Поэтому не вижу смысла учитывать то, что противоречит здравому смыслу.

– Хорошо! – вмешался, наконец, Руофф. – Я понял ваши оценки. Какие будут предложения?

– Продолжать давить до конца, – быстро ответил Шэффер. – Мы должны очистить плацдарм, пока русские не перебросили на него дополнительные подразделения. Уверен, что основные силы отряда Куникова к настоящему времени уничтожены, нам теперь нужно лишь добить его остатки.

– Полностью не согласен! – сразу же возразил Ветцель. – У меня нет никаких сомнений, что все запланированные к высадке подразделения уже там, поэтому мы лишь зря губим сейчас своих солдат и теряем технику. Нужно отвести войска и дожидаться возвращения основных сил из Южной Озерейки. Тогда можно будет наверняка разгромить русских под Станичкой и намного меньшей кровью.

Руофф застыл над столом, не отводя глаз от тесного переплетения красных и синих стрелок на хорошо освещённой карте. «Продолжать или отвести?» – никак не мог решить он.

Раздался стук в дверь. Она тихо отворилась. Вошедший офицер вручил Руоффу чёрную папку.

– Перехваченная радиограмма русских из района Станички... – пояснил он. – Единственная с момента высадки.

Генерал-полковник нетерпеливо открыл папку и прочитал: «Полк высадился успешно. Действую по плану. О необходимости отправки последующих эшелонов доложу отдельно. Куников».

– Отвести войска и срочно начать переброску сил из Южной Озерейки к Станичке! – уверенно приказал он, поднимая глаза на собравшихся. – Совещание окончено. Все свободны!

Проводив подчинённых, Руофф сел к письменному столу, чтобы написать донесение фюреру о том, что ударная группировка вверенных ему войск вынуждена прекратить наступление по Сухумскому шоссе и временно перейти к обороне до ликвидации образовавшегося на западном берегу Цемесской бухты русского плацдарма.

Тяжело вздыхая и подолгу раздумывая над каждой фразой, он писал это послание не собственной кровью, как предыдущее, а простыми армейскими чернилами, пачкая дрожащие от досады пальцы...

Глава XXII

Холодное зимнее солнце быстро клонилось к западному горизонту, а в Станичке продолжал греметь яростный бой. Десантникам удалось занять половину посёлка, другая – по-прежнему оставалась у немцев. Их разделяла линия высоких пожарищ.

Низкое предвечернее небо расцветивалось сотнями огненных хвостов. Земля лихорадочно дрожала от непрерывающихся обстрелов. С тяжким звоном рвались снаряды, засыпая раскаленными осколками мелкие окопчики и воронки, которые служили десантникам единственным укрытием на крошечном многократно перепаханном свинцом участке берега. С утробным

скрипучим грохотом били немецкие шестиствольные миномёты. Сквозь сплошной гул взрывов прорывался отчётливый стук крупнокалиберных пулемётов. Трассирующие пули широкими веерами хлестали по земле, с гулом и чавканьем вонзаясь в развезённую гусеницами танков грязь. Горячий пепел медленно опадал в нагретом воздухе.

Куниковский отряд, несмотря на огромные потери, продолжал упорно сопротивляться неослабевающему вражескому натиску со всех сторон. Частые взрывы немецких мин ровными квадратами методично ложились на Станичку, грубо взметая землю. Сильно поредевшие ряды русских солдат в грязных окровавленных ватниках с уже плохо различимыми белыми повязками на руках, пригибая головы от визжащих повсюду осколков, метались среди взрывов.

По всему берегу проносились мутно-красные вспышки. Земля под ногами качалась, падала вниз и взлетала вверх. Пулемётные очереди и щёлкающие с треском разрывные пули, сверкая синим цветом, вышибали из вмёрзших в снег трупов обескровленные куски. Из-за навала мёртвых тел отстреливались живые. В чьей-то вытянутой руке быстро вздрагивал немецкий люгер.

Снаряды бились в мёрзлый грунт, осыпая ледяные комки с края воронки, из которой, быстро меняя магазины в трофейных автоматах, отстреливался Новицкий. В землю, словно пытаясь расшатать её, гулко ударили и разорвались с оглушительным грохотом два дальнобойных снаряда. Лавина грунта поднялась в небо и, развалившись на чёрные пучки, обрушилась на Андрея. По плечам и голове зашлёпали холодные комья.

Он выскочил из воронки и бросился в сторону почти сгоревшего немецкого танка, чтобы укрыться за ним. Сбоку с опадающим грохотом разорвался снаряд, рассыпались автоматные очереди. Переждав, пока пули с коротким визгом хлестнут над головой, и точно срезав нескольких фашистов ответными выстрелами, Новицкий рванул сквозь спутанно перекрещённые трассы и злобный свист пуль, обдававших его порывами рассечённого воздуха. Густо взметавшиеся вокруг огненные фонтаны швыряли грунтом и снегом в меловое обескровленное лицо. Когда он уже почти добежал до закопчённой машины, прямо перед ним гулко лопнул танковый снаряд. Подсвеченный огнём обвальный взрыв сильно потрянул землю, мощно швырнув на неё Андрея. Вокруг него насадно перекатилось эхо, заскулили осколки. На мгновение оглушило покрывшим всё грохотом, горло и грудь забило удушающей гарью. Красные брызги вперемешку с чьими-то обожжёнными ошмётками ударили в лицо.

Когда дым опал, Новицкий поднял голову и сквозь сыпавшиеся с шапки-ушанки комки земли и льда увидел, что перед ним на залитом кровью дне воронки корчится от боли и стонет морпех без обеих ног. Из его рта, пузырясь и клокоча, толчками вырывались струи крови. Спустя мгновение Андрей заметил, что прямо на них, хищно лязгая траками, разбрасывая искры из выхлопных труб, по развороченной бомбами, усыпанной стреляными гильзами земле ползли танки. Прячась за их бронёй, уверенными перебежками приближались немецкие солдаты.

Новицкий скатился в воронку, быстрым движением сорвал с шеи умирающего автомат и длинной очередью пропорол плотные цепи наступавших фашистов. Тотчас воздух трубными перекатами грохота тяжело проломили

ответные танковые выстрелы, гулким эхом отдавшиеся над заваленной трупами, окровавленной землёй. В грязном снегу сверкнули синие искры разрывных пуль.

Андрей отстреливался до последнего патрона, но силы были слишком неравны. Танки, грубо размалывая траками навалы тел, быстро приближались к нему. Перед тем как отступить, Новицкий, елозя промокшим от крови и пота ватником по мёрзлому грунту, подполз к раненому. Тот неподвижно лежал в бурой жиже, вмяв виском в грязь насквозь простреленную в нескольких местах шапку-ушанку. Оставив умершего, Андрей бросил из воронки несколько гранат и, скрываемый их взрывами, переметнулся в другое укрытие. Вся земля вокруг, насколько хватало глаз, была сплошь изрыта ямами и разворочена гусеницами танков. Повсюду торчали разбитые пулемёты и автоматы, белели обломки расщеплённых взрывами деревянных прикладов. На заметаемых снегом трупах немцев ветер трепал окровавленные серо-зелёные шинели. Между догорающими машинами в огненных лужах полыхал бензин. Пламя жадно облизывало закопчённые остовы и разбитую броню танков и бронетранспортёров. Свирепый ветер разносил высокие снопы искр. Угарно и приторно несло тесно перемешивающимися запахами раскалённого железа, жжёной резины и сгоревшего человеческого мяса. В воздухе со свистом разлетались куски разорванного металла. Под взрывами и пулёмётными очередями безучастно вздрагивали и как будто шевелились тела убитых.

Силы куниковского отряда стремительно таяли...

В очередной раз развёрнутым строем по перемешанному с грязью снегу двинулись танки. Прикрывае-

мые ими, стреляя от бедра, шли коваными сапогами по мёрзлой земле немецкие автоматчики, вновь наталкиваясь на яростный кинжальный огонь ППШ.

Глухо захлопали противотанковые гранаты. Разбрасывая искры, замерли и задымились загоревшиеся танки.

Немцы ответили бешеным обстрелом. Как тараканы, со всех сторон на Станичку в бесчисленный раз поползла гитлеровская пехота.

В прорезь прицела противотанкового ружья за фрицами пристально следил оставшийся последним на своём рубеже Эндель. Мороз тысячами игл колол туго натянутую свирепым норд-остом кожу. Сдавленное дыхание вырывалось изо рта белым облачком пара. На искромсанном бомбами и снарядами берегу высоко пылали красные огни, затягиваемые косыми траурными шлейфами дыма.

Вдруг всё сотряслось от адского грохота разрывающихся танковых снарядов. Всполохи пламени закрутились огненными спиралями. Голова Мэри налилась чутунным звоном. Раздробленная, взметнувшаяся ввысь земля обрушилась с неба и заколотила по телу. На лицо мелкими сгустками налипла горячая грязь.

Эндель всадил несколько бронебойных снарядов в ближайший танк. Тот загорелся и, обволакиваясь на ходу светло-оранжевым облаком, с размаху врезался гусеницами в бок недавно подбитого бронетранспортёра. Барабанной дробью загудел и тонко заскрежетал под многотонной тяжестью догорающий остов. Длинные извивающиеся струи мазутного дыма поползли в воздух, по броне широко раскинулся высокий огонь. Сладко и приторно потянуло тошнотворным смрадом горящего мяса.

Несколько упавших рядом с Мэри гранат разорвались и выпустили клочковатые облачка. Сорванная с головы шапка-ушанка свалилась за спину. Отброшенное взрывной волной противотанковое ружье отлетело в сторону. Подняв голову, Эндель неправдоподобно близко перед собой увидел очередной, надвигавшийся прямо на него танк. Грязные заочечневшие пальцы крепко вцепились в ручки двух гранат. Мэри выдернул предохранители и рассчитанным броском метнул одну из них.

Немецкий стрелок, высунувшийся из башни, успел нажать спуск танкового пулемёта. Яростно сверкнуло пламя. Точным движением Эндель бросил в танк вторую гранату и, отброшенный горячим жёстким ударом в грудь, упал на дно окопа.

Из широко раскрывшегося рта хлынула кровь. Громко хрипя пробитыми насквозь лёгкими, Мэри жадно загребал руками воздух на заваленном стреляными гильзами дне окопа. На его бледно-восковых губах закипала красная пена с лопающимися пузырями. Перед помутневшим взглядом поползли широкие багровые волны, и оглушающая канонада боя начала медленно затухать в гулкой пустоте. Падая, он успел увидеть, как длинные искры автоматной очереди чиркнули по немецкой броне, и выстреливший в Энделя стрелок мёртвым скатился под гусеницы.

К Мэри с ещё тёплым после выстрела оружием подбежал Новицкий. Он сразу увидел, что мутная пелена уже подёрнула светло-голубые глаза друга. Ватник был прорван и окровавлен у самого сердца, руки широко раскинуты в стороны. Отброшенное взрывом противотанковое ружье остывало в перемешанном с землёй снегу, оплавленном раскалённым стволом.

– Только не умирай, Эндель! Слышишь! Не умирай!
– крикнул Андрей, склонившись над другом.

Мэри, собрав последние силы, неотрывно глядя в глаза Новицкого, грязными окровавленными пальцами что-то достал из внутреннего кармана ватника, вложил в руку Андрея и, мучительно выдавливая каждое слово, запинаясь от боли, произнёс:

– Это... было... у той... девушки, которую... я... похоронил...

Его зрачки остановились и застыли.

Новицкий осторожно разжал ладонь. На ней лежало... то самое, сделанное им тонкое медное колечко с гравировкой: «Полине от Андрея», подаренное ей в день их последней встречи.

– Нет, Эндель! Нет! – закричал Новицкий, подняв к серому небу опухшие, красные от грязи и холода глаза, не выпуская из рук отяжелевшее тело друга. – Вставай! Хотя ты-то не умирай, прошу тебя!

Над плацдармом внезапно разнёсся басовитый голос. С сильным немецким акцентом кто-то произнес:

– Русские солдаты!

Андрей увидел лёгкий бронетранспортёр, выехавший вперёд между двумя подбитыми и уже почти сгоревшими танками, и высунувшегося из его башни офицера с громкоговорителем в руках.

– Германское командование впечатлено вашими смелостью и стойкостью, поэтому даёт вам последний шанс сохранить жизнь... – натужно выговаривая неудобные для него в произношении русские слова, продолжал немец. – Мы знаем, что у вас нет ни патронов, ни пищи, ни воды. Дальнейшее сопротивление бесполезно. Если вы сложите оружие, мы гарантируем вам

безопасность, медицинское лечение, тёплую одежду и горячее питание.

Боль и ненависть закипели в сердце Новицкого. Он молниеносно перекатился через остывающее тело друга и подобрал лежавшее на краю воронки его противотанковое ружьё.

– В противном случае... – ещё сильнее коверкая жёстким произношением русские слова, перешёл к угрозам гитлеровцев. – Мы одним ударом сбросим вас в море. Тогда не ждите пощ...

Прогремел выстрел. Бронебойный патрон разнёс голову офицера вместе с громкоговорителем...

Замешательство немцев длилось недолго. Фашисты опять начали громить плацдарм из всех стволов. Высокими чёрными кустами взметнулись миномётные взрывы. Басовито загремели разрывы дальнобойных снарядов. Цепи автоматчиков бросились вперёд.

Андрей выпустил в набегавших последние патроны из трофейного автомата и, не желая погибнуть, просто вжавшись безоружным в землю, выскочил с финкой прямо на фашистов. Он с размаху всадил нож в грудь одного из них, вырвал из его рук автомат и непрерывной очередью скосил ещё нескольких нападавших. Когда патроны закончились, Новицкий отшвырнул горячее оружие в сторону, выпрямился в полный рост и, вдохнув всей грудью, приготовился принять ураган смертоносного свинца, который должен был вырваться из десятков направленных на него с разных сторон автоматных и пулемётных стволов.

В этот момент с неба на немцев обрушился огненный ливень. Несколько русских самолётов, сея острое пламя и часто роняя в землю густые радуги

трасс, пропороли воздух длинными сухими очередями. Вокруг Андрея кувыркались и с шипением падали в снег раскалённые гильзы крупнокалиберных авиационных пулемётов. Уцелевшие фашисты побежали, бросая оружие.

Перечёркивая небо косыми траекториями и обдавая запахом горячего железа, низко, почти над головами десантников, проносились хорошо узнаваемые силуэты русских истребителей и штурмовиков. Пробивая редкие облака, они со стремительно угасающим гулом уходили в сторону Новороссийска. Навстречу им один за другим спешили немецкие «юнкерсы». Стоящий посреди дымящегося поля боя Новицкий устало наблюдал, как, посверкивая в лучах заходящего солнца далёкими пулемётными очередями, будто бы падали и снова взмывали в небо схлестнувшиеся в сражении самолёты. Шёл малопонятный с земли воздушный бой.

Убежавшие фашисты не вернулись. Уродливая смерть, с раннего утра раскрывавшая повсюду свои объятия, как будто отступила вместе с ними. Недовырытые утром окопы с обвалившимися брустверами были сплошь залиты кровью, раздавлены танками и использованы широкими следами гусениц. В них чернели полузасыпанные холодной грязью и осколками снарядов мёртвые тела, искорёженные пулемёты, автоматы и противотанковые ружья. Из распаханной боем земли торчали клочья окровавленных ватников и обугленных шапок-ушанок, виднелись забрызганные кровью лица убитых. Вокруг плацдарма заметаемые снегом плотно бутрились многочисленные груды трупов в серо-зелёных шинелях...

Непривычную тишину, нависшую вдруг над Станичкой, нарушали лишь сухие потрескивания радиосигналов из перекошенного взрывом авиабомбы дома, служившего штабом отряда. Твёрдое, как всегда, осунувшееся, бесконечно усталое лицо Куникова склонилось над только что отремонтированным им радиоприёмником, рукоятку которого, то добавляя, то убавляя громкость, крутил Котанов. Несколько часов назад, в самый разгар битвы, бронебойный снаряд, жёстко фырча, врезался в боковую стенку, легко пробил её и вдребезги разнёс радиоаппарат. Собрав обломки, Цезарь сумел починить прибор.

– Сильные помехи, товарищ майор. Не с моим знанием их языка это разобрать... – заговорил Фёдор, толком не знавший немецкого, но научившийся за время войны вычленять нужную информацию из радиоперехватов.

– Поищи другую волну... – посоветовал Куников. – Нам бы в самых общих чертах понять, что происходит.

– Эфир очень оживлённый, – произнёс начальник штаба, медленно прокручивая разбитую рукоятку. – Ещё румынские рации, как назло, влезают.

Пропустив несколько радиоволн, сыпавших быстрым румынским речитативом, Котанов, наконец, остановился на энергично пульсирующей немецкой речи.

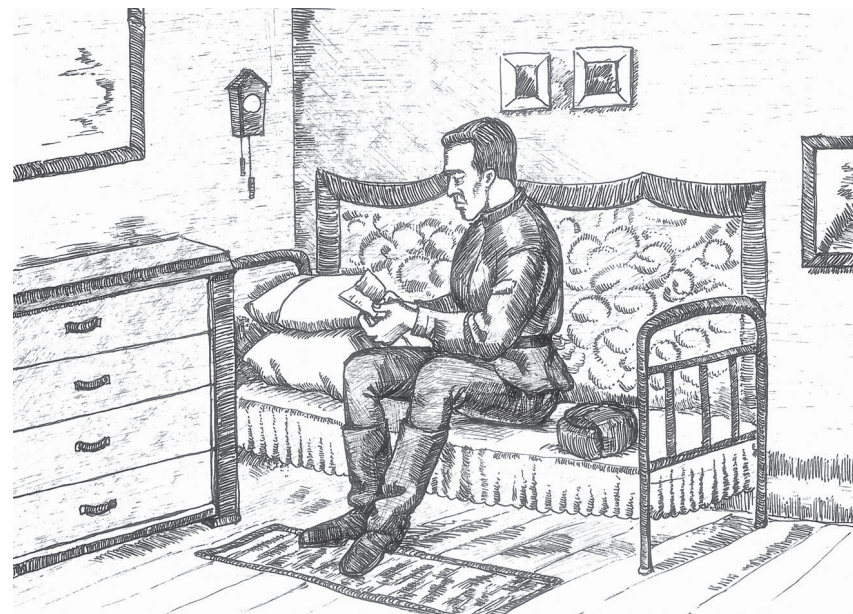
– По-моему, у них приказ отвести войска до завтрашнего утра... – неуверенно сказал Фёдор, вслушавшись в переговоры. – Перебрасывают подкрепление из Южной Озерейки.

– Если это так, – медленно проговорил Цезарь, – нам очень повезло. Сегодня мы выстояли.

Немного подумав, он спросил:

– Сколько человек осталось в живых?
– Одиннадцать, товарищ майор. Все тяжело раненные.

Глубоко и напряжённо вздохнув, Куников молча взял автомат и вышел из дома...

Глава XXIII

Поздним вечером Цезарь, серьёзно задумавшись, стоял на берегу. С багровым солнцем ушёл за горизонт ужасающий вихрь неимоверно тяжёлого боя. О том, что завтра ждёт их – оставшихся в живых одиннадцать тяжело раненных человек, – можно было только гадать. Сутки назад казалось, будто весь мир обернулся против бойцов его отряда. Однако им удалось, хоть и чудом, отбить у врага крошечный участок береговой линии на западном берегу Цемесской бухты и отвоевать для себя ещё одну трудную ночь, пусть и без воды, пищи и связи с Большой землёй. Не слишком ли много на сегодня чудес? Вправе

ли они ждать ещё чего-то от безжизненного штормового моря и бушующего над ним свирепого урагана? Порывы холодного ветра трепали гребни широких волн, мощными ревущими накатами растекавшихся по студёному галечному берегу, с треском швыряющих и звонко ломающих друг о друга гладкие овальные камни. Солёные брызги белыми хлопьями взлетали ввысь.

Куников был готов хоть вечность простоять на тёмном ночном берегу, лишь бы дожидаться помощи, но вязко тянувшееся время не нарушалось ничем, кроме монотонных ударов холодной воды об обледеневшие камни.

Вдруг ему показалось, что острые порывы ветра, вырывающиеся из бурлящего непогодой морского пространства, доносят до него негромкий гул двигателей. Через несколько минут еле различимый в ночной черноте силуэт крупного, шедшего без огней судна на мгновение закрыл нависшие над горизонтом звёзды и скользнул в сторону располагавшегося на окраине Станички рыбозавода.

Не веря происходящему, Цезарь со всех ног побежал туда и увидел, как крупная канонерская лодка приблизилась к пристани южнее рыбных цехов. Это был «Красный Аджаристан», старательно приберегавшийся Холостяковым для самого сложного момента. К тому времени как майор добежал к месту швартовки, на берег уже спустился командир 255-й морской стрелковой бригады – полковник Алексей Степанович Потапов – коренастый, плотного телосложения, с широким славянским лицом немолодой человек. Увидев Куникова, он двинулся ему навстречу. Офицеры крепко обнялись и, словно не веря каждый своему счастью, посмотрели друг на друга.

– Слава богу, не зря шли! – наконец облегчённо выдохнув, произнёс Потапов. – Значит, всё-таки есть плацдарм. Будет где размахнуться, чтобы бить фрицев.

Спокойная улыбка, как луч света, осветила смертельно усталое лицо Цезаря.

– Плацдарм есть, и он полностью в вашем распоряжении, товарищ полковник... – сказал Куников. – Правда, полноценно размахнуться здесь, на мой взгляд, будет сложно.

Алексей Степанович, внимательно изучив на карте в свете фонаря участок береговой линии, точно очерченный Цезарем, как бы разочарованно согласился:

– Да уж, невелика земля-то...

– Малая, но удалая... – невесело отшутился Куников. – Всё, что смогли, товарищ полковник.

– Пожалуй, вы сделали невозможное, товарищ майор. Огромное спасибо вашим бойцам за плацдарм!

– Пока рано благодарить, – предостерёг Цезарь. – Есть все основания предполагать, что уже к завтрашнему утру фашисты перебросят сюда очень крупные силы из Южной Озережки и навалятся на нас с утроенным остервенением.

– За это не беспокойтесь, товарищ майор! – твёрдо возразил Потапов. – К этому времени я превращу твою малую, но, как ты говоришь, удалую землю в неприступную крепость.

Полчаса спустя к берегу севернее пристани рыбозавода подошла канонерская лодка «Красная Грузия» и ещё несколько кораблей. В эту ночь, несмотря на сильный шторм, сопровождавшийся напористой снежной метелью, на плацдарме были высажены 255-я морская стрелковая бригада в полном составе, часть 165-й стрел-

ковой бригады и 31-й отдельный парашютно-десантный полк. На берег один за другим выкатились с десантных барж танки и тяжёлые орудия. Пока тысячи солдат выносили из трюмов ящики с оружием и боеприпасами, другие уже принялись за рытьё траншей и возведение дотов.

Новицкий не видел этих грандиозных приготовлений к завтрашнему сражению. Сразу после окончания боя он, тяжело передвигая ноги, выплёвывая изо рта и стирая с подбородка чёрную запёкшуюся кровь, побрёл к Полининому дому. Почти полностью разрушенная Станичка была неузнаваема. Андрей с трудом угадывал в открывающихся его взгляду одиноких, обугленных, занесённых снегом руинах когда-то уютные светлые дома, в которых жили большие дружные семьи.

Между вмёрзшими в окровавленный снег трупами фашистов с важным видом вышагивали голодные помойные чайки. При приближении Новицкого они одна за другой сорвались с мест и, громко хлопая белыми крыльями, принялись чертить уродливые кружева в стылой мгле, на лету проглатывая вырванные хищными клювами куски из тел мертвецов. Резкий норд-ост стряхивал с обвалившихся крыш горсти колкого инея, хлещущего в лицо режущими порывами.

Андрея била дрожь, зубы выстукивали неровную дробь. Он еле узнал дом Щербаковых, стоявший возле моря на окраине посёлка. Один угол почти полностью обрушился в глубокую воронку от снаряда. В брешах, пробитых взрывами в стене дома, торчали острые концы разорванных брёвен, светлевшие свежими жёлтыми надломами. Крыша провалилась, дверной косяк и окон-

ные рамы вылетели наружу. В ужасе отвернувшись от жутких проёмов окон, Новицкий увидел посреди двора под толстым слоем снега две могилы – как он догадался – маленькую Ванину и большую – Полины.

Бесконечно длящиеся минуты он простоял на пронизывающем ветру, не сводя помертвевших глаз с невысокого, заледеневшего, покрытого голубым ноздреватым снегом холмика. Это было единственное, что осталось от его любимой...

Медленно прошёл к дому, взобрался по обломкам крыльца и заглянул внутрь. Полинина комната с выбитыми окнами и наметёнными в углах снежными сугробами почти не пострадала. Над изголовьем старой железной кровати, на которой он оставил её выздоравливать после ранения, уходя на войну, всё ещё висело приколотое иголками к стене из брёвен одно из его детских писем. Рядом стоял большой письменный стол.

Андрей подошёл к нему и выдвинул верхний ящик, в котором Полина хранила фотографии. Они и сейчас лежали там, но не аккуратной, перетянутой резинкой стопкой, как он привык видеть, а рассыпью – похоже, после его ухода Полина часто пересматривала их.

Сев на кровать, Андрей один за другим доставал пожелтевшие, помятые по краям снимки и подолгу рассматривал каждый. Вот здесь им обоим по двенадцать лет. Радостно чему-то смеясь, они со всех ног бегут по красивой, густо усаженной кипарисами городской набережной. На другом – уже старше – Полина увлечённо что-то рассказывает, он, не обращая на неё внимания, задумчиво смотрит в окно. А это – в походе по горам: Полина с интересом рассматривает большие цветы под ногами, а он тащит огромный рюкзак.

Вдруг его одеревеневшие от холода пальцы вместо очередной фотографии вытащили из ящика сложенный треугольником, как письма на фронт, лист бумаги. Новицкий осторожно развернул его и сразу же узнал округлый почерк Полины. Сердце тревожно замерло, когда он начал читать аккуратные ровные строчки:

«Дорогой Андрюша!

Очень надеюсь, что моё письмо застанет тебя живым и в добром здравии. По крайней мере, только об этом я сейчас молюсь изо дня в день. Пишу тебе, даже не зная, удастся ли отправить письмо или нет. Тебе наверняка уже известно, что наш город захвачен немцами. Это произошло так быстро и неожиданно, что я сама до сих пор не верю, хотя прямо за нашими окнами каждый день теперь проходят чёрные немецкие танки, а по вечерам разьеżdжают на мотоциклах фашистские автоматчики.

В тот день, когда фрицы штурмовали город, мы пытались убежать от них, но наш корабль обстреляли, и он утонул. Ване удалось спасти меня, но прямо рядом с нами в море застрелили твою сестру Нину. Твой брат Витя остался в вашем доме на Октябрьской площади и вместе с забаррикадовавшимися там матросами до последнего дрался против немцев. Говорят, они схватили его и сожгли заживо. Твоя мама пыталась забрать его оттуда, но её насмерть раздавил немецкий танк.

Даже не могу представить, как больно будет тебе читать эти строки. Всю жизнь я мечтала дарить тебе только счастье и радость, но имею ли я право не сообщить о том, что произошло? Тем более, кроме меня, это больше никому сделать.

Постоянно смотрю на кольцо, которое ты мне подарил, и ловлю себя на мысли, что с каждым днём люблю тебя всё сильнее. Я дала себе слово, что обязательно дождусь тебя и больше никогда в жизни не отпущу. Очень надеюсь, что эта проклятая война закончится как можно раньше и ты наконец вернёшься ко мне.

Крепко тебя целую и обнимаю.

Навечно твоя Полина

17 сентября 1942 года»

Несколько прозрачных капель упали на лист, и Андрей не сразу понял, что это были его слёзы. Он затолкал письмо вместе с фотографиями за пазуху своего разорванного окровавленного ватника и, неуклюже завернувшись в лежащее на кровати одеяло – то самое, которым была укрыта Полина в день их последней встречи, – провалился в беспамятство...

Ранним утром в комнате было сыро, а за окном уже рассветало. За прозрачными и чистыми, как слеза, стёклами зеленела под косым звонким дождём изумрудная листва, и в крышу по-летнему шумно барабанили ветки деревьев. Андрей приподнялся на локте и за столом рядом с кроватью увидел Полину. Ей двенадцать лет. На ней – лёгкое ярко-красное платьице. Она низко склонилась над тетрадкой и что-то писала. Заметив, что он проснулся, Полина отодвинула тетрадь и чернильницу на край стола, радостно схватила его за руку и потащила на улицу. Проходя мимо зеркала, Андрей увидел себя – в детских коротких белых шортах и голубой футболке.

Опутанный паутиной садик во дворе дома был насквозь пронизан лучами золотого, медленно поднимающегося из-за гор солнца. Под плывущими над серебряной гладью Цемесской бухты кудрявыми облаками в тёплом небе, расцвеченном огромной радугой, метались в поисках убежища от тихого летнего дождя назойливые крупные стрекозы.

Полина, стоя посреди двора, подставляла под крупные тёплые капли лицо и руки. Лёгкий ветерок выбил из-за её уха вьющийся нежно-золотистый локон, который ослепительно засиял в просвечивающих его лучах солнца.

Дождь мягко сыпался из редких дымчатых туч, клубившихся над посёлком, и тягуче шумели на ветру ярко-зелёные верхушки и ветви деревьев. С ласкового неба вперемежку с водой щедро лились на душистую землю потоки солнечного тепла. Андрей провёл кончиками пальцев руки по сочным стеблям высокой травы, и она нежно защекотала их.

Полина в коротком ярко-красном платье, промокая под дождём, сияя улыбкой, смахнула с лица растрёпанные пряди волос и побежала по направлению к городу. Андрей бросился за ней, и через считанные секунды они оказались на городской набережной. Слабо потянуло прохладным ароматом высыхающих после дождя акаций. Вокруг их крупных белоснежных гроздьев мелькали небольшие бабочки. Выложенная брусчаткой набережная приятно обдавала жарким запахом. Дышащее живительной прохладой море ярко отражалось фиолетовым блеском в стёклах домов.

Андрей полной грудью, почти захлёбываясь, вдыхал эту разнообразную смесь неисчислимых арома-

тов своего безмятежного детства. Ему казалось, что впереди – целая жизнь с тысячами таких же прекрасных рассветов, наполненных благоуханием цветущих летних акаций, или синеватым январским снегом, или парным апрельским дождиком и отсырело позванивающими, пузатыми красными трамваями, идущими по улице Советов. А вечером за окном его комнаты загорится длинный ряд ярких фонарей, уходящий прямоком в поздний – земляничного цвета – закат...

Неожиданно купол неба лопнул, и его посветлевшую после дождя лазурь расколола разветвлённая трещина, разбросавшая тысячи ослепительных бликов по морской глади. Небосвод в один миг затянули плотные багровые тучи. Земля под ногами дрогнула и осыпалась вниз. Больно стучась друг о друга, разбивая в кровь колени и головы, они с Полиной покатились в удушливый провал. Упав на жёсткое дно, Андрей почувствовал, что тяжёлые комья земли валяются ему на лицо и что Полины нет рядом. Лёжа на спине с застывшим от ужаса сердцем, он задыхался от могильной сырости и слышал, как скрежесетали вверху острые штыковые лопаты. Вбрасываемая в яму влажная земля начала засыпать глаза, тяжело давить на грудь, не давая ни вздохнуть, ни закричать. Андрей пытался отбросить комья, встать на рассечённые до крови, гудящие от боли ноги, но бездна засасывала его, не позволяя даже пошевелиться...

Неясная сила вытолкнула Новицкого из сна. Негромким сухим треском где-то вдали рвались бронейные снаряды – немцы стягивали к западной окраине Новороссийска новые резервы, подкрепляя очередное

наступление. Андрей скинул одеяло и, тяжело переставляя ноги, вышел из дома. Утренний морозец свежо обдал израненное тело и защекотал за ушами. Слабый свет восходящего солнца прорывался сквозь рваные облака, рисуя тенями обугленных руин на свежем снегу причудливые картины. Плотнее укутавшись в окровавленные лохмотья ватника, дрожа от озноба и шатаясь от слабости, Новицкий медленно пошёл в сторону штаба отряда. Каждое движение отдавалось во всём теле нестерпимой болью. Временами ему казалось, что он не может больше идти. Хотелось упасть на снег и уснуть на ледяной земле навсегда...

Андрей совершенно не узнавал место вчерашнего боя. Весь плацдарм был густо изрыт разветвлёнными сетями свежих траншей с высокими брустверами, оборудованными хорошо укреплёнными пулемётными гнёздами и огневыми точками. Тысячи солдат заканчивали возведение дотов и установку тяжёлых орудий. Издалека загудели и пронеслись мимо него несколько танков Т-34. Низко над головой под угрюмыми серыми тучами с уверенным рокотом прошла в сторону Новороссийска группа русских штурмовиков.

Санитарный взвод собирал тела убитых. Новицкий увидел, как один из солдат с трудом отцепил мёртво сжатые на рукоятках пулемёта ДП пальцы бойца, и замёрзшее тело, не изменив положения, опрокинулось в воронку от бомбы. Несколько человек финками выбивали из мёрзлого кровавого месива тело Энделя. Андрей, не отрываясь, долго смотрел, как достают из земли и кладут на телегу, запряжённую серым осликом, тело его друга и, проводив Мэри полным боли и отчаяния взглядом, зашагал дальше.

Штаба отряда в частично разрушенном, покосившемся на бок доме он не нашёл. Неподалёку белел свежеструганными досками приземистый сруб новой землянки, в которой находился штаб 255-й морской стрелковой бригады. Из него вышел высокий лейтенант в ладно сидящей форме, с туго затянутым новым ремнём и, заметив Новицкого, направился к нему.

– Ты из куниковского десанта, боец? – спросил он.

Андрей кивнул.

– Почему ещё здесь? – удивился офицер. – Почему не эвакуировался со всеми?

– Мне не надо... – с трудом прохрипел в ответ Новицкий. – Дайте оружие! Я буду драться.

Лейтенант недоверчиво окинул взглядом еле стоящего на ногах, мертвенно-бледного Андрея.

– Вчера вечером все оставшиеся в живых бойцы отряда спецназначения были вывезены на катерах в Геленджик, – объяснил офицер. – Ты должен был уйти вместе с ними. На плацдарме из ваших остаётся только майор Куников в качестве старшего морского начальника.

В этот момент к ним подошёл Потапов. Удивлённо посмотрев на Новицкого, он спросил, что происходит.

– Это боец куниковского десанта, товарищ полковник, – бойко доложил комбригу лейтенант, бывший, судя по всему, его адъютантом. – Выясняю, почему он не ушёл в госпиталь вместе со всеми.

– К чёрту госпиталь! – исступлённо проревел Андрей. Я остаюсь здесь. Они убили всех... Слышите?! Всех! Дайте оружие! Мне нужно отомстить!

Он кричал, словно в бреду, с трудом выдавливая слова посиневшими губами, еле переступая на скованных

холодом, одеревеневших ногах. Капельки пота обильно катились по его воспалённому, пылающему простудным жаром лицу.

Потапов шагнул вперёд и по-отечески обнял Новицкого.

– Не глупи, сынок. Успокойся... – мягко похлопав Андрея по плечам, сказал он и, окинув твёрдым взглядом кипевший последними приготовлениями к предстоящему бою плацдарм, добавил:

– Здесь – больше семи тысяч человек, и каждый из них хочет отомстить. И ты тоже получишь такую возможность. Обещаю, что после возвращения из госпиталя тебя назначат командиром отделения противотанкового взвода. А сейчас уходи в Геленджик. Тебе нужно лечение. Лейтенант распорядится, чтобы тебя проводили на катер.

В сторону небольшого, построенного этой ночью пирса, возле которого ожидал плоскодонный глиссер, Новицкого понесли уже на носилках...

Глава XXIV

К середине апреля 1943 года, когда Андрей вернулся на плацдарм, получивший с лёгкой руки Куникова название Малая земля, подконтрольная русским войскам территория на западном берегу Цемесской бухты была уже совсем не такой маленькой, как в первые дни её отчаянного штурма в начале февраля. С сотен квадратных метров она увеличилась до почти сорока квадратных километров. Немецкое командование было вынуждено забыть о планах перехода в наступление и сосредоточиться на обороне.

Майору не было суждено увидеть этого. 8 февраля, всего через несколько дней после дерзкой высадки,

он был смертельно ранен осколком немецкой мины во время разгрузки катеров близ соседнего со Станичкой посёлка Алексино. Из-за вновь разыгравшегося шторма и вспыхнувших с утроенной силой боёв доставить его в госпиталь удалось лишь спустя сутки. Врачи в Геленджике отчаянно боролись за жизнь Куникова, но время было безвозвратно потеряно, и майор, не приходя в сознание, скончался.

14 февраля его хоронили. Улицы Геленджика были забиты людьми. Во главе колонны офицер штаба Новороссийской военно-морской базы нёс на маленькой красной подушечке единственную награду Цезаря – мирную – медаль «За трудовое отличие», а в конце шествия, преодолевая боль в незаживших ранах, медленно плёлся Новицкий, с огромным трудом уговоривший врачей отпустить его попрощаться с командиром.

Как и обещал Потапов, по возвращении на плацдарм Андрей был назначен командиром отделения противотанкового взвода. Восемнадцать молодых солдат уже ждали его на берегу – недавно призванные, не успевшие ещё толком повоевать ребята из числа срочно переброшенных в большом количестве войск с севера, что стало возможным после разгрома Паулюса под Сталинградом и возобновления регулярного транспортного сообщения по Волге.

– Моя фамилия Новицкий, – громко представился Андрей не очень ровно стоящему перед ним строю. – Новороссийск – мой родной город. Уходя отсюда на фронт в самом начале войны, я оставил здесь самых дорогих мне людей – всё, что было у меня в этой жизни. Воевал под Одессой, затем отступил в Севастополь, потом

мы сдали Крым и Тамань и только тут, под Новороссийском, смогли остановить фашистов. И здесь я узнал, что немцы убили всю мою семью, подругу Полину, её брата и мать...

Он ненадолго замолчал, но, совладав с собой, продолжил:

– Наш враг по-прежнему многочислен и очень силён. Когда разрывные пули будут разбивать камни у ваших ног, а на головы будут сыпаться тяжёлые комья от взрывов бомб, вам будет страшно. Захочется вжаться в землю, затаиться и переждать, пока вместо тебя немца убьёт кто-то другой. Этот страх будет отнимать самое главное – время, необходимое, чтобы дать отпор. То бесценное на войне время, за которое фрицы успеют захватить очередной дом. Из таких домов затем сложатся улицы и города. В том числе и ваши города, как бы далеко отсюда они ни находились. Помните об этом, идя в бой! Убивайте фашистов здесь и сейчас, не дожидаясь, пока они поднимутся на крыльцо вашего родного дома!

Новицкий замолчал, твёрдо глядя на немного потерянные и словно смущённые лица молодых бойцов.

– Напра-во! – скомандовал он мягким, пока ещё совсем не командирским голосом. – На позицию – шагом ма-арш!..

17 апреля 1943 года четыре отборные немецкие и две румынские дивизии при поддержке многочисленной артиллерии и трёх воздушных эскадр ринулись на решающий штурм Малой земли с целью ликвидировать ненавистный плацдарм. Сменивший на посту командующего 17-й армией вермахта Рихарда Руоффа, с позором разжалованного после куниковской высадки, генерал-майор

Вильгельм Ветцель, как и его предшественник, написал фюреру собственной кровью клятву – ко дню его рождения сбросить в море прочно закрепившиеся на западном берегу Цемесской бухты русские войска.

Каскады огня в очередной раз захлестнули плацдарм. После многочасовых артиллерийской и авиационной подготовок лучшие полки СС при поддержке огромного числа собранных со всего южного направления танков бросились в стремительное наступление.

Отделение Новицкого в течение многих часов сдерживало мощнейший натиск на переднем рубеже. Отразив очередную атаку, Андрей обнаружил, что живых в их окопе осталось двое – он и совсем ещё юный архангелогородец Ярослав Прозоров. По его детскому, заострившемуся от тягот ожесточённых боёв лицу бродили беспокойные тени, но солдат старался не показывать страха и, как виделось Новицкому, держался молодцом. Смертельно уставшие, но в любую секунду готовые к отражению очередной атаки, они сидели на заваленном стреляными гильзами дне окопа среди трупов товарищей и стальных головок бронебойных гранат. Подкрепление всё не прибывало, а оставить важную позицию бойцы не могли.

Андрей аккуратно протёр рваным носовым платком забитый патронами магазин ТТ и, с щелчком втолкнув его в рукоятку пистолета, взглянул на товарища. В эту секунду, несмотря на несколько тяжёлых боёв, которые им уже пришлось вместе пройти, тот показался ему слабым незащищённым мальчишкой, неожиданно и случайно попавшим из безбрежной тишины далёкого поморского Севера в эту грубую обстановку обнажённой ненависти и грязной уродливой смерти.

Криво затянутый ремень, болтающиеся сапоги, высоко закатанные – не по уставу – рукава фланки – весь подчёркнуто невоенный вид Ярослава говорил Новицкому, что война, к которой он уже так привык, не на всю жизнь и не за горами то время, когда с такими, как у этого парня, закатанными рукавами вновь можно будет пробежаться под летним дождём по освобождённой новороссийской набережной. Примятые съехавшей набок бескозыркой, кудрявые, белокурые, влажные от пота волосы Прозорова, широкий лоб, ровный нос, заполненные льдистой голубизной глаза и налитое здоровым румянцем лицо напоминали ему Энделя.

Ярослав держал в руках помятую фотокарточку и неотрывно смотрел на неё. Андрей осторожно заглянул через его плечо и увидел на снимке задумчивую милотвидную девушку с белыми, длинными, густыми, рассыпанными по плечам волосами.

– Красивая... – сказал Новицкий.

– Не то слово, – простодушно и широко улыбнувшись, но не отрывая взгляда от фото, ответил Ярослав своим размеренным говорком с непривычным для Андрея северным оканьем. – Это моя невеста. Катей зовут. Мы с самого детства друг друга знаем. В соседних дворах росли. Если бы не война, наверное, уже и поженились бы.

Он поднял глаза на Новицкого и с удивлением увидел, как тот встал в полный рост и, отвернувшись от него, пристально посмотрел на бугрящееся широкими волнами море.

– Извините, товарищ сержант... – виновато произнёс Ярослав, пряча фотографию в карман брюк. – Вам, наверное, всё это неинтересно.

Ближние взрывы сотрясли всё вокруг. Над окопом взметнулись широкие столбы дымящейся земли. Малиновые всполохи засверкали пламенем. Визг ударивших в небо высокими кострами снарядов заставил обоих инстинктивно низко пригнуться. Запоздало пролетел и воткнулся в бруствер обессиленный осколок.

– К бою! – проорал Новицкий, первым схватив противотанковое ружьё.

Нарастающий металлический гул танков начал давить на уши. Струйки песка зашуршали, скатываясь в окоп. На окраине Новороссийска, уже видимой с расширившихся рубежей Малой земли невооружённым глазом, с грохотом разламывая тяжёлыми гусеницами остатки руин городских зданий, разворачивались и на ходу перестраивались в ровные чёрные колонны манёвранные немецкие танки. Доносящийся издали металлический лязг быстро перерастал в тяжёлый оглушающий рёв. Две пригнувшиеся фигуры на брустверах ярко осветились спаренными взрывами.

Коротко переждав, пока красный рой раскалённых осколков, оглушительно свистя и взвизгивая, пронесётся над головами, Новицкий и Прозоров принялись отчаянно палить из всех имевшихся стволов по неудержимо накатывающей на них бронированной волне. Комки земли горячо хлестали по оскалившимся лицам. Часто рвались мины. Непроглядная, багровая от пламени взрывов метель пылала и звенела, застилая чистое весеннее небо. Огненные трассирующие точки, надсадно фырча и рассекая ветки поваленных деревьев, с чавканьем влипали в вязкую глину. Из стволов противотанковых ружей отчаянно сверкали колющие языки огня. Зловонные шлейфы шафранового дыма

ползли над землёй. Андрей, упав животом на бруствер, едва успевал всаживать патрон за патроном в надвигающиеся танки, однако силы были слишком не равны. Несколько бронемашин уже горели прямо перед их огневой позицией. Валящий из них жирный чад прижимало ветром к земле, но множество прибывающих танков огибали дымящиеся и продолжали стремительно рваться вперёд.

Сквозь разрывающий воздух перестук снарядов неожиданно близко пахнуло удушающим жаром горячей брони. С рёвом и грохотом в прицеле возник танк с большим чёрным крестом в обводке белого цвета. Обдав оглушающим визгом, шарахнул над головой вихрь пулёмётных очередей. Мощная струя пара окатила бензиновой гарью. Новицкий выпустил последние бронебойные патроны в вырвавшийся из багрового взлетающего дыма танк, но они не остановили его – бронированная машина, тягуче буксуя на развороченной снарядами земле, медленно наползала на окоп.

– Надо уходить, Ярослав! – с трудом перекрикивая надвигающийся грохот, проорал Андрей. – Больше не удержим!

– Сложно будет уйти! – так же крича и на ходу отстреливаясь из ППШ, подбежал к нему Прозоров. – Они нас уже плотно на мушке держат!

– Времени нет! – громко сказал Новицкий, выхватывая из разбитого ящика две противотанковые гранаты. – Я их подорву, а ты быстро уходи в дальние окопы! У тебя полминуты!

Ярослав, словно оглушённый неправдоподобно близким рёвом мотора, ошеломлённо застыл, не сводя с Андрея растерянного вопросительного взгляда.

– Так не пойдёт, сержант! Я тебя не брошу! – выкрикнул Прозоров.

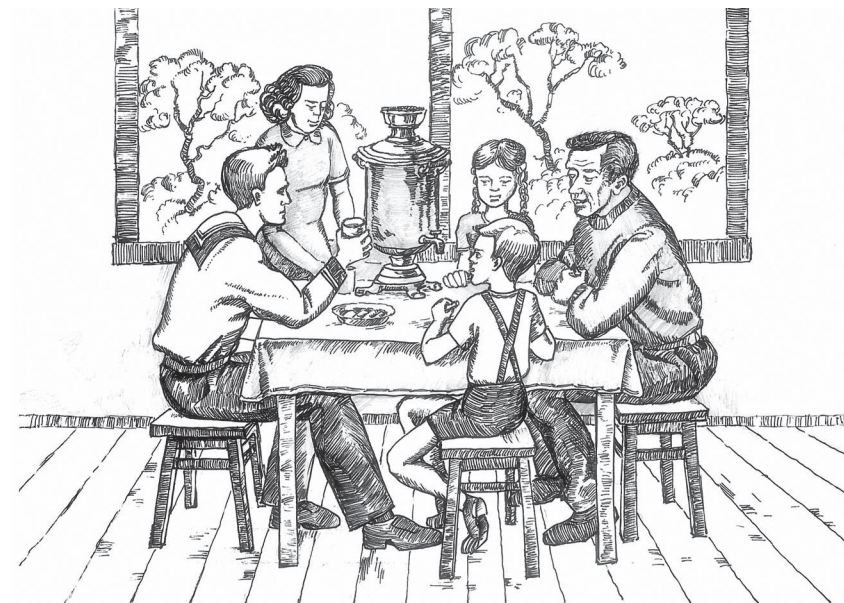
– Это приказ! – заорал Новицкий.

– Ну уж нет! Если уходить, то вместе! Умирать тоже вместе! – белея то ли от досады, то ли от злости, прокричал Ярослав и нагнулся за гранатами.

Андрей перехватил его руки почти у самой земли и, посмотрев ему прямо в глаза, отчётливо произнёс:

– Не надо вместе. Ты живи, прошу тебя! Тебе есть ради кого жить!

С этими словами он выскочил с гранатами из окопа и бросился под уже почти наехавший на них танк...

Эпилог

Июль 1965 года выдался на Соловецких островах на редкость холодным. Неяркое, словно меркнувшее на глазах, низкое северное солнце роняло на камни и в море слабые, почти не греющие лучи.

Выпускник Ленинградского Нахимовского военно-морского училища Андрей Прозоров, высаженный рыбаками на Муксаломской дамбе, коротко попрощался с доставившими его из Кеми попутчиками-земляками. Предвосхищая долгожданную встречу с семьёй, он нетерпеливой походкой зашагал по неширокой дороге. Проложенная несколько веков назад через весь Большой Соловецкий остров местными монахами, она до сих пор

округло прорезала своими плавными петлями густые заросли леса.

Слыша лишь собственное учащённое дыхание, Андрей пробирался сквозь чащу приземистых кустарников и многолетних разлапистых елей, под широкими ветвями которых всё ещё белели неровные островки нерастаявшего снега. Его ноги то тонули в пружинистых подушках крепкого мха, то скользили по мокрым после утреннего дождя камням, не нарушая хрустальной вековой тишины. По сторонам дороги неподвижными блестящими зеркалами лежали тихие молчаливые озёра, окаймлённые тёмно-зелёными валунами. Посреди безмолвия сурового леса в их равнодушной ко всему живому холодной глади полноцветно и до мельчайших штрихов отражались стоявшие на берегах высокие сосны.

Наконец вдали, за маленьким, налитым тёмно-сизой водой Святым озером, на фоне хмурого северного неба чётко вырисовались обомшелые стены и грузные заострённые башни Соловецкого кремля, будто придавившего землю исполинским утюгом.

Андрей обогнул массивный корпус древнего монастыря, сложенного из огромных, густо поросших мхом валунов, и вошёл в центральные ворота. На просторном дворе сидели жирные чайки, коротко перекликающиеся друг с другом обрывистым хохочущим криком. У некоторых на спине рябыми пушистыми комочками на тонких лапках стояли недавно вылупившиеся птенцы.

По широким ступеням здания бывшего Спасо-Преображенского собора с несокрушимо тяжёлыми, белыми – без узоров – стенами, вросшими в землю, торопливо сбегал инженер-реставратор Ярослав Иванович Прозоров, минуту назад заметивший Андрея из окна кабинета.

– Ну, наконец-то! – не скрывая радости, проговорил он, быстро идя по двору и огибая неповоротливых, путающихся под ногами птиц.

Отец и сын крепко обнялись.

– Мать с Полиной и Сашкой уже заждались, наверное... – добавил Ярослав Иванович.

Они вышли из кремля, неровно раскинувшего свои массивные стены между тяжелыми приземистыми башнями на берегу бухты Благополучия, и направились к узкой пристани, у которой неподвижно стоял в стеклянной воде небольшой моторный карбас. Береговые чайки долго кружились над ним, провожая до выхода из бухты и отчаянно требуя хлеба. Постепенно они отставали от деревянной лодки, стремительно летящей по ровной, без намёка на волны глади, и усаживались на серую воду, легко втыкаясь выпуклыми грудками в её нарушенную судном поверхность. Оставленный позади берег синел вдали тонкими, едва заметными тенями над пустым и свободным Белым морем.

Ярослав Иванович ошвартовал лодку у крошечного пирса на мысе Печак и вместе с сыном вышел на берег. Екатерина и Полина – жена и дочь – уже варили на костре жирную соловецкую уху из свежей, только что выловленной сельди, а младший – Саша копошился среди мокрых болотных кочек, собирая со стеблей и сразу же поедая крупную оранжевую морошку. Увидев Андрея, все разом бросились к нему.

– Вернулся, вернулся! – громче всех кричал Сашка, с интересом рассматривая новую военно-морскую форму Андрея и его белый ремень, на квадратной бляхе которого блестели выпуклые якорь и звезда.

После сытного ужина, разливая по кружкам горячий душистый отвар из северных трав с терпким ароматом лесной хвои, Ярослав Иванович спросил сына:

– Что будешь дальше делать? Уже получил распределение?

– Пока только предварительно, отец... – ответил Андрей, отпивая обжигающий напиток. – Вероятнее всего, на Черноморский флот.

Ярослав Иванович поднял глаза к мгlistому, как будто затянутому брезентом, но по-своему красивому небу и задумался. Весной 1943 года он начал там, на бесконечно далёкой от суровых полярных широт Малой земле свой боевой путь. Потом с тяжелейшими сражениями дошёл до Берлина и вернулся домой. Здесь его ждала любимая девушка Катя, ставшая его женой и подарившая ему троих замечательных детей.

– Ты же вроде воевал в тех краях? – как будто догадавшись, о чём думает отец, спросил Андрей. – Если что-то нужно, скажи.

– Да, пожалуй... – словно собирая воедино нахлынувшие мысли, сказал тот. – Если доведётся оказаться в городе Новороссийске, возложи на Малой земле венок – дань памяти моему сослуживцу Андрею Новицкому.

– От тебя, отец? – спросил Андрей.

Ярослав Иванович окинул тёплым взглядом сидящую вокруг него семью и, счастливо улыбнувшись, ответил:

– От нас, сынок. От всех нас...

*Хартум
Гавана
2016 год*

Содержание

От автора.....	9
Пролог.....	15
Глава I	19
Глава II	31
Глава III.....	44
Глава IV	56
Глава V	73
Глава VI	90
Глава VII.....	105
Глава VIII	117
Глава IX	129
Глава X	142
Глава XI.....	155
Глава XII	168
Глава XIII	185
Глава XIV	199
Глава XV.....	213
Глава XVI	235
Глава XVII.....	250
Глава XVIII	264
Глава XIX	276
Глава XX.....	289
Глава XXI	311
Глава XXII.....	326
Глава XXIII	337
Глава XXIV.....	349
Эпилог	357

16+

Литературно-художественное издание

Сергей Сергеевич Коняшин

Последний рубеж

Роман

Редактор и корректор: М. Д. Чернышенко

Иллюстрации: В. В. Зиппа

Подписано в печать 23.03.2020.

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 182. Бумага Golden Star Matt 157 (170) г/м²
Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Тираж 100 экз. Заказ №27763

Отпечатано в ООО «Новороссийская типография»
353900, г. Новороссийск, ул. Свободы, д. 16, +7 989 800-08-80
zakaz@nph.ru nph.ru